

Анна-Екатерина Эммерих

ЕВАНГЕЛИЕ ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

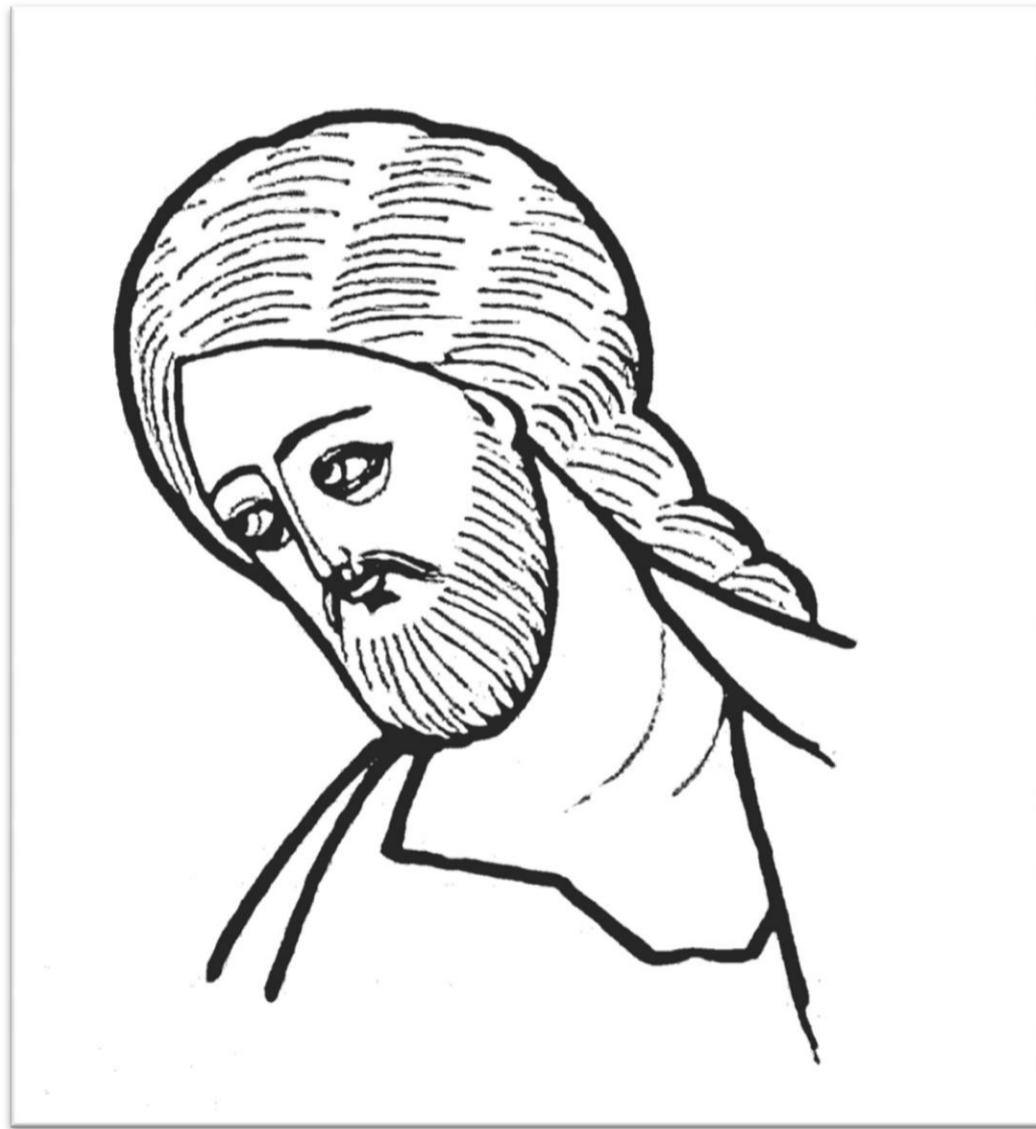
РАСПЯТИЕ и ВОСКРЕСЕНИЕ

Анна-Екатерина Эммерих

ЕВАНГЕЛИЕ ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Ангельское Откровение
о земных днях Господа

РАСПЯТИЕ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Москва

Предисловие Евангелие от Анны-Екатерины

Евангелие от Анны-Екатерины Эммерих достойно называться всесвятским, каноническим, вселенским. Состоялся бы восьмой собор Христовой церкви - его утвердили бы как абсолютно достоверное, доподлинное, прочитанное по живым страницам вечного Евангелия, перечитанное заново, доказанное нам, доведенное до сердца.

Дюльменская монахиня, нищенка земная, родом от простых и добрых родителей, Анна-Екатерина с детства прикована к постели. Не выпускает из рук бенедиктинский крест с заклинаниями против дьявола - сильнейший на изгнание бесов. И Господь, помещая ее в облако живого слова, рассказывает ей о Своих земных днях, раскрывает книгу жизни. Анна видит древних патриархов Ноя, Авраама; подобно Данте, она сходит в ад, с ужасом видит, как на месте захоронения безвестных мощей строятся таверны и дома терпимости... Господь избрал ее Своей невестой и привел в небесный Назарет, где открыл сердце, как никому.

Известны нам святые отцы времен Вселенских соборов - от Иоанна Златоуста до Симеона Нового Богослова, и последние праведные соловецкие летописцы - кровью и по иным скрижалям... А что мы знаем о святых матерях? Из древнего предания известно, что однажды инок архиепископа Константинопольского, принеся в полночь чай Златоусту, увидел апостола Павла, диктующему на ухо, и отца, что-то спешно записывающего. Кто диктовал евангелие Анне-Екатерине Эммерих?

День за днем и час за часом три с половиной года земного свидетельства Господа уместается ровно в три с половиной года жизни Его земной летописицы. Три иерусалимских пасхи совпадают с календарными пасхальными днями по католическому календарю. Христос как бы рождается заново, переживается ею от начала мира. Анне-Екатерине открываются мельчайшие подробности, тысячи имен. Католический мир потрясен. Ученые исследуют множество неслыханных ими названий городов того времени, новых имен евангельских персонажей. География Анны-Екатерины оказывается абсолютно аутентичной, хотя простодушная дюльменская монахиня странствовала по миру лишь мысленно в духе. Ее описание Распятия потрясает - читатель становится его живым соучастником.

Длится литургия слова... Это непередаваемо, такое можно прочесть лишь в Царствии! И как надо благодарить Божие провидение за то, что в наши дни, когда Евангелие трактуется и так и эдак, на разные лады, а говорит сердцу так редко и еще реже приобщает к таинствам Христа, вновь трепетно, доступно, сопричастно прочесть вместе с Анной-Екатериной Эммерих земную жизнь Спасителя, стать Его учеником и не отречься от Него, присутствовать в час гефсиманского борения, претерпеть, остаться верным до последнего...

Нет и речи о литературном даре боговидицы. После ночных страдальческих восхищений, сопровождающихся сверхчеловеческими болями в стигматах-ранах, Анна-Екатерина способна лишь шептать, едва шевеля губами, почти невразумительно. Она говорит сердцем, намеками, едва ли не междометиями, повествует о неопишемом едва ли не без слов. Анна-Екатерина плачет ... Как она хотела бы, чтобы открывшиеся евангельские тайны животворили ее друзей и весь мир!

Но кто запишет на бумаге ее почти безмолвные косноязычные повествования? Ближние над ней смеются...

Дюльменскую обитель закрывают, и Анна-Екатерина вынуждена поселиться где-то в частных комнатах, содержа себя шитьем и штопкой одежды для детей. Ее любимые занятия - окормление сирот конфетами и созерцание луговых цветов. Собирать цветы, как в детстве, и говорить с каждым из них она уже не может. Но Господь проводит ее по иным лугам - премудрости. И Анна-Екатерина, как пчелка, собирает мед в духовный улей.

Знаменитого в светских кругах поэта и философа Клеменсо Brentano Эммерих видит едва ли не с детства. И в свой час ангел слетает с неба с оливковой ветвью и говорит: «Летописец найден. Жди его с часа на час» Brentano между тем в кризисе. Поэзия ему опостылела - скучно, и взгляд уныло блуждает по бесчисленным томам с тисненными золотом переплетами, по кожаным корешкам раритетов в богатой библиотеке. Случайно из третьих рук Brentano узнает о дюльменском чуде, некая бедная монашка слышит голос Господа и невнятно бормочет о виденном ею. Многие припадают к ее сердцу, слушают ее, смотрят в искренние глаза, удивляются, недоумевают, разводят руками и говорят соседям: «Послушайте, послушайте, какие творятся чудеса! Анне-Екатерине говорит Господь. Что это, не больна ли наша немощная Аннушка-Екатерина? Не нуждается ли в помощи врача?»

Сердце Brentano гложет уныние, и он решает отправиться в далекий путь к Анне-Екатерине. Погода дождливая, он вымок, но придя, едва снимает макинтош и, по повелению присутствующего здесь ангела Евангелия, бросается в ноги сестре Эммерих, припадает к ее стопам и желает остаться навсегда. Ему здесь хорошо, легко, блаженно. Апостольские кущи разбиты, и уже в следующий визит Brentano говорит брату о своем твердом решении продать библиотеку, расстаться с мирскою славой, обществом, поэзией и переселиться в Дюльмен, чтобы провести остаток дней с этой таинственной женой, записывая и готовя к

изданию слышанное от боговидицы. Brentano потрясен. Простой поэт, каких сотни на земле, сподобляется невозможного: подобно Эноху, он ходит пред лицом Господним; подобно Моисею, слышит голос небесного Владыки! Анну-Екатерину он называет олицетворенной Синайскою горой, его сердце колеблется и трепещет от волнения, как гора Хорив в час откровения Яхве. Друзья недоумевают, посылают вестников с просьбой вернуться, восстановить прошлое. Обещают собрать деньги помочь сколотить состояние и вернуть в библиотеку проданные книги, но Brentano даже не хочет слушать, а когда его навещают друзья, отказывается принять их. Его вычеркивают из числа живых. Жизнь Клеменсо без остатка посвящена Анне-Екатерине.

Запись происходит следующим образом: повинувшись внутреннему зову, чаще всего утром, Brentano приходит в комнату Анны-Екатерины и, прильнув к ее сердцу, чутким слухом внемлет сбивчивому повествованию. Порой он не различает почти ничего, кроме шипящих звуков. Тогда он просит повторить, но Анна-Екатерина страдает еще больше: она не может передать то, что говорит Господь. «Это непередаваемо! Это абсолютно невозможно! Я не могу говорить о Господе. Спаситель говорит иначе...». Особенную трудность составляет Анне-Екатерине восстановить последовательность событий, вспомнить имена участников их, пересказать прямую речь и передать в словах виденное ею и пережитое ночью в состоянии экстаза. Brentano записывает каждый ее вздох, фиксирует каждое восклицание, каким бы неуместным оно ни казалось, и позднее, не выходя из молитвы, просит ангелов Евангелия раскрыть таинственный их смысл. Порой ему приходится буквально расшифровывать эти полувнятные шепоты, но его сердце так тесно соединено с сердцем сестры Эммерих, что он понимает без слов. Ему ясно: Анна-Екатерина просто инструмент. Нужно услышать голос Господа. Спаситель говорит с ней как бы в инобытии и облако фаворское охватывает его, евангельского летописца...

Постепенно слово за словом складывается законченная картина и, проведя ночь в обработке рукописи, наутро, когда Анна приходит в человеческое состояние, Brentano читает ей отрывок и, заручившись ее кротким благословением (она смиренно кивает головой), ставит знак: «окончательно». И так день за днем и год за годом. Блестящему литературному шедевру Евангелия от Анны-Екатерины мы обязаны преображенному Божией благодатью литературному и человеческому дару Клеменсо Brentano. Его брат Иоганнес, также известный в литературных кругах, уже склоняется в пользу Клеменсо и навещает его, но Клеменсо не до него.... И когда редкие посетители, среди которых католический профессор-богослов и несколько других друзей, навещают больную, он тихо уходит в угол комнаты и становится как бы незаметным.

В часы утренней молитвы Brentano вспоминает о записанном. Вот беседа Господа с его другом Элиудом. Величайшая из евангельских тайн, почти

неведомая богословам: непорочное (благословенное) начало действовало через Авраама! Одновременно с линией греха, возрастала ветвь благословенных - начало жизни передавалось через благословенное потомство, пока через Господа и Пресвятую Деву домостроительно не сообщилось святым Христовой церкви...

Иногда Анна-Екатерина исполняясь вдохновением, рассказывает ясно, и повествование из уст ее течет, как мед. Глаза тогда загораются нездешним светом... Но большей частью скорби ее таковы, каково состояние Спасителя в Его земные дни. Распятый свет, распятая любовь, распятое живое Слово! Brentano счастлив разделить крест боговидицы. Но его и без того слабое здоровье портится. Сердце сдает от непрерывной нагрузки и волнений. Brentano успевает издать несколько книг, прочее же - дело благодарного христианского потомства.

Евангелие от Анны-Екатерины переведено на десятки языков и пользуется величайшей известностью в католическом мире. Российскому читателю оно преподнесет истинный образ Того, Кто дал ей дар видеть Его таким, каков Он есть, и слышать Его голос. Не настало ли время и нам, живым и мертвым равно, слушать голос сладчайший, полный любви и обращенный к нам силою любви? Не пристало ль и нам пережить Евангелие, творимое на наших глазах? Через живых святых сходят Его печати, и являются светлые подвижники, и через них сияет Его вечное благословение и источаются неземные ароматы.

01.03.97г.

+ *Архиепископ Иоанн*

Тайная Вечеря

Глава 1

Накануне Тайной Вечери

Тайная Вечеря происходила в четверг 29-го марта. Спаситель знал, что это был последний день Его пребывания с учениками, когда лютая злоба Его врагов сдерживалась Божиим Промыслом. Еще до рассвета Иисус призвал Петра и Иоанна. Он наставлял их в том, что им делать и о чем распорядиться в Иерусалиме. Господь сказал, что, придя в город, они увидят человека, несущего кувшин с водой. Ученики были знакомы с ним - в предыдущий год на празднике Пасхи он был с ними в Вифании. То был Элий, родственник Захария из Хеврона - того, в доме которого Господь сообщил близким об усекновении главы Крестителя. У Элия был только один сын, левит, близкий друг святого Луки. Элий каждый год приходил со своими слугами на праздник Пасхи в Иерусалим. Он снимал помещение и, приготовив все для праздника, сдавал горницу пришедшим издалека паломникам.

Петр и Иоанн перешли ров к югу от храма, с северной стороны Сионской горы. Они прошли вдоль домов, находящихся на южном склоне горы, идя по берегу глубокого ручья, отделявшего их от города.

Взойдя на Сионскую гору, они пошли к югу. Скоро они увидели гористое открытое место, где находилось старинное здание, окруженное дворами. Увидев человека с кувшином воды, ученики последовали за ним в дом и передали слова Спасителя: «Учитель велел сказать тебе, что час Его близится и что Он собирается справлять Пасху у тебя». Элий был чрезвычайно обрадован, увидев их и узнав об их деле. Он поспешил показать помещение апостолам и сказал, что трапеза им уже заказана и он счастлив тем, что все это предназначено теперь для Господа и Его учеников.

В этом году Элий снял здание, принадлежащее Никодиму и Иосифу Аримафейскому. У последнего в этой части города была своя каменоломня, там добывался прекрасный мрамор на колонны и надгробные памятники. Иосиф вел ими торговлю и наблюдал за работой в мастерских. Никодим же, кроме подобного дела, в свободное время занимался ваянием скульптур. Общность работы сблизила Никодима и Иосифа, они стали компаньонами.

Здание, где произошла Тайная Вечеря, находилось к югу от Сионской горы, недалеко от развалин крепости Давида. Эта древняя постройка была окружена ровом и толстыми стенами. Со всех сторон густо росли деревья, тесно смыкаясь друг с другом своей листвой. Здание было расположено очень высоко. Из-под него шло пять труб, по которым подавалась вода и спускались нечистоты. Во дворе слева и справа были видны другие здания, пристроенные к стенам ограды. Направо было жилище управляющего и постройка, в которой Пресвятая Дева со святыми женами часто пребывала после Воскресения Спасителя.

В древности помещение трапезной было гораздо просторнее - его занимали приближенные царя Давида, упражнявшиеся тут в военном деле. Тогда, когда здание еще не было построено, тут находился Ковчег Завета. Следы его пребывания еще сохранились в подземных залах. Под этими же сводами когда-то

укрывался пророк Малахия, писавший здесь свои предсказания об Евхаристии и новом завете. Царь Соломон также чтит это здание, стены которого избежали разрушения, когда вавилонские завоеватели разрушили Иерусалим. Какое-то время здание было заброшено, а ныне оно сияло великолепием.

К празднику Пасхи главный зал очищался, мраморные изделия переносились в левое боковое здание, а центральное помещение отдавалось в наем паломникам.

В середине двора помещалась трапезная, которую уже около недели как очистили и привели в порядок. Это был длинный четырехугольный зал, окруженный со всех сторон невысокой галереей. Потолок опирался на колонны и пилястры, образующие ажурные стены, так что зал весь просматривался бы, если бы перегородки между колоннами не были увешаны дорогими коврами. Свет проникал через открытый потолок, затянутый тонкой прозрачной тканью голубого цвета.

Перед трапезной был обширный вестибюль с тремя входами. Все здание было великолепно украшено, вверху висело множество ламп. Заднюю часть от центральной части зала отделял богатый занавес. В дальнем помещении справа и слева были хранилища для одежд и всяких предметов. Зала трапезной являла, таким образом, поразительное сходство с храмом, имеющим три части: притвор, святилище и Святая Святых.

Посреди задней стены трапезной было нечто вроде алтаря из камня. Каменный треугольник со срезанными углами стоял на трех ступенях, идущих от стены. То была верхняя часть печи, предназначенной для жаренья агнца. Ступени были горячие. Возле них по лестнице был спуск в подземное помещение, проходившее под всем зданием и служившее кладовой.

В алтаре (или печи) было несколько отделений с отверстиями, чтобы разжигать огонь. В этой печи можно было также печь пресный хлеб для Пасхи. В стене над алтарем была ниша, а над ней - изображение пасхального агнца. В другой нише - шкафы с открывающимися дверцами. Тут стояли сосуды и раковины, а позднее в эту нишу убирали святую Евхаристию, оставленную Спасителем. Господь в предыдущие годы не раз приходил сюда, поучал и творил чудеса. Ученики Его также часто бывали здесь и ночевали в помещениях, прилегающих к трапезной.

Переговорив с Элием, Петр и Иоанн пересекли Сионскую гору, перешли мост и пришли к домам в южной части города, где когда-то проживал Симеон Богоприимец. Его дети были в числе тайных учеников Спасителя. Один из потомков Симеона, высокий и смуглый, являлся служителем храма. Он вышел к апостолам, и они вместе пошли на рынок, где продают скот.

Пройдя через Опель (так назывался тот район, через который Спаситель въезжал в Иерусалим в Вербное Воскресение), они пришли в северный квартал города. Здесь, за изгородью, резвились на зеленой траве прекрасные барашки, предназначенные для заклания. Потомок Симеона отобрал четырех из них, причем они ласкались к нему и прыгали, как будто знали его. Ягнят отвели в

здание трапезной, а Петр и Иоанн еще долго ходили по городу, делая различные покупки.

Придя, наконец, в дом Серафии (Вероники), где часто останавливались и раньше, и передав какие-то поручения бывшим там ученикам, апостолы получили от Серафии закрытые покрывалами корзины с вещами для Вечери. Тут же была передана им старинная чаша, употребленная Господом для установления таинства Евхаристии.

Именно эту чашу царь Мелхиседек принес из земли Семирамиды в землю Ханаанскую, придя заложить основание Иерусалима. Именно в ней, стоящей на подносе, Он вынес Аврааму вино благословения. С тех пор сосуд оставался у Авраама и был в свое время перенесен израильтянами в Египетскую землю. С тех пор чаша стояла среди драгоценностей без употребления. Ее как-то даже пробовали переплавить, но это не удалось. Сделанная совершенно особенно: состав металла походил на состав колоколов, чаша была темная, полированная, в форме груши; оправлена золотом, а внутри ее еще одна чаша. На большой подножке ее изображена змея и кисть винограда. Чаша украшена драгоценными камнями, а в углубление подножки вложена вынимающаяся ложечка. Вокруг большой чаши на том же подносе стоят еще шесть малых чаш – из них патриархи пили таинственный напиток, подаваемый при передаче благословения. За давностью времен значение этой чаши пришло в забвение, и ее продали вместе с другими предметами любителям старины.

Вероника купила эту чашу со всем, относящимся к ней. Эти сосуды уже не раз служили при трапезах, предлагаемых ею Господу. Но чаша эта не всегда имела тот вид, как при установлении Таинства Евхаристии. Вероятно, ее переделали по указанию Иисуса.

Многое делалось особо ко времени установления Господом этого великого Таинства. С тех пор эта чаша всегда принадлежала христианской церкви.

« Я и сейчас вижу место, где она спрятана, - говорила Эммерих. – Настанет день, когда сосуд сей вновь будет явлен! »

Малые же чаши были впоследствии розданы Антиохийской, Эфесской и другим церквям.

В то утро, когда апостолы были заняты приготовлением к празднику, Спаситель с великой любовью и непередаваемой нежностью прощался с Лазарем, со Своей Матерью и святыми женами. Господь утешал и поучал их всех вместе.

Потом я видела, как Спаситель наедине беседовал со Своею Матерью. Спаситель сказал Ей, что послал в Иерусалим Петра, представляющего собой веру, и Иоанна, представляющего собой любовь. О Магдалине Господь сказал, что любовь ее велика, но она не достаточно очищена от плотских чувств, и от того-то природа так сильно властвует над нею.

Спаситель рассказал Своей Матери обо всем, что должно с Ним произойти в ближайшее время, и Она умоляла Его разрешить Ей умереть вместе с Ним! Но Сын ответил, что Она должна переносить Свое горе смиренно, быть спокойнее всех остальных, показать всем пример покорности воле Божией. Спаситель утешал Ее, обещав явиться Ей по Своем Воскресении! Тогда Пресвятая Дева почти перестала плакать, лишь оставалась погруженной в глубокую печаль.

Спаситель благодарил Мать за проявленную Ею любовь как самый любящий Сын. Он обнял Мать и долго держал, прижав к Своему сердцу. Он обещал Ей в тот вечер духовно соединиться с Ней на Тайной Вечери, указывая тот час, когда Она должна будет принять Его в таинстве Причащения!

Господь простился со Своими друзьями с великой любовью и нежностью, давая им указания и советы. Добротой и бесконечной благодатью были наполнены последние минуты пребывания Спасителя в доме Его друзей. Он спросил у апостолов: « Где же Иуда?» - хотя и знал обо всем Сам. Господь поведал друзьям о низких планах Иуды, Пресвятая же Дева со скорбью молилась за этого несчастного.

Иуда же в эти часы совещался с фарисеями, среди которых провел весь день. Ему показали тех людей и воинов, которые должны будут пойти с ним и схватить Спасителя. Остальные часы Иуда устраивал в городе какие-то дела, чтобы иметь возможность объяснить апостолам причину своего долгого отсутствия.

Около полудня Господь вышел с девятью апостолами из Вифании. Спасителя сопровождали еще семь учеников, среди которых был Иоанн, сын Марка. Вообще же все ученики Господа в эти дни были в Иерусалиме, кроме Марка и Нафанаила. Святые жены вышли позднее.

Господь посетил сначала Елеонскую гору, Иосафатскую долину и Голгофу. По пути Он беседовал со Своим малым стадом. Он говорил, что до сих пор питал их хлебом и вином, теперь вскоре преподнесет им Свою Плоть и Кровь.

Спаситель говорил, что оставляет им решительно все, что имеет, при этом смотрел на них так проникновенно, точно желал весь перейти в них! Казалось, Он изнемогал от сильного желания отдать Себя тем, кого Он возлюбил. Лицо Спасителя имело совершенно новое, особое выражение в эти часы. Ученики не понимали Его слов; им думалось, что Господь говорит о Пасхальном агнце. Невозможно передать всю любовь, всю покорность воле Божией, какие проявлял Господь в этой беседе.

Семь учеников, вышедших с ним из дома, направились в здание, где готовилась трапеза, положили в прихожей одежды, предназначенные для празднования Пасхи, и вернулись к Деве Марии. Женщины зашли сначала в дом Марии, матери Марка. Петр и Иоанн, вернувшись с сосудами от Вероники, начали убирать коврами стены трапезной. Открыв окна в крыше, они приготовили три висячие лампы. Затем Петр и Иоанн пошли в Иосафатскую долину, где присоединились к остальным апостолам, и немного времени спустя в дом пришли друзья Господа и ученики, чтобы вкушать всем вместе Пасхального агнца.

Глава 3 Пасхальная Трапеза. Омовение ног

В последний раз Христос вкушал со Своими близкими Пасхального агнца. Все разделились на три группы, каждая из которых имела своего управителя, или хозяина стола.

Спаситель с апостолами занимали главный зал. В соседних помещениях во главе столов с учениками были Нафанаил (не апостол Варфоломей) и Елиахим - родной брат Марии Клеоповой. Для них были приготовлены и заколоты три агнца в храме. Для Христа и апостолов по распоряжению Спасителя был приготовлен четвертый агнец, и заклание его произошло особым образом: как это было в Египте во дни исхода (тогда был установлен обряд заклания агнца, как прообраз смерти Спасителя).

Агнец для стола Господа был заклан в здании трапезной левитом, служителем храма, сыном старца Симеона Богоприимца. Присутствующие при этом ученики пели псалмы. Среди них не было только Иуды, а потому он и не знал этого обстоятельства, иначе на суде Иисусу предъявили бы обвинение и в том, что агнец для Него был заклан вне храма. Когда все было готово, привели прелестного молодого ягненочка с венком на голове. Венок отдали потом Пресвятой Деве, Которая находилась с женами в боковом зале.

Ягненка привязали к стойке, что напоминало Спасителя, привязанного к столбу для бичевания. Левит держал голову ягненка, а Христос слегка уколол животное в горло кончиком ножа и тотчас же передал нож левиту, окончившему заклание.

Казалось, Господу было грустно закалывать невинную жертву, и Он сделал это быстро, но с трогательной серьезностью. Собрав в миску кровь жертвы и окунув в нее ветвь иссопа, Спаситель подошел к двери и сделал на замке и обеих половинках двери кровью знаки. Поместив над дверью окровавленную ветвь, Спаситель сказал ученикам, что ангел - истребитель пройдет мимо, не касаясь их, и что в этом помещении они должны будут молиться с доверчивой покорностью Богу и в душевном мире в те часы, когда Он, истинный Пасхальный Агнец будет предаваться закланию. Господь говорил, что наступают новые времена, когда жертвы, приносимые по закону Моисея, будут отменены, потому что близок час, в который будет заклана та истинная Жертва, чьим прообразом служили ветхозаветные. Впервые Господь объявил апостолам о новой Жертве, которая будет приноситься с этих пор и до скончания века.

Они подошли к печи, находившейся у стены здания, как раз над тем местом, где когда-то в подвальном помещении хранился ковчег завета. Огонь уже горел в ней, и Господь окропил кровью очаг, тем самым освятив его как алтарь. Остатки агнца были брошены в огонь. С пением псалмов, при закрытых дверях, Спаситель с апостолами обошли вокруг трапезной, освящая ее, как храм нового завета. Все двери при этом были закрыты.

Для приготовления, агнца растянули между двух переключин, привязав за передние и задние конечности, что напоминало о распятии Господа. Остальные три агнца также были помещены для обжаривания к огню печи.

Наступил час вкушения агнца. Пришел Иуда, и стали устраивать стол. Одели традиционные дорожные одежды: белые туники, похожие на рубашки; плащи, короткие спереди и длинные сзади; обувь дорожная также имела особую форму. Подняли и подпоясали края одежды, как это делается при ходьбе, засучили широкие рукава туник. Одевшись, все направились к столам: ученики - к стоявшему в первом зале, в вестибюле, Христос с апостолами - к поставленному в трапезной.

Взяв в руки дорожные посохи, они подходили парами. Каждый вставал на свое место, поднимая кверху одну руку. Христос стоя у середины стола, получил от распорядителей трапезной две небольшие палочки, слегка согнутые в виде небольших посохов. Сложив их накрест и заткнув их концами за пояс, Господь опирал на них руки, поднятые для молитвы. Все мысли Господа были уже направлены ко Кресту, орудию Его страданий. Сейчас Он опирается на крест, а вскоре плечи Его понесут всю его тяжесть.

Запели псалмы. По окончании молитвы Господь передал палочки: одну - Петру, другую - Иоанну. Апостолы положили их на стол, потом передали дальше.

Полукруглый стол был узким и низким, не выше колена стоящего человека. Против Господа оставалось свободное место для обслуживающих. Справа от Спасителя были Иоанн, Иаков Младший Алфеев и Иаков Старший Зеведеев, в конце Варфоломей. Напротив стоял Фома и последним - Иуда Искариот. По левую сторону от Господа был Петр, Андрей, Фаддей (Иуда Алфеев), Симон Кананит - в конце, против Варфоломея, затем Матфей и Филипп. Посреди стола

лежал на блюде Пасхальный агнец: головкой на передних вытянутых скрещенных ножках, обложенный чесноком. На столе стояло еще одно блюдо с жарким для празднования Пасхи. Далее шли тарелки с зеленью и овощами, как бы сидящими на грядке. На следующей тарелке лежали пучки горьких трав. Перед Спасителем лежала еще тарелка с желтыми травами и другая - с красным соусом. Вместо тарелок у каждого в руке был закругленный ломоть хлеба и нож, оправленный в кость.

Когда молитва окончилась, слуга подал Господу нож, чтобы Он порезал агнца на части. Перед Господом поставили чашу с вином и наполнили чаши, стоящие перед апостолами.

Господь резал агнца и раздавал апостолам на кусках хлеба. Еду они поддерживали маленькими деревянными загнутыми палочками. Агнца вкушали поспешно, отрезая мясо ножами. Кости были собраны и сожжены. Также спешно были съедены чеснок и зелень, которые обмакивали в соус. Все продолжали стоять, слегка опираясь на задние спинки сидений.

Господь переломил один из пресных хлебов, покрыл салфеткой одну его половину, а другую разделил апостолам. Они съели также те ломти, что служили им вместо тарелок. Принесли вторую чашу с вином. Господь возблагодарил, но не пил из нее, сказав апостолам: « Возьмите ее вы и разделите между собой. Я же не буду больше пить от плода виноградного, доколе не придет Царство Отца Моего Небесного!» Выпив вино, они запели псалом. Господь помолился, немного побеседовал с апостолами, затем Он омыл руки. До этого момента все стояли, теперь сели. Иуда находился почти напротив Спасителя.

Глава 4 Предупреждение Иуде

Господь разделил на части еще одного агнца, который был отнесен святым женам в прилегающее здание, где они совершили свою трапезу. Апостолы, сидя, ели салат и другие овощи, обмакивая их в соусе.

« Господь был спокойным и сосредоточенным, углубленным в Себя, каким я Его еще никогда не видела прежде. Также спокойна и смиренна была Пресвятая Дева. Она была удивительна в Своей необычайной простоте, с которой отвечала святым женам, когда они обращались к Ней, подходили и касались Ее покрывала».

Продолжая задушевно и любвеобильно беседовать с апостолами, Спаситель делался все грустнее и серьезнее. Вдруг Он сказал: « Один из вас предаст Меня! Рука предающего Меня со Мною за столом». И Господь передал блюдо с салатом Иуде, чтобы тот угостил сидевших на конце стола. Все были встревожены этими словами, ибо они указывали на одного из тех, кто пил и ел вместе с Господом, на самого близкого, находившегося с ними в тесном общении. Своими словами Господь хотел сделать Иуде предостережение - в данный момент Его слова в прямом смысле относились к Иуде. Господь продолжал: «Сын человеческий идет, как сказано в Писании. Но горе тому человеку, которым он предается! Лучше бы не родиться ему!»

Глубоко встревоженные апостолы начали вопрошать: « Господи, не я ли это?» - зная, что не поняли слов Его до конца. Петр даже подошел к Иоанну и из-за спины Христа сделал знак, чтобы тот спросил: кто станет предателем? Петр часто получал замечания от Господа, а потому боялся, не о нем ли идет речь.

Иоанн возлежал справа от Спасителя, (они опирались на левую руку, а ели правой), и голова Иоанна почти касалась груди Спасителя. Припавши к груди Христа, он спросил: «Господи, кто это?» Иоанн понял, что Господь показывает ему на Иуду, когда Спаситель обмакнул ломоть хлеба в соус и ласково подал Иуде. « Слов Христа я не слышала, - говорила Эммерих. - А предатель тут же спросил: « Не я ли?» Взгляд Христа, обращенный на него, был полон великой любви, ответ же Его звучал неопределенно, неясно ». Передать же сидящему рядом хлеб, омоченный в подливке, означало выразить большое доверие и дружбу. Трогательно и нежно давал Господь этим знаком повторное предупреждение Иуде, однако не указывая на него прямо другим апостолам. Все же Иуда был этим необычайно раздражен. Эммерих в духе видела страшное, нечистое животное у ног Иуды, которое поднималось до самого его сердца.

Иоанн ничего не ответил Петру, но взгляд любимого апостола, которым он посмотрел на встревоженного Петра, успокоил последнего. Все поднялись, чтобы переодеться в обычные одежды и подготовиться к торжественной молитве. Вошел распорядитель стола с двумя слугами убрать стол и отодвинуть сидения. Спаситель сказал им, чтобы приготовили воду.

Оставшись с апостолами, Спаситель долго и убедительно говорил им о Своем скором возвращении к Отцу, о наступлении Его Царства. Он еще раз повторил, что оставляет им все, что имеет. Он обучал их покаянию, сокрушению сердечному, смирению и прощению грехов. Апостолы, исключая Иуду, с глубоким раскаянием исповедовали свои грехи.

Когда Спаситель окончил Свою длинную и торжественную речь, Он послал Иакова Младшего принести воду. Господь приказал расставить полукругом сидения. Он вышел в вестибюль, снял с Себя верхнюю одежду, подобрал и подпоясал полотенцем нижнюю одежду. Один конец полотенца свисал вниз.

В это время среди апостолов возник спор о том, кто из них старший. Из последней речи Господа они решили, что Он откроет им какую-то тайну, относящуюся к Его Царству, и ожидается что-то торжественное, должное

произойти в эти Его последние часы. Спаситель послал Иоанна за тазом. Сам налил воды в сосуд и, войдя в трапезную, несколькими словами унял спорящих.

Он желает, сказал Господь, сам послужить им; и велел им сесть в том же порядке, как они сидели за столом.

Апостолы ставили босые ноги на нижнюю часть сидения, а Спаситель переходил от одного к другому. Иоанн держал мех с водою, господь же, нажимая на него, поливал на ноги апостолам, мыл и вытирал их полотенцем, которым был опоясан. Использованную воду сливали в таз, стоящий в горнице, и Спаситель переходил затем вместе с Иоанном и Иаковом к следующему апостолу.

Господь не формально совершал сей обряд, но проявлял самую нежную любовь. Спаситель показывал, что это для Него - святой обычай, которым Он хотел выразить глубокую привязанность к Своим ученикам. Петр смиренно уклонился было от омовения ног и сказал: «Господи, Тебе ли омыwać мои ноги?» Христос ответил, и произошел разговор, описанный в Евангелии. Говоря: «Не все из вас чисты» Спаситель имел в виду Иуду Искарюта. Господь объяснил апостолам таинственное значение омовения ног, как символическое очищение от повседневных прегрешений и ошибок, пристающих к недостаточно бдительной душе, как дорожная пыль к ногам.

Петр со своей поспешной горячностью увидел в омовении ног унижение Своего Учителя. Петр не знал, что на следующий день, чтобы спасти его и всех нас, его Учитель унижится до позорной смертной казни на Голгофском Кресте.

Подойдя к Иуде, Господь выразил ему самое нежное чувство любви: целуя ноги предателю, Господь просил заглянуть Иуду в тайники души своей. Предательство Иуды поражало Спасителя болезненнее всех Его грядущих страданий. Спаситель тихо сказал ему, что вот уже целый год, как Иуда носит в себе мысли измены и предательства, но Иуда сделал вид, что не слышит Его слов и попытался заговорить с Иоанном. Возмущенный этим Петр воскликнул: «Иуда! Господь говорит!». Предателю пришлось ответить - он неопределенно и неуверенно отрекся от обвинения сказав, что далек от чего-либо подобного. Никто из апостолов не обратил внимания на этот разговор, ибо все были заняты тем, что одевали свою обувь:

Последним Господь омыл ноги Иоанну и Иакову, причем уже Петр держал мех с водой. Спасатель говорил им о смирении, о том, что наибольший из них должен быть им всем слугой. Покончив с омовением ног, все опустили свои туники, и Спаситель снова надел Свою верхнюю одежду.

Глава 5 Таинство веры. Причастие

Уже много веков у евреев был обычай преломлять хлеб и пить из общей чаши при расставании друзей или при встрече после долгой разлуки. Это было знаком

тесного союза. Господь же в последний Свой вечер превратил сей обычай в великое таинство. По слову Спасителя управляющий трапезой установил стол, несколько приподняв его. Поверх ковра, покрывающего стол, положили красную скатерть, а сверх нее - белую, ажурную.

Поставили чашу с вином и другую с водой. Петр и Иоанн принесли из шкафа на подносе чашу, полученную у Вероники. Чаша была припаяна к подносу. Ее поставили против Спасителя. Тут же стояла тарелка с тонкими продолговатыми пресными хлебцами с прямыми продавленными линиями сверху (маца - святой хлеб иудеев). Хлебов было три, и Господь уже преломил один из них при вкушении агнца, положив оставшуюся часть под салфетку. На столе стояло также густое масло и растительное - жидкое, при котором лежала ложка для черпания.

Двери в горницу были закрыты. Христос поместился между Петром и Иоанном. Сняли футляр с Чаши и убрали его в особое потаенное место.

Господь помолился и обратился к ученикам. С благоговением объяснил Он Своим апостолам Таинство Причащения. Все было свято и торжественно. Так священнослужитель объясняет священникам, как надо служить Литургию.

Господь выдвинул подвижную дощечку из подноса и покрыл ее белым платком. Сняв с верха Чаши металлическую пластинку (подобную нашим дискосам), Господь положил ее на платок. На дискос Спаситель положил хлебы, лежащие рядом с Ним. Он вынул из большой чаши другую, находящуюся внутри нее, и поставил меньшую чашу в ряд с шестью другими, стоявшими на подносе.

Спаситель благословил хлеб, подняв двумя руками дискос, на котором они лежали. Он молился, возрев на небо, предложил хлеба, опустил дискос и покрыл его. Затем Он взял Чашу, принял в нее от Петра вино и от Иоанна - воду, которую благословил, влив ее ложечкой, находящейся в подножке Чаши. Благословив Чашу, Господь поднял ее с молитвой и предложением. Затем поставил ее на стол.

Далее Петр и Иоанн полили немного воды на пальцы Спасителя над тем блюдом, где раньше лежал хлеб. Ложечкой, вынутой из Чаши, Он полил водой из блюда и на руки апостолов. Господь делал все сосредоточенно. Поглощенный тем, что совершал, Спаситель в последний раз повторил, что отдает все, что имеет! Говоря это, Он весь переходил в них: внезапно Он стал прозрачным, блистающим.

Он преломлял хлеб на доли и клал их на дискос в форме пирамиды. Отломив частицу от одной доли, Господь опустил ее в Чашу.

В это мгновение Пресвятая Дева получила Святое причастие особым духовным образом, хотя и не присутствовала тут телесно. Неизвестно, как это произошло, но казалось, что Божия Матерь приблизилась к столу с той стороны, где он не был занят, и получила от Спасителя Святое Причастие. Ведь Господь в это утро сказал Матери Своей, что будет духовно разделять с Ней Пасху. Он даже указал Ей тот момент, когда, сосредоточенная в Боге, Она сможет духовно соединиться с Ним через Святое Причастие.

Христос молился и поучал апостолов. Слова, исходившие из Его уст, проникали в сердце всех, исключая Иуду.

Спаситель взял дискос с хлебом и произнес: «Примите и вкушайте - это Тело Мое, за вас предаваемое!» Он поднял руку, благословляя их, и огненный луч исходил от Него! Слова, подобно свету, шли от Него. И хлеб как блистающее тело вошел в уста апостолов. Казалось, Сам Господь переходил в них, ибо все они были залиты светом, за исключением Иуды, оставшегося во тьме. «Мне казалось, что слова Господа отворачивались от уст предателя, - говорила Эммерих. - Это было так страшно, что трудно передать мои чувства».

Господь дал Иуде хлеб третьему и сказал: «Поспешి сделать то, что ты делаешь», - и продолжал давать Святое Причастие прочим апостолам, подходившим к Нему по двое и державшим в руках ту ткань, которой была покрыта раньше Чаша. Иуда не вернулся на свое место, но тотчас покинул горницу, чему апостолы не удивились: они подумали, что Господь дал ему какое-то срочное поручение.

Господь же поднял Чашу на уровень Своих глаз и произнес слова освящения. Я снова видела Его как бы прозрачным, как бы реально переходящим в то, что Он дает. Дав пить Петру и Иоанну из Чаши, которую Он держал, Спаситель поставил ее, а Иоанн, черпая ложницей, наполнил Причастием маленькие чаши апостолов. Петр подавал чаши, и они пили по двое из каждой, передавая ее друг другу.

Во время всей трапезы я в духе видела у ног Иуды небольшое чудовище красного цвета. Его единственная нога была похожа на сухую кость. Когда Иуда подошел к двери, то с ним я видела уже трех нечистых духов: один вошел в его уста, второй тащил его, третий шел перед ним. Была темная ночь, но духи казалось, светили ему, и он бежал как одержимый. Иуда вышел, не возблагодарив и не помолившись. Его пример показывает, как дурно не благодарить, когда получаешь вещественный, а еще более - мистический Хлеб Господень.

В Чаше оставалось немного Святой Крови. Христос перелил ее в ту малую чашу, которую Он вначале вынул из большой. Протерев большую Чашу, Господь убрал в нее малую с остатком Святых Тайн, поставил на нее дискос с оставшимся Святым Хлебом, покрыв сверху все крышкой и пеленой. Вокруг Чаши он поставил шесть малых Чаш. Давая Святое Причастие, Господь давал апостолам Себя, как бы совершая акт наивысшего милосердия. Это непередаваемая, невыразимая тайна!

Все движения Спасителя при таинственном установлении Святой Евхаристии были торжественны и ровны. Его действия имели символические и мистические значения. Так зародился чин святой литургии.

Апостолы записывали о некоторых вещах на небольших свитках, носимых ими обычно при себе. Во время обряда они склонялись друг перед другом, как бы воздавая другому честь, как теперь это делают священники.

«Мне была открыта причина, почему священники сами тоже получают Святое Причастие, сами вкушают от Жертвы, - говорила Эммерих. - Если бы Ангелы давали людям Святое Причастие, то Ангелы не получали бы его сами. Если бы священники не получали бы сами Святое Причастие, то они давно бы перестали существовать. А так Святое Причастие остается с нам.»

Глава 6 Гефсиманское брение

Когда Господь наш Иисус Христос после установления таинства Евхаристии покинул трапезную с одиннадцатью апостолами, душа Его была смущена, и ужас, объяввший ее, все увеличивался. Спаситель пошел на гору Елеонскую (Масличную) не прямой дорогой, а через долину Иосфатскую.

Когда они выходили из дверей, я увидела луну. Она не была еще полная, я видела, как она выходила из-за горы.

Проходя с апостолами через долину Иосафатскую, Господь сказал, что настанет день, когда Он вернется в эту долину, но не в бедности и смирении - то будет день, когда Он будет судить живых и мертвых! Тогда злые, объятые ужасом, воскликнут: «Горы, падите на нас!» Но апостолы не понимали Его слов. Они думали, как было уже несколько раз в тот вечер, что усталость и изнурение заставляют Его бредить. Долго они шли, потом остановились, чтобы легче было говорить друг с другом. Господь сказал им: «В эту ночь вы соблазнитесь обо Мне все, как написано: “Поражу Пастыря - и овцы рассеются!” Но по Воскресении Своем предварю вас в Галилее».

Благодаря благодати, полученной ими от святого причащения и слов Спасителя, обращенных к ним, апостолы были полны жара и любви к своему Учителю. Они теснее сплывались вокруг Него и выражали Ему свою привязанность, говоря, что никогда не покинут Его. Спаситель же продолжал говорить о том же, и тогда Петр сказал: «Если все соблазнятся о Тебе, я не соблазнюсь никогда». Господь ему ответил: «Истинно говорю тебе: в эту ночь, прежде чем петух пропоет, ты трижды отречешься от Меня!» - но Петр ответил: «Если бы мне пришлось умереть за Тебя, я все же не отрекнусь от Тебя!» И остальные апостолы говорили то же. Они то шли, то останавливались, и при этом скорбь Спасителя все возрастала. Они пытались чисто по-человечески утешить Его, уверяя, что то, чего Он опасается, не случится - надо надеяться, что не случится. Но видя, что их усилия бесполезны, а, главное, вследствие того, что уверенность, с которой они говорили, утомила их самих, они начали сомневаться, и тут-то искушитель одержал над ними свою первую победу.

Гефсиманский сад, куда они направлялись, расположен на горе Елеонской приблизительно в двух километрах от здания с трапезной. Надо идти четверть часа от трапезной до ворот города в долине Иосафатской и еще такое же расстояние от долины до сада Гефсиманского. Сюда Господь часто приходил в последние дни со Своими учениками, учил их тут и проводил иногда целые ночи в молитве. Здесь несколько покинутых жилищ, большой сад, окруженный изгородью, в нем много цветов и плодовых деревьев. Сюда ходили молиться или гулять люди, не имевшие собственных садов; приходили справлять свои праздники с продуктами для трапезы.

Сад Масличный отделяется от сада Гефсиманского небольшой дорожкой; он ближе к горе Елеонской (Масличной), меньше другого сада, но более открытый. Вся загородка состоит из земляного вала или стены. В саду гроты, пещеры, площадки и группы масличных деревьев. Попадаются скамейки, глубокие пещеры, где можно уединиться для молитвы и размышлять в тишине. То место, которое обычно выбирал Спаситель, было самое пустынное и грустное. Приблизительно около девяти часов Христос пришел со Своими апостолами в Гефсиманский сад. Луна начинала слегка проливать свет на землю, Господь был глубоко печален и говорил о близящейся опасности. Апостолы встревожились Его словами, а Христос сказал, показывая им на группу деревьев: «Останьтесь здесь, пока Я пойду молиться». Апостолы (восемь человек) остановились, и тут их нашли потом остальные ученики.

И взявши с собою Петра, Иоанна, Иакова Старшего, Спаситель направился к саду Масличному, идя по той дороге, которая ведет к вершине горы. Немыслимо описать Его скорбь. Он чувствовал, как ужас и искушения приближались к Нему. Иоанн спросил Спасителя, как может Он, всегда утешавший их, быть таким убитым. Христос ответил: «Душа Моя скорбит смертельно!» Потом, взглянув вокруг, Он увидел ужас, страх, искушения, движущиеся на Него угрожающими тучами. Тогда, обратившись к апостолам, Иисус сказал: «Останьтесь здесь, бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». И они остались в этом месте.

В то мгновение, когда Христос расстался со Своими учениками, широкий круг ужасных призраков еще теснее сжался вокруг Него. Христос хотел продолжить Свой путь, но призраки, осаждавшие и преследовавшие Его, становились все явственнее. И свернув налево с того места, где были апостолы, Он пошел укрыться в пещеру, чтобы помолиться - подобно путнику, ищущему крова от бури.

Почва в этой пещере постепенно спускалась вглубь (приблизительно на шесть футов), и высокие травы на краю скалы так закрывали вход в пещеру, что можно было, оставаясь в ней, не быть замеченным снаружи.

Страшные призраки вползали за Ним, их очертания делались все яснее и отчетливее во всей их отвратительности. В этом тесном пространстве собрались в самых устрашающих формах все грехи, совершенные людьми, начиная от падения наших прародителей и до конца мира, - со всеми наказаниями за них.

Его скорбь и ужас все возрастали. Дрожа всем телом, Он с трепетом стал молиться...

Я тогда ясно почувствовала, что Спаситель, отдавая Себя на муки Своих страданий и жертвуя Собой, принося Себя в искупительную Жертву перед справедливостью Отца за грехи всего мира, как бы отдал Свою Божественную сущность в Лоно Святой Троицы. Совершил это Господь по Своей бесконечной любви, потому что хотел, чтобы Его человеческая природа, святая со всей Его невинностью, нежностью и чуткостью, страдала бы без поддержки Божественной, а только любовью Своего человеческого сердца выстрадала бы все скорби, все ужасное и тяжкое, что должно перенести еще роду человеческому!

Христу предстояло искупить и самый корень зла, и все злые пороки с вытекающими из них грехами, как бы ветвями этого корня - ветвями нечистыми. Спаситель из великой любви к нам согласился принять в Свою душу как зерно всего искупления все исцеляющие нас страдания, должны были оздоровить, спасти, возродить человечество.

А так как грехи, которые Господь захотел искупить, были бесчисленны, то Он хотел, чтобы и все бесчисленные страдания - ветви древа искупления - вошли бы во все клетки Его души и во все члены Его тела.

И как бы покинутый, оставленный в Своей человеческой сущности, молясь Богу с невыразимой скорбью и неопикуемыми тоской и ужасом, Спаситель упал на лицо Свое. И еще яснее, чем раньше, Он увидел грехи всего мира в их беспредельном лукавстве и в их бесчисленных образах и формах. И все Он брал на Себя... В молитве, обращенной к Отцу Своему Небесному, Спаситель предложил Себя в искупление за все бесчисленные грехи человеческие. А сатана, двигаясь со смехом, непередаваемо страшным среди всех этих видений зла, не переставал выплескивать свою ярость на Христа. Развертывая перед душой Спасителя картины грехов все более мерзких, он наступал на человечность Спасителя: «Как Ты думаешь взять все это на Себя и выстрадать все наказания и воздаяния за грехи? Как можешь Ты принести искупление за столько злодейств?»

Между десятью и одиннадцатью часами какая-то светящаяся полоса показалась с востока на небе, и я видела ангелов, движущихся по этому пути и сходящих к Господу, чтобы поддержать и укрепить Его. Пещера же была наполнена страшными видениями греха и нечистыми духами, подступающими к Спасителю.

Господь был подавлен этой бездной преступлений, но душа Его любила беспредельной любовью Бога и человека - и Христос взял на Себя это ужасное бремя. Грехи все проникали и проникали в душу Христа, как потоки огромного моря, и Он почувствовал в этой бездне, в пустыне скорби, невыразимый ужас, испытал неопиcуемый трепет души, когда взял на Себя тяжесть всего нечестия мира!

Христос предложил Себя в Жертву за всех, предложил Себя Отцу для воздаяния за все зло, и дьявол, как некогда в пустыне, воздвигал на Него всевозможные искушения. Он даже покушался обличить невинность Спасителя, Его безгрешность. «Как Ты можешь, - говорил он, - взять все это на Себя, когда Ты Сам нечист пред Богом?» И развертывая перед Христом Его мнимые проступки, он с сатанинской дерзостью осыпал Его упреками. Дьявол обвинял Спасителя во всех проступках Его учеников, в соблазнах, к которым Иисус давал повод, упрекал Его в беспорядках, которые Он принес в мир Своим служением, нарушая старинные религиозные обычаи.

Сатана говорил так, как мог бы при таких обстоятельствах говорить самый хитрый фарисей, озлобленный и ненавидящий Спасителя. Он упрекал Господа в том, что из-за Него произошло избиение младенцев в Вифлееме, а Его родители подвергались холоду, голоду и другим лишениям во время поспешного бегства в Египет. Упрекал Христа за то, что Он не спас от смерти Иоанна Крестителя; что Он разъединил множество семейств; что Он покровительствовал неблагодарным людям; что Он не исцелял нескольких больных; что позволил одержимым опрокинуть бочку с вином и демонам - низвергнуть в море целое стадо свиней. Он упрекал Христа за поведение Марии Магдалины, которая после своего обращения еще раз впала в грех, что Он должен был воспрепятствовать этому. Упрекал Спасителя, что Он покинул Свою семью и жил за чужой счет.

Одним словом, дьявол с адской наглостью старался вызвать в душе Господа смущение и страх, все те сомнения и беспокойные мысли, которые он внушает в последний час человеку обыкновенному, действовавшему в жизни по собственному своему духу, без сверхъестественного внушения. И это оттого, что сатане не было открыто, что Иисус - Сын Божий. Он видел в Нем лишь человека необыкновенной добродетели, а Спаситель настолько дал преобладать Своему человеческому естеству, что позволил Себя искушать и дал испытать Себе то, что часто испытывает человек на земле в последние минуты, когда дает отчет о прожитом.

Чтобы испить до дна чашу первого страдания, Господь позволил искушать Себя Своими добрыми делами, позволив сатане изображать их как неудобные Богу. Дьявол упрекал Христа в том, что Он хотел расплатиться за других, когда Сам был должником перед Богом за полученные от Бога милости, которые Он не сумел должным образом употребить. Божественность Господа позволяла дьяволу искушать Его человечность так, как он искушал бы человека, который приписывал добрые дела самому себе, без связи с жертвой Спасителя.

Искушитель, не понимая всей цены жертвы Спасителя и не зная Его беспредельной высоты, старался показать Ему, что дела Его не имели заслуг, что

лишь делали Иисуса должником Бога, ибо Он получал от Бога укрепление на добрые дела по милости Божией. Показывая Спасителю Его долг перед Богом в каждом Его добром деле, он говорил: «Вот видишь, Ты снова должник пред Богом за то-то и то-то, а Ты еще намереваешься расплачиваться и за других». Наконец, дьявол стал обвинять Спасителя в том, что полученные от Лазаря деньги за продажу дома Марии Магдалины в Магдале, Спаситель истратил: «Как мог Ты тратить без согласия собственников то, что Тебе не принадлежало!»

Когда искуситель обвинял Господа, саму невинность во плоти, я едва сдерживала свое возмущение от такой низости, особенно когда он заговорил о деньгах за дом в Магдале. Ведь я видела раньше, что на эти деньги, данные Лазарем на добрые дела, Господь выкупил из тюрьмы в Тирце двадцать семь несчастных заключенных, взятых за долги и покинутых всеми. Мне виделась картина всех преступлений, за которые Преподобный Спаситель предложил Себя как искупительную Жертву. Я чувствовала всю несправедливость обвинений, давящих на Него. И среди грехов целого мира, тяжесть которых Он понес, точно поток полился и на меня, и я со страхом увидела все ничтожное и нехорошее в моей жизни. Я все время не спускала глаз с Господа Иисуса Христа.

Я плакала и стонала, и обращивалась, ища ангелов утешителей. Но божественный наш Учитель один лежал на земле под тяжестью Своего страдания и смертельной скорби...

Сначала Господь стоял на коленях и молился со спокойствием, но затем душа Его, измученная и потрясенная количеством и тяжестью человеческих грехов, неблагодарностью по отношению к Богу, была охвачена таким раздирающим ее ужасом, что, дрожа и трепеща, Он воскликнул: «Авва, Отче! Возможно ли, чтобы чаша сия миновала Меня? Отче Мой, все возможно Тебе! Удали от Меня чашу сию». Но прибавил тут же: «Но да будет не Моя воля, но Твоя».

Воля Спасителя и воля Отца была одна. И Господь по Своей безмерной любви к людям допустил в Себе всю слабость человеческого естества. Пещера, в которой Он находился, была наполнена мерзкими призраками. Все грехи, все злодеяния, все пороки, все мучения и неблагодарность, осаждали Его одновременно. Ужас перед смертью, внушенный Его человеческой природе, и непомерностью искупительной жертвы, подступил к Нему в самых жутких формах. Спаситель упал со сложенными руками. Холодный пот покрывал Его лицо. Он дрожал в предсмертном борении. Затем Он поднялся. Ноги подгибались, точно не держали Его. Ланиты были бледны, волосы в беспорядке поднимались на голове.

Было приблизительно одиннадцать часов, когда Спаситель встал. Он едва мог идти. Падая и вновь поднимаясь, весь покрытый потом, Он направился влево по

дороге из пещеры и, едва передвигаясь, достиг той площадки, где оставались трое апостолов. Они сначала старались поддерживать друг друга, но затем поддались скорби, беспокойству, усталости и заснули.

Спаситель пришел к ним не только как человек, охваченный скорбью, Его удручающей; человек, идущий и просящий помощи у друзей, но также как Пастырь верный, Который даже под тяжестью скорби и горя не забывает Своего стада, зная опасности, окружающие его. Он знает, что они в горе и подвержены искушениям. Самые страшные видения преследовали Господа всю дорогу.

Наконец, дойдя до апостолов и видя их спящими, Он всплеснул руками. Христос упал от слабости возле них и сказал: «Симон! Спишь ли ты?» В то же мгновение трое апостолов проснулись и приподнялись. И Он сказал им в полном изнеможении и покинутости: «Итак, вы не могли пободрствовать со Мною часа одного лишь часа!»

Увидя Спасителя столь изнуренного, бледного, изменившегося, покрытого потом, дрожащего, говорящего слабым прерывающимся голосом, они не знали, что думать. И если бы не давно знакомое и любимое сияние Его лица, они бы не узнали своего Учителя...

Иоанн сказал Ему: «Учитель, что случилось? Не позвать ли мне остальных? И не бежать ли лучше нам?» Христос ответил: «Если бы мне пришлось жить еще тридцать три года, уча и исцеляя, Мне бы их не хватило, чтобы сделать то, что Я должен совершить до завтрашнего дня! Не зовите остальных: Я оставил их в стороне; они не смогли бы видеть Меня в таком состоянии и не соблазниться. Они бы поддались искушению! Вы же, видевшие Сына Человеческого в Его славе, можете видеть Его покинутым и омраченным. Но бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение, так как дух бодр, плоть же немощна!» Таковы были Его слова. Он хотел бы быть откровенным с ними, хотел бы поведать о борьбе человеческой природы со смертью, о причине Своей слабости. Он говорил с ними в большом смятении и оставался с ними около четверти часа. Затем Он снова возвратился в пещеру - с душой, охваченной еще большей скорбью.

Они же, всплеснувши руками, стали плакать, бросились в объятия друг другу, восклицая: «Что же это такое? Что же с Ним случилось? Он совершенно пал духом!» С тех пор, как они пришли в сад Масличный, прошло полтора часа. Исполненные печали, они стали молиться, закрыв головы своими плащами. Но затем опять уснули, ибо впали в искушение по маловерию.

Восемь остальных апостолов оставались при входе в сад и не спали. Та печаль, которой была проникнута последняя часть беседы Спасителя с ними во время Тайной Вечери, их сильно встревожила. Они бродили по горе Елеонской, ища места, где бы можно было укрыться от опасностей, которых они ожидали.

Иерусалим был спокоен в эту ночь. Евреи в своих домах готовились к празднику, а палаток приехавших на праздник Пасхи не было по соседству с горой Елеонской.

В Иерусалиме ученики и друзья Христа ходили из одного места в другое, встречались друг с другом, разговаривали. Все пребывали в тревожном

ожидании. Из трапезной Мать Спасителя вместе с Марией Магдалиной, Марией Клеоповой, Марией, матерью Саломии, и с Саломией пошли в дом Марии, матери Марка. Но затем, встревоженная разнесшимися слухами, Пресвятая Дева приблизилась с остальными женами к городу, чтобы узнать о Спасителе.

Вскоре пришли Лазарь, Никодим, Иосиф Аримафейский и некоторые их родные и старались хоть немного ободрить их. Они знали кое-что из слов Спасителя во время Тайной Вечери, знали отчасти от учеников и кое-что сами слышали из соседних помещений. Спрашивали они и некоторых фарисеев, знакомых им, и ничего не узнали такого, что бы указывало на угрожающую опасность для Христа; говорили, что нечего за Него опасаться во время праздника, так как еще ничего не знали о предательстве Иуды. Пресвятая Дева сказала им о том смятении, которое владело этим несчастным уже несколько дней; о том, с какой поспешностью он покинул трапезную. Она была уверена, что он направился предать своего Учителя. Она Сама предостерегала его, говоря, что он - дитя погибели. Через некоторое время святые жены вернулись в дом Марии, матери Марка.

Глава 7 Моление о Чаше

В пещере к Спасителю вернулись все Его скорби. Он пал на землю с простертыми руками и долго молился Отцу Своему Небесному. И тут началось новое мучение, продолжавшееся три четверти часа. Ангелы приблизились к Спасителю и показали Ему в длинном ряде картин плоды Его терзаний и Его жертвы. Показали Ему бывшее величие человека до его падения, когда он был еще совершенным подобием и образом Божиим. Открыли всю бездну человеческого греха, падения и последующего унижения. Показали все последующие грехи, как следствие первородного: природу похоти, ее пагубное влияние на душу и тело человека, на все наказания за грехи виновных. И ни в чем не повинный Сын Божий, взявший на Себя из любви к нам грехи всех людей и наказания за них, должен был внутренне восторжествовать и победить естественное отвращение и ужас, который внушают человеку страдания и смерть.

Я понимала, что показывали ангелы или что хотели сказать, хотя и не слышала их голосов. Никогда человеческий язык не сможет передать, какой ужас охватил Иисуса Христа при виде предстоящих страданий. Он объял всю глубину мук и скорбей за грехи и все обстоятельства. Его ужасало не столько страдание само по себе, но злоба и ярость тех мучителей, которые его изобретали, жестокость, с которой его причиняли. Он нес и чувствовал в Себе грехи и страдания всего мира!

И вот, видя духовными очами все мучения, терзания и преступления, Он был объят таким ужасом и трепетом, что кровавый пот выступил на челе Его и

стекал по щекам. И когда в порыве Своей скорби человеческая природа Спасителя испытывала глубокое изнеможение, я увидела, - передавала Эммерих, - как ангелы были охвачены болью и сочувствием! Это было как мгновение перерыва. Мне думается, что они хотели Его утешить. Я видела ангелов, молящихся пред престолом Всевышнего. Произошла мгновенная борьба между милосердием и справедливостью Божией, отдающей Себя в жертву. И я восприняла некое изображение Пресвятой Троицы не на престоле, как видела обыкновенно, но в виде блистающей формы с неопределенными очертаниями. И увидела божественную природу Сына в лице Отца как бы возвращающуюся, входящую в лоно Его, и Духа Святого. И в то же время это был единый Бог! Но кто может передать или объяснить подобные великие тайны? Да к тому же у меня было скорее внутреннее впечатление, а не внешнее зрение всего этого. Мне казалось, что божественная природа Христа уходила, возвращалась, в Отца, чтобы оставить страдать человеческую природу, дать ей в полноте перенести тяжкие скорби и терзания, для которых человеческая воля Иисуса просила облегчения. И в согласии с Отцом - Слово, Логос, возлагало на Свое человеческое естество такие страдания, которые человеческой воле хотелось бы избежать.

Все было показано мне тогда, когда ангелы, охваченные сочувствием, хотели утешить Спасителя. И действительно, в этот момент Он получил некоторое утешение. Вскоре ангелы с их участием и любовью покинули Спасителя, и душа Его должна была испытать новые терзания.

Когда Искупитель в Масличном саду решился перенести как обычный человек искушение перед страданием и смертью, принеся в жертву то отвращение, которое к ним составляет сущность всех страданий, дьяволу было дозволено искушать Его как всякого человека, отдающего себя в жертву за святое дело.

Во втором Своем мучении Спаситель увидел во всей обнаженной правде глубину Своих искупительных страданий - это показали Ему ангелы, ибо сатана не может показать подлинное искупление и его возможность. Отец лжи и отчаяния не может касаться чудес милосердия Божия! И после того, как Господь выдержал эту борьбу и покорился воле Отца Своего Небесного, другие видения, не менее тяжелые, явились Его душе. Встал мучительнейший вопрос, который с тоской задает себе человек, прежде чем принести себя в жертву: «Что принесет эта жертва?» И за этим вопросом предстало ужасающее зрелище безотрадного, плачевного будущего, что так ранило Его любящее сердце!..

Будучи Главой Церкви, Он хотел, чтобы все члены ее были Ему подчинены, были бы костью от кости Его и плотью от плоти Его. И вот теперь Он увидел страдания, борьбу, нечестия, грядущие на Церковь, основание которой Он только что заложил, - Невесты, которую Он приобретал ценой Своей Крови! Это было грустное зрелище человеческой неблагодарности. Перед духовными очами Спасителя проходили страдания Его апостолов, учеников, друзей.

Он видит малое стадо, составляющее первоначальную Церковь; затем, позднее, после ее расцвета, разного вида ересь, рожденную от гордости и непослушания, что вновь возрождает грех искупленного человека. Он видит равнодушие, прохладность, развращенность и лукавство неизмеримого количества христиан; видит ложь и изобретения ложных учителей, кощунства недостойных священников и гибельные последствия всех этих пороков.

Он уязвлен мерзостью запустения в том Царстве, которое Господь избрал Себе на земле. Каждый из них хотел видеть Христа не таким, каким Он отдал Себя из любви к людям. Он видел, как они удалялись от плодоносной лозы и жили под сенью лозы бесплодной. Всех их объял Иисус Христос и плакал над ними. Он хотел страдать за всех этих неблагодарных, не желающих нести свой крест за Ним в Его град, построенный на горе, не способных видеть Его в той Невесте-церкви, которой Он отдал Себя в святейшем таинстве, в Церкви, основанной на камне, которую не одолеют врата адовы!

Потрясающие душу видения неблагодарности, надругательств над страданиями и смертью Спасителя, проходили пред Его изнемогающей душой; то поспешно чередуясь друг с другом, то повторяясь снова с усиливающейся болью.

Сатана на глазах Спасителя самым страшным образом пожирал и раздирал людей, искупленных Его Кровью, даже получивших благодать Его Таинств. С глубокой болью Господь видел неблагодарность и невоздержанность христиан первых веков, веков последующих, нашего времени и тех, кто пребудет в конце мира. Все эти зловещие и мрачные видения сменялись, теснясь возле Него, и среди них постоянно звучал голос искушителя: «И за этих-то неблагодарных Ты хочешь страдать?»

Христос, Сын Человеческий, рыдал, скрестив руки. Он падал на колени, как бы поддаваясь невидимой силе.

Его человеческая воля с такой силой боролась с необходимостью страдать, перенести столько мучений за неблагодарных, что пот стекал с чела Его крупными каплями крови и падал на землю. Он был в изнеможении и, осматриваясь вокруг Себя, как бы искал помощи, обращаясь к небу, земле, звездам и призывая их всех в свидетели того, что Он претерпевал...

Мне думается, что я слышала произнесенные Им слова: «Возможно ли перенести подобную неблагодарность? Отвечайте Мне, Я вас призываю в свидетели!»

Во время этого жестокого мучения Христос несколько раз громко воскликнул. Апостолы тотчас же проснулись и, в ужасе подняв руки, прислушались, и казалось, были готовы идти к Спасителю, но Петр, обратившись к Иоанну и Иакову, сказал: «Останьтесь тут, я пойду». Он торопливо вошел в пещеру. «Учитель, что случилось?» - спросил Петр и остановился весь дрожа, увидев Спасителя, покрытого кровью и едва державшегося на ногах! Но Христос не ответил ему и, казалось, не замечал его присутствия. И Петр возвратился к двум

апостолам, сказав им, что Господь не ответил ему, что Он рыдал... Скорбь их еще более возросла. Они закутались с головой и стали молиться, проливая слезы.

Страшные картины людской неблагодарности, распущенности христиан, всю тяжесть грехов которых Он взял на Себя и для которых должен был страдать - все эти видения обрушились на Него с еще большей силой и стремительностью. И Иисус Христос боролся против отвращения своего человеческого естества к такому страданию. Несколько раз Он воскликнул: «Отче Мой, если чаша сия не может пройти мимо Меня, если нельзя, чтобы Я не пил ее, то будет воля Твоя, а не Моя!»

Среди образов порока и преступлений, совершенных человеком, недостойно злоупотребляющим милосердием Божиим, Эммерих видела сатану в разных видах, которые он изменял по природе зла. Он являлся то в виде человека с лицом лукавым и лживым, то в виде тигра, лисицы, волка, дракона, змея! И не то, чтобы он походил на одно из этих животных, но образы их как бы составляли фон того облика, в котором он являлся и к которому примешивались другие звериные и страшные черты. Ни одно из этих животных не олицетворяло его. То были как бы типы жестокости, кощунства, разрушения, противоречия, хитрости, гнева, мерзости, греха - одним словом, формы самого дьявола.

И Христос видел, как эти жуткие чудища тащили за собой, терзали и пожирали бесчисленное число душ, столь любимых Им, для спасения и избавления которых от когтей дьявола Он согласился на самые жестокие страдания!

Змей сначала появлялся редко, но вот он явился в чудовищном виде с золотой короной на голове и бросился с яростью на Христа, увлекая за собой многочисленные толпы, полчища людей из всех стран. Вооруженные всевозможными орудиями, полчища то боролись друг с другом, то бросались все вместе на Спасителя с ужасными воплями, что представляло невыразимо страшное зрелище! Оскорбительные крики, плевки и проклятия, движения с угрозой убийства - все служило им в их слепой ненависти! Их оружие, мечи, копья поднимались и опускались, как цепи в громадном войске сражающихся. И все обрушивалось на хлеб, колос небесный, на зерно, павшее с неба в землю, дабы умереть и, умерши, навеки питать людей Хлебом жизни и проливать обильнейшую благодать!

Я видела Христа среди беснующихся людей, многие из которых мне показались слепыми. Спаситель изнемогал, замученный, как бы получающий все эти удары реально, израненный ими. Я видела, как Он шатался из стороны в сторону - то поднимаясь, то снова падая.

Змей, довольный, двигался в гуще разъяренных полчищ. Он постоянно побуждал их к борьбе, подстегивал, ударяя своим хвостом, и тут же раздирал и пожирал тех, кто падал под его ударами! Все неопишное множество людей, в остервенелой ярости бросающихся на Спасителя - те, кто тем или иным

способом оскорбляют Спасителя, реально присутствующего в Церкви Своей плотью и Кровью под видом хлеба и вина, Его душу и божество!

В оскорбляющих Христа - все разряды несчастных, ранящих Самого Спасителя в святой Евхаристии, в этом живом залоге Его непрерывающегося присутствия в лоне Церкви; ранящих своей небрежностью, отсутствием благоговения, эгоизмом и презрением, надругательством и святотатством - до вершин ужасающего кощунства, начиная с заблуждения почитания идолов мира сего, их тьмы, их ложной науки и знания, и кончая гордостью ума, фанатизмом, ненавистью и гонениями.

Я разглядела всевозможных калек среди врагов Спасителя: слепых, хромым, глухих и даже... детей. Слепых - не желающих видеть истину; добровольно хромым - не желающих идти за Ним; глухих - не желающих слышать Его голоса и отозваться на Его призыв: немых - никогда не желающих сразиться за Него мечом слова; детей шедших вослед своих родителей и своих мирских учителей, не помышляющих о Боге. Детей - пристрастившихся к земным радостям, опьяненных суетой и тщетной наукой, бесчувственных ко всему Божьему, губящих себя навеки для вечной жизни! Среди этих несчастных, вид которых меня глубоко опечалил, потому что я знала, что Спаситель их любит, я заметила значительное число детей из церкви, певчих, но плохо направленных, рассеянных, непочтительных, не почитающих Спасителя во время святой литургии... Бедные дети! Их вина в большей части своей падает на священников и других людей, обязанных поучать их.

Я с трепетом и ужасом заметила множество священнослужителей разных чинов, даже таких, которые сами себя считают набожными и верными, находящимися среди тех, кто оскорбляет Спасителя в Его Таинстве. И таких было большое число. Скажу только об одной категории этих несчастных священников, истово верующих в истинное присутствие Спасителя в святой Евхаристии, постоянно поклоняющихся Ему и поучающих народ по правилам веры, но не думающих обличать самих себя и не заботящихся об этом. Они оставляли без всякого попечения дворец, престол, жилище, украшения Царя Неба и земли, т.е. церковь, алтарь, дарохранильницу, чашу - вместилище Бога Живого; сосуды, утварь - одним словом, все священные предметы, служащие для самого святого и величайшего из таинств. Самые священные предметы оставались среди червей и пыли. Культ служения всемогущему Богу был обеспечен внешне, хотя его и чтили в глубине сердца. И причиной такого беспорядка была не действительная бедность, нищета, которая хотя бы отчасти служила оправданием, но преступное равнодушие, леность, рутина, приверженность к вещам мира сего, часто себялюбие и смерть души.

Я видела такую небрежность в церквях богатых или, во всяком случае, обеспеченных. Во многих храмах внешняя грубая роскошь дурного вкуса заменяла собой самые ценные и великолепные предметы, завещанные стариной, веками веры. Грубые предметы, безвкусно нагроможденные краски производили впечатление еще худшее, чем отсутствие украшений. Богатые церкви желают отличиться от других, какой угодно ценой, а более бедные церкви незаметно

следуют за ними, как бы из моды, вопреки требованиям благочестия и вкуса. И я не могла не вспомнить нашу бедную часовню, где, к моему великому огорчению, недавно загородили древний прекрасный каменный изящный алтарь и поставили грубую тяжелую вещь из раскрашенного дерева без всякого стиля и вдохновения.

Эти оскорбления Спасителя, присутствующего в таинстве Евхаристии, еще увеличиваются по вине многих священнослужителей: у них не хватает любви и щедрости, чтобы уделить из того, что они имеют, Спасителю, присутствующему на алтаре, тому самому Спасителю, Который отдал Себя на то, чтобы всецело остаться для них же в святом таинстве. Со многими нищими в их лачугах обращаются лучше, чем с Господом неба и земли обращаются в Церкви и в храме, где Он пребывает. И как же Спаситель, дающий Себя всем людям в пропитание, огорчен таким отсутствием любви к Нему!...

Так мало нужно, чтобы достойно принять Того, кто обещал воздаяние за стакан холодной воды, данной во Имя Его жаждущему! А как Он жаждет достойного нашего отношения к Нему! Ведь не может же Господь жаловаться, когда сосуды нечисты, а вода полна червей. Такая небрежность и такое отношение искушают слабых, обещивают святилище, заставляют людей покидать храмы и презирать священников. Ведь внешние небрежность и нечистоплотность скоро переходят во внутренние: уже не заботятся содержать чистым святилище своего сердца, как не заботились о материальном святилище - о дарохранительнице, о ее чистоте.

Я видела, как священники и даже епископы хлопотали, старались угодить князьям и сильным мира сего, выполняя все их прихоти, часто даже преступные желания, а Царь неба и земли оставался забытым у дверей, как нищий Лазарь. Он просит крошек их любви, лишь крошек, но не получает их. Он получает от нас лишь раны и язвы...

Если бы я говорила целый год, то не смогла бы описать всех надругательств, которые совершаются над святой Евхаристией и которые я увидела и узнала в том видении. Все виновные в этом, вооружившись различным способом, в зависимости от рода преступления, снова и снова бросались на Спасителя в крайнем ожесточении и били Его; прокалывали, покрывали ранами! Среди них (а тут, в этих картинах проходили все века) было и непростительно легкомысленное духовенство; небрежные священники, предатели и недостойные, оскорбляющие Господа при совершении и раздаче Даров людям; было громадное число дурых христиан, недостойно принимающих своего Господа.

Я видела немалое число таких, для которых источник всей благодати - таинство Бога живого - делался предметом для надругательств и кощунства. Разъяренные воины и слуги дьявола оскверняли священные сосуды, кощунствовали в алтаре и употребляли святая святых для иных таинств, изобрести которые мог только ад.

Я видела еще большее число преступлений менее грубых по форме, но показавшихся мне не менее преступными и порочными. Страшно видеть, как

люди под влиянием пагубных учений или дурного примера, а еще страшнее - обманутые вероломными объяснениями ересиархов, переставали веровать в обетование Спасителя, переставали почитать Его в Святых Дарах. Среди таких людей я видела большое число учителей, сделавшихся главами сект. Сначала они боролись друг с другом, но затем стали объединяться для того, чтобы обратить свою злобу, свою ярость на Бога.

Я видела много таких несчастных еретиков: они бесчестили христианское богослужение, оспаривали присутствие Спасителя в таинстве: под их пагубным влиянием отпадало от Него, отторгалось от лона Господа громадное число верных, за которых Он проливал Кровь Свою... Тяжелое страшное зрелище!

Я видела Церковь как Тело Господа Иисуса Христа, разрозненные члены которого Он соединил Своими страданиями! И я увидела все Церкви, все семьи, отпавшие от единой Церкви, как бы кровавыми кусками, вырванными из Его живого тела. И Спаситель следовал взглядом за ними и плакал об их гибели!.. Для того, чтобы собрать разрозненных людей, чтобы образовать из стольких отдельных членов единое тело, тело Невесты Своей, Он отдал Плоть и Кровь Свои в питание в таинстве. И Он видел Себя же раздираемым в возлюбленном теле из-за плодов древа зла - розни и разногласия!

Алтарь - трапеза единения людей в святом таинстве, в этом высшем воплощении любви, в котором Господь хотел навеки остаться с людьми. Но само таинство, благодаря ложным учителям, сделалось знаком разделения. Я видела целые народы, отрывающиеся от Его сердца и прерывающие связь с бесценными сокровищами Церкви. Страшно было смотреть, как сначала только несколько отдельных личностей отделились от лона Церкви, а затем уже целые народы, обособляющиеся и устрояющиеся во святилищах, враждебных друг другу. Эти несчастные ожесточались все больше в своем заблуждении и неверности, в суеверии, фанатизме, в ложной науке, гордости ума, ненависти и гонении. Они направлялись против Церкви, соединяли свои страшные полчища и послушно повиновались змию преисподней, побуждавшему их к сражению. И дети Божии вынуждены были отделиться от неверных, чтобы не участвовать в их грехах.

Казалось Сам Господь Спаситель видел и чувствовал Себя раздираемым на тысячу частей. Он видел, что причиняло Ему невыразимую боль, ядовитое древо разделения со всеми его ветвями и плодами, размножающимися до бесконечности, до скончания мира, до того дня, когда зерно пшеницы будет собрано в житницы Отца, а солома, будет сожжена огнем неугасимым.

Все было так страшно, так непередаваемо тяжело. Что Господь милосердный положил мне с жалостью руку на грудь и сказал: «Никто еще не видел того, что видишь ты, и сердце твое разорвалось бы, если бы Я не поддержал его в твоей груди!»

Я видела, как кровь текла струями вдоль лика Спасителя. Ланиты Его были бледны, волосы, обыкновенно ниспадающие прядями, слиплись от крови и лежали в беспорядке; борода также была в крови и беспорядке. Под конец этого мучения, когда полчища врагов, покорных приказам дьявола, раздирали Его, Он покинул пещеру и снова направился к апостолам. Шаги Его были неуверенны.

Он был как человек, согбенный под тяжелой ношей или раненый, готовый каждую минуту упасть.

Спаситель подошел к трем апостолам. Они не прислонялись к скале, как это было раньше. Головы их, закутанные в покрывала, опирались на колена. Они спали. Господь приблизился к ним со стоном и дрожью. Апостолы проснулись и увидели при свете луны человека, точно согбенного наполовину, окровавленного, с волосами в беспорядке. Они не узнали своего Учителя, так ужасно изменившегося.

Христос простер руки - они вскочили, приняли Его в свои объятия с трогательной любовью. Спаситель говорил с ними в большом смятении. Он сказал, что будет принесен в жертву на следующий день, что через час Его схватят, чтобы вести на суд; что будут мучить, оскорблять, унижать, бичевать, венчать терном и, наконец, казнят самым варварским способом. Он просил утешить Его Мать. Затем все в том же смятении Он более подробно рассказал им, что должно будет случиться с Ним завтра, и снова поручил их попечениям Свою Мать и Марию Магдалину, и снова просил не оставлять их без утешения.

Так Христос говорил с ними несколько минут. Апостолы не отвечали Ему - они не знали, что сказать, настолько Его внешний облик, Его слова их смутили и опечалили. Им думалось даже, что Он в горячке и бредит.

Спаситель хотел вернуться в пещеру, но не смог идти, и Иоанн и Иаков отвели Его туда. Сами они не вошли в нее, а тотчас вернулись к Петру. И было тогда приблизительно четверть двенадцатого.

Во время мучений Христа, Его страшного предсмертного томления, Божия Мать была в доме Марии (Марка). В глубоком горе вместе с Марией Магдалиной и Марией Она была в саду возле дома. Эммерих видела, как Пресвятая Дева опустилась на колени, опираясь обеими руками о камень. Несколько раз Она теряла сознание: Божия Мать духовными очами видела страдания Своего Сына. Она послала узнать о Нем, но не смогла дождаться известий, и пошла в сопровождении Марии Магдалины и Саломии по направлению к долине Иосафатской. Глава Ее была закутана длинным покрывалом. Она часто останавливалась и простирала руки по направлению к горе Елеонской. Духовными очами Она видела, как кровавый пот стекал по ланитам Ее божественного Сына, и, казалось, Она простирала руки, чтобы отереть его.

Спаситель видел Ее тревогу, был глубоко тронут нежным состраданием Своей Матери и временами искал Ее помощи. Общение между Сыном и Его Матерью виделось в форме блистающих лучей, шедших от Одного к Другому с быстротой молнии. Спаситель думал и о Марии Магдалине. Он почувствовал всю боль, испытываемую ею, и смотрел на нее с сочувствием. Он был тронут ее скорбью. Христос знал, что из всех созданий, исключая Его Матерь, у нее была самая сильная любовь к Нему.

После одиннадцати часов восемь остальных апостолов еще находились в аллее Гефсиманского сада. Они то дремали, то переговаривались друг с другом. Апостолы сильно пали духом, были подавлены искушением. Они думали, куда

бы укрыться в случае опасности, и говорили друг другу: «Что будем делать мы после Его смерти? Наши родственники и близкие нас оставили и покинули. Мы бедны, мы - посмешище для всех. Всецело мы доверились Ему, и теперь Он настолько подавлен, настолько бессилён, что не может утешить и успокоить нас».

Ученики некоторое время бродили в окрестностях. Потом, услышав об опасности, о которой говорил Спаситель Своим апостолам, почти все удалились в Вифанию.

Я снова видела Господа, молящегося в пещере. Он продолжал бороться с противлением человеческой природы страданию. Дрожащий и изнемогший. Он произнес: «Отче Мой, если возможно, удали от Меня Чашу сию. Но да будет не Моя воля, но Твоя!» Тогда открылась бездна пред Ним, и от Его взора пошли светлые лучи, проникшие да самого дна преисподней, осветившие вход в ад, в чистилище.

И Он увидел Адама и Еву, патриархов, пророков, родителей Пресвятой Девы Марии, Иоанна Крестителя и праведников, жаждавших Его сошествия во ад. Смерть Искупителя должна была открыть для них небо и вывести всех их из темницы. Это утешило и укрепило Его.

После того, как Он увидел всех великих праведников древнего времени, избранных для блаженства небесного, ангелы показали Ему сонмы святых будущего времени, которые при соединении своих подвигов и борений с заслугами Его страданий войдут через Него в лоно Отца Небесного. Так Христу было дано созерцать всю силу и благостное действие Его страданий и смерти. Бесчисленное множество святых проходили последовательно пред Его взором, украшенные своими страданиями и делами.

Он увидел апостолов, учеников Своих, святых дев и жен, мучеников, отшельников, исповедников, учителей Церкви, епископов, монахов и монахинь, юродивых и множество блаженных. Все несли на головах венцы своих страданий и своей победы. Различие их венцов по форме, цвету и запаху цветов соответствовало различным их страданиям, борьбе, победе, долженствующим доставить им различную степень славы на небесах. Все заслуги их жизни и подвигов, цена их борьбы и побед, блеск их славы происходили единственно из единения с заслугами Господа Иисуса Христа.

Как трогательно это единение: влияние, оказываемое одними святыми на других; общение, освященное Самим Господом; жизнь духовная, которую они черпали из единого источника - таинства святой Евхаристии и из страданий Иисуса Христа! Ничто в их жизни не было делом случая: их дела и их добродетели, их страдания и победы, их поведение и благообразная внешность - все носило на себе печати полной гармонии. И это высшее проявление единства в различии и множестве происходило от сияния единого солнца страданий Спасителя: «Свет, явившийся во тьме, и тьма не объяла его».

Великолепным зрелищем, проходившим по воле Божией пред душой Спасителя, было это собрание всех святых. Христос видел Себя среди воздыхающих патриархов среди торжествующего сонма новых святых Церкви

христианской. Они дополняли друг друга, сливались, образуя вокруг Его любящего сердца великолепный венец победы. Зрелище непередаваемое на языке человеческом. Оно укрепило душу Христа, когда она совершенно изнемогла от скорби, но это утешительное зрелище вскоре исчезло.

Так как все эти видения относились к будущему человечества, то проносились они на порядочном расстоянии от земли. Картины страданий Господа почти касались земли, как должны произойти вскоре. Они следовали, быстро друг за другом, показывая Господу во всех подробностях все обстоятельства Его Страстей - начиная с поцелуя предателя до последнего Его слова на Кресте: предательство Иуды, бегство апостолов, оскорбления и унижения, которые предстояло перенести у Анны и Каиафы, отречение Петра, насмешки Ирода, бичевание, терновый венец, смертный приговор, несколько Его падений под тяжестью Креста, встреча со Своей Матерью, Ее скорбь, оскорбительные речи разбойника, злобная радость фарисеев, боль и страдания Пресвятой Девы, Марии Магдалины, Иоанна. Спаситель видел все жесты действующих лиц этой великой драмы, слышал их слова, проникал во все их мысли. И все-таки Господь принял все! Спаситель настолько сильно любил Своих братьев, создания Своего Отца, что пошел бы на все эти страдания, лишь бы спасти даже одну душу...

Господу тяжелее всего было перенести наготу Свою на Кресте (как искупление всего нечистого в человеке). И Он просил об избавлении от этой последней горшей скорби. И эта единственная милость Ему была дарована. Я видела неизвестного сострадательного человека, который пробрался сквозь толпу и дал Спасителю кусок материи, которым Он препоясал Свое девственное тело.

Иисус воспринял и остро почувствовал скорбь Своей Матери. Она, переживая Его страдания, упала без чувств, почти безжизненная, на руки сопровождавших Ее женщин.

Ангелы удалились, видения исчезли. Смертельная бледность покрывала ланиты Спасителя. Кровавый пот проступил обильнее и просочился сквозь покрывающие Его одежды. Глубокая тьма царила в пещере!

И вот тогда Ангел сошел к Спасителю. Он был больше, светлее тех, которых я видела до этого. Его очертания были более ясны и походили на человеческие. Он был облачен в длинную одежду, делавшую его похожим на священника. В руках его была Чаша (такая же, с какой священнодействовал Господь во время Тайной Вечери). Над чашей я заметила небольшую, величиной с обыкновенный боб, частичку Хлеба овальной формы, испускавшую красноватый свет. Ангел протянул Христу правую руку, не становясь на землю. Спаситель встал. Ангел вложил в уста Его светящийся хлеб и дал Ему испить из Чаши. Затем он исчез.

Приняв добровольно чашу Своих страданий, Христос обрел и силу, необходимую для этого. Он остался еще на несколько минут в пещере, спокойный и бодрый, воссылая хвалу Отцу Своему Небесному. Он отер пот, покрывающий лик Его привел в порядок волосы, влажные от крови и пота. В ту минуту, когда Спаситель вышел из пещеры, свет луны был уже не тот, который

был во время самой тяжелой муки Спасителя - теперь он не казался сверхъестественным.

Иисус был бледный, усталый, но шел твердым шагом. Господь был еще печален, но укрепленный сверхъестественным образом вернулся к апостолам без страха и угнетения без того изнеможения, в котором пребывал ранее. Когда Христос приблизился к апостолам, они были, как, и в первый раз, на площадке - спали с закутанными головами, опершись на колени.

Спаситель разбудил их и сказал, что уже не время спать, что они должны вставать и молиться. И прибавил: «Приближается час, когда Сын человеческий должен быть предан в руки грешников. Встаньте, пойдете, предатель уже близко. Лучше бы было для него не родиться». Апостолы встали в страхе и смотрели по сторонам. Они едва пришли в себя после сна. Петр же воскликнул с жаром: «Господи, я позову остальных, чтобы мы могли защищаться».

Господь показал им на некотором расстоянии по ту сторону Кедронского потока отряд людей, вооруженный копьями и с факелами, и сказал, что один из них Его предал. Он говорил с ними несколько минут с полным спокойствием. Поручил утешить Его Мать и прибавил: «Пойдете навстречу им, Я Сам отдам Себя в руки Моих врагов!» И Он стал продвигаться с апостолами навстречу отряду, следуя той дорогой, которая отделяла сад Масличный от сада Гефсиманского.

Пещера, в которой находился Спаситель во время Своих мучений, была не та, в которой Он молился обычно. Эта была немного выше на горе. В ней Он молился в тот день, когда проклял смоковницу.

Я видела, как Он молился с великой скорбью, опершись руками на скалу. Его тело, а особенно руки, касались камня, и на нем остались следы святого прикосновения. Следы, которые почитали впоследствии, хотя и не знали, как они и по какому случаю появились, когда произошло это чудо. Я часто видела подобные следы на камнях - следы пророков, Спасителя, Божией Матери, некоторых апостолов, святой Екатерины Александрийской и других святых времен Ветхого Завета. Следы эти неглубокие. Они походят на след, который можно сделать в не очень крутом тесте.

Глава 8 Предательство Иуды

Иуда ожидал от своего предательства совсем другого, чем то, что случилось. Предавая своего Учителя, фарисеям, он хотел сделаться им приятным, а также заработать деньги. Он не ожидал, что Спасителя осудят и предадут смерти.

Такая развязка не приходила ему в голову. В то время деньги занимали все его помыслы. Он был уже давно в сношениях с фарисеями и саддукеями, столь ловкими и злобными, что они своею лестью незаметно для него самого довели Иуду до предательства.

Ему наскучила тяжелая жизнь, которую он вел, следуя за Спасителем - жизнь бродячая, подверженная преследованиям. Уже несколько месяцев, как он готовился к своему преступлению тем, что удерживал для себя часть доверенных ему денег. Его поглотила жадность к деньгам, поэтому Иуда и был раздражен благочестивой щедростью Магдалины. Он всегда тайно надеялся, что Иисус Христос сделается основателем земного царства и что он, Иуда, займет почетное и выгодное положение. Надежды не оправдались, Спаситель, как видно, не намеревался объявлять Себя земным царем, и он решил обеспечить себя другими способами.

Иуда решил войти в дружбу с врагами своего Учителя еще до наступления опасности. Первосвященник и главные служащие храма сумели ему понравиться. Он все более доверялся их ставленникам, льстившим ему и с уверенностью твердившим, что во что бы то ни стало с Христом все будет кончено скоро. Да и он сам все глубже опускался во зло, делая постоянные попытки уговорить священников и книжников действовать. Но тут они отказались выполнять его планы и стали обращаться с ним презрительно, чего никогда не было раньше. Они сказали, что до Пасхи осталось слишком мало времени, что это не позволяет им действовать - такая попытка лишь внесла бы смущение и беспорядок во время праздника. Правда, синедрион обратил некоторое внимание на предложение Иуды.

С тех пор, как Иуда предал Господа в сердце своем, преданном греху, сатана не отступал от него, а после святотатственного принятия Святых Тайн сатана всецело завладел им. Этим и объясняется то упорство и ярость, с которыми он стремился осуществить свои планы. Разъяренный бездействием книжников, он обратился к врагам Спасителя, прежде льстившим ему. И теперь они встретили его внешне дружелюбно. Он увидался с Анной и Каиафой. Последний был очень сдержан с ним в этот день и даже насмеялся над ним. Они колебались, боясь последствий всего предприятия, потому что не очень-то доверяли Иуде.

Тут произошло как бы разделение ада. Сатана хотел довести евреев до казни Невинного, он жаждал смерти Иисуса. Того, Кто обращал грешников, Кто проповедовал народу Евангелие, исцелял больных! - одним словом, Того, кого он ненавидел...

Одновременно сатана испытывал какой-то тайный страх при мысли о незаслуженной смерти этого странного Человека, Который не бежал, не старался скрыться от Своих врагов; сатана точно завидовал Его славе умереть невинным. Поэтому с одной стороны он возбуждал ненависть и ярость врагов Спасителя,

разговаривавших с Иудой, а с другой - внушал некоторым из них мысли, что Иуда - негодяй, презренный, не заслуживающий доверия человек, что невозможно успеть закончить все это дело до праздника Пасхи и даже найти необходимое число свидетелей.

Они совещались некоторое время между собой и спросили Иуду, как можно схватить Христа и нет ли при Нем вооруженных людей. Он ответил, что с Христом лишь одиннадцать апостолов Его, что Сам Он упал духом, а апостолы - люди, лишенные отваги. Иуда уверял что теперь или никогда - время схватить Его. В другой раз он, Иуда, уже не сможет Его им предать: он решил уже не возвращаться к Нему. Вот уже несколько дней, а особенно в этот день, ученики, да и Сам Спаситель показали, что подозревают его. Ясно, что если он вернется к ним, его предадут смерти. Иуда прибавил, что если немедля не схватят Иисуса, то Он скроется, чтобы собрать вокруг Себя приверженцев, и провозгласит Себя Царем.

Все эти угрозы возымели свое действие. Было решено, что схватят Иисуса по знаку Иуды, предложили ему цену за его предательство - тридцать сребреников. Монеты эти были продолговатые, с отверстием на одном краю и кольцами, соединенными цепочкой друг с другом. На них были видны еврейские письмена. Как только Иуда получил плату за свое предательство, один из врагов Спасителя покинул помещение и поручил семи рабам пойти и принести дерево, чтобы изготовить крест. Начало праздника Пасхи не позволяло делать его на следующий день. На место, где находилось множество материала, принадлежащего храму, рабы шли четверть часа. Затем они отнесли взятое ими для работы на площадку, помещавшуюся позади судилища Каиафы.

Дерево, из которого была сделана главная часть креста, когда-то росло на берегу Кедронского потока в долине Иосафатской. Оно было опрокинуто бурей и некоторое время служило как бы мостиком. Когда Никодим скрывал священные сосуды возле купели Вифезда, это дерево вместе с другими служило для сокрытия драгоценных предметов. Крест был изготовлен с большим вниманием и тщательностью. Это делалось под предлогом чести, оказываемой Царю Иудейскому, но на самом деле такова была воля Божия. Крест был сделан из пяти сортов дерева, не считая надписи.

Я видела еще много таинственного, мистического, касающегося Креста, и понимала значение этого, но теперь все это исчезло из моей памяти.

Обиженный и оскорбленный презрением, высказанным ему, Иуда, поддавшись чувству гордости и желая приобрести славу набожного и незаинтересованного человека, предложил пожертвовать эти тридцать сребреников на храм. Но ему отказали - цена крови не могла идти на нужды храма. Иуда был оскорблен презрением; предательство приносило горькие

плоды свои даже до его совершения. Но он уже был в их руках и не мог вырваться. За ним наблюдали и не теряли из виду. Трое фарисеев отвели его в помещение, где были стражники храма. Воины принадлежали к разным народностям, среди них были и евреи.

Когда все было обговорено и были выбраны нужные воины, Иуда в сопровождении слуги одного из фарисеев пошел в здание с трапезной, чтобы посмотреть, там ли ещё находится Иисус. Если бы Христос еще был там, то Его легко можно было бы схватить, заперев двери, а посланный от Иуды сообщил бы об этом воинам. Иуда вернулся и сообщил фарисеям, что Иисуса уже нет в трапезной, что Он, по всей вероятности, находится на горе Елеонской, куда Он обыкновенно уединялся для молитвы. Иуда просил дать ему немногочисленный отряд, чтобы ученики, стоящие на страже, не заметили бы его и не возбудили бы волнения.

Триста человек должны были охранять ворота города и долину Опеля (часть города к югу от храма), а также занять долину Милло до дома Анны (к югу от Сиона). Все это необходимо, чтобы прийти Иуде на помощь потому, что он опасался жителей Опеля, преданных Иисусу. Затем предатель говорил о всех предосторожностях, которые следует принять для того, чтобы «враг» не ускользнул от них, ибо Он обладал способностью делаться невидимым. Он посоветовал им привязать Его крепкой цепью и употребить некоторые логические приемы, чтобы помешать Ему порвать ее.

Фарисеи слушали его советы с презрением. «Мы не нуждаемся во всем этом, - говорили они ему, - лишь бы нам взять Иисуса, а уж удержать Его будет нетрудно!»

Иуда предложил свой план сопровождавшим его: он пойдет один навстречу Иисусу, поклонится Ему; и по этому знаку должны появиться воины и схватить Иисуса. Иуда думал таким образом показать, что его присутствие в саду Масличном было случайным, и надеялся затем бежать вместе с остальными апостолами. Он опасался, что дело представит больше затруднений, чем он говорил: апостолы будут сопротивляться, и Иисусу удастся уйти, как это уже бывало не раз.

Иуда чувствовал себя уязвленным недоверием и презрением сообщников. Оскорбленная гордость была его единственным побуждением. Иуда не чувствовал ни раскаяния, ни хотя бы жалости к своему Учителю - всецело отдался сатане. Он требовал, чтобы сопровождавшие его не имели при себе ни веревок, ни розг, а главное, чтобы ему не давали тех жестоких палачей, каких они всегда использовали. Они сделали вид, что готовы исполнить его желание, но вели себя по отношению к нему, как ведут себя с предателем, которому не доверяют и которого потом с отвращением отбрасывают за ненужностью.

И солдатам было приказано строго следить за Иудой и не упускать его из виду до тех пор, пока не захватят Иисуса Христа. Они заплатили ему деньги и боялись, чтобы он не убежал с деньгами, чтобы все предприятие не рухнуло, чтобы не схватили кого либо другого вместо Иисуса Христа и чтобы все это не привело к омрачению праздника Пасхи и к их публичному осмеянию.

Отряд, которому было поручено схватить Спасителя, состоял из двадцати человек, взятых отчасти из стражников храма и отчасти из слуг Анны и Каиафы. Все они были одеты почти так же, как одевались римские воины: на них были металлические каски, их кафтаны и пояса разделялись кожаными полосами, покрывавшими бедра. Отличались все они от римлян главным образом бородой: римляне в Иерусалиме носили бороду лишь возле щек, подбородки же и губы у них были обриты. У всех воинов были мечи, некоторые же, кроме того, имели и палки. У них были с собой факелы и фонари. Но в то время, как они отправились в путь, лишь один из этих фонарей был зажжен.

Сначала хотели дать Иуде отряд более многочисленный, но потом, после его возражений, стали опасаться, чтобы он не был слишком заметным, так как с горы Масличной вид простирается на всю окружающую ее долину. Большая часть воинов осталась в Опеле; установили также стражу во многих местах - на дорогах и в городе, чтобы препятствовать всякой попытке к бегству.

Иуда пошел впереди с двадцатью солдатами. За ним следовали с цепями и веревками четверо палачей - грубых, жестоких людей, способных на все. Затем, на некотором расстоянии, шли шесть военных начальников, с которыми Иуда уже давно был в сношениях. Из этих шести один был священник, близкий друг Анны, другой - приверженец Каиафы, и четверо иродиан - два фарисея и два саддукея. Все они были лицемерными, хитрыми льстецами Анны и Каиафы и давно уже заклятыми врагами Спасителя.

Глава 9 Поцелуй Иуды

Когда Спаситель с тремя апостолами подходил к дороге, отделяющей сад Гефсиманский от сада Масличного, Иуда со своим отрядом показался у начала этой дороги в двадцати шагах от них. Тут Иуда хотел один идти навстречу Иисусу и дружески приветствовать Его так, будто воины пришли без его ведома. Но воины грубо отвечали: «Нет, друг, ты от нас не уйдешь, пока мы не заберем Галилеянина». Заметив же вышедших на шум восьмерых апостолов, они позвали для подкрепления палачей. Иуда был взбешен.

Между тем Спаситель и апостолы увидели отряд, шедший на них с оружием и факелами. Петр хотел сразиться с ними. «Господи! - воскликнул он, - там еще восемь наших - ударим мечами!», но Господь призвал его к спокойствию. Четверо учеников: Иаков Младший, Филипп, Фома, Нафанаил - направились в

сад Гефсиманский, побуждаемые беспокойством и посланные друзьями Спасителя узнать о Нем. Выйдя из него, они спросили, что случилось. Иуда хотел объясниться, но воины не допустили его. Увидев свой план разрушенным, он был в злобе и разъярен. Остальные апостолы и ученики смотрели на все происходящее с ужасом. Казалось, они готовы были убежать.

Спаситель, приблизившись к отряду, произнес громко и отчетливо: «Кого ищите вы?» - Те, кто распоряжались воинами, отвечали: «Иисуса из Назарета». - «Это Я», - сказал Господь. Едва услышав слова «это Я», воины упали друг на друга, как бы охваченные внезапным испугом. Иуда находившийся рядом с ними, смутился. Он попытался приблизиться к Спасителю, но Господь поднял руку и сказал: «Друг, зачем ты пришел?» Иуда проговорил заикаясь, несколько слов лживого объяснения. Спаситель ему сказал что-то вроде: «Лучше бы тебе было не родиться!» Между тем воины поднялись и ждали условного знака предателя.

Петр и другие апостолы окружили Иуду, называя его предателем и вором. Он пытался оправдываться, лгать, но это ему не удавалось, ибо воины, защищавшие его от апостолов, выдавали его преступление.

Спаситель спросил вторично: «Кого вы ищите?» - Те опять отвечали: «Иисуса из Назарета». - «Это Я, и Я вам уже сказал, что это Я. Оставьте их, пусть идут», - и Он показал на апостолов. При словах «Это Я» воины вновь упали, как будто сраженные ударом. Апостолы вновь с упреками окружили Иуду. Спаситель же сказал воинам: «Встаньте», - и те встали, объятые ужасом.

Иуду, отбивавшегося от апостолов, воины освободили и потребовали с угрозами дать им условный знак, ибо им было приказано схватить Того, Кому он даст поцелуй. Тогда Иуда, приблизившись к Христу, сказал: «Радуйся, Равви!» - и поцеловал Его. Спаситель ответил: «Иуда, поцелуем ли предаешь ты Сына Человеческого?»

Солдаты окружили Спасителя, чтобы помешать Ему бежать, и палачи наложили на Него руки. Иуда после своего поцелуя хотел бежать, но апостолы не пустили его, грозили воинам и кричали: «Господи, не сразиться ли нам оружием?!» Петр, более пылкий, чем остальные, поднял меч и, ударив Малха, служителя первосвященника, отсек ему ухо.

Спасителя схватили палачи, готовые связать Его. Воины окружили Господа, Малх упал в этом же кругу; произошло большое замешательство. Воины оттеснили приблизившихся апостолов и преследовали бегущих.

Спаситель воззвал к Петру: «Петр, вложи меч свой в ножны! Поднявший меч - мечом погибнет. Не знаешь ли ты, что если Я попрошу Отца Моего Небесного, то Он пошлет Мне более чем двенадцать легионов ангелов. Как же сбудется Писание? Так должно быть!» Затем Он сказал: «Позвольте Мне излечить этого человека» - и, приблизившись к Малху, с молитвой коснулся уха и исцелил его.

Четыре ученика, стоявшие на некотором расстоянии, робко наблюдали за происходящим. Все воины были испуганы: они не оправились от падения, но не смели удалиться, чтобы не ослабить отряд, овладевший Спасителем. Иуда снова

пытался бежать после своего поцелуя, но его остановили некоторые апостолы и выразили ему все отвращение его предательством. Служащие из храма освободили Иуду из их рук, а в это время палачи связывали Спасителя...

Вооруженные палачи и фарисеи тесно окружили Господа. При виде чуда исцеления Малха они закричали: «Он связан с дьяволом! Только из-за Его колдовства нам показалось, что ухо было рассечено и затем срослось». Господь сказал им: «Вы вышли на Меня, как на разбойника, с мечом и кольями. Я поучал каждый день в храме, и вы не осмелились наложить на Меня руки, но теперь ваш час, время тьмы!»

Фарисеи приказали палачам заковать Его в цепи, издевались над Ним, говоря: «Нас-то Ты не смог свалить на землю, несмотря на все Твое колдовство!» И палачи также говорили: «Мы сумеем помешать Твоему колдовству». Спаситель сказал несколько слов, и апостолы бросились бежать во всех направлениях...

Четверо палачей и шесть служащих храма устояли на ногах и поэтому им не нужно было подниматься. Эммерих открылся тайный смысл: они не упали, как не упал Иуда, поскольку всецело были во власти сатаны и неразрывно связаны с Иудой. Наоборот, упавшие и поднявшиеся по слову Спасителя воины обратились и со временем сделали христианами. Спаситель, говоря об их обращении, произнес слово: «Встаньте». Воины эти и не наложили на Него рук, а лишь окружили Его. Сам же Малх обратился в то же мгновение, как Христос исцелил его, и на следующий же день он стал сообщать Божией Матери и ученикам обо всем происходящем.

Среди насмешек и надругательств фарисеев палачи с величайшей жестокостью связывали Спасителя. То были бессердечные язычники. Их шея, руки и ноги были обнажены. На них была пока ещё короткая одежда без рукавов с узкими подвязками. Они были небольшого роста, коренастые, с темным цветом лица и походили на рабов-египтян. Свяжав Господу руки и ноги самым варварским способом новыми и крайне жесткими веревками, они привязали кисть Его правой руки выше локтя левой и кисть левой выше локтя правой. Затем надели на Него колючий пояс, к которому прикрепили связанные руки. Кроме того, на Его шею они надели как бы ожерелье с металлическими остриями, от него шли ремни, соединенные накрест с поясом. К четырем сторонам пояса привязали новые длинные веревки.

После этих приготовлений процессия двинулась в путь. Зажгли много факелов. Шествие открывалось десятью воинами. За ними шли палачи, тащившие за собой Христа, затем фарисеи, не перестававшие осыпать Его оскорблениями. Завершалось шествие оставшимися десятью воинами. Несколько учеников следовали на некотором расстоянии, рыдая и как бы вне себя!

Иоанн приблизился к стражам, завершавшим шествие. Фарисеи хотели арестовать его, некоторые было бросились на него и схватили его за плащ, который был на нем. Но он, бросив им плащ, убежал от них. На Иоанне была лишь короткая туника без рукавов, что позволяло ему бежать быстрее, и вокруг шеи узкий и длинный орарь, который носили евреи.

Из угождения служащим храма, ненависть которых к Спасителю они знали, палачи мучили Господа самым варварским способом, с бесконечной жестокостью обращаясь с Ним. Они вели своего пленника по самым плохим местам дороги, толкая в грязь и на острые камни, выбирая для себя другие места. Спаситель не имел возможности идти свободно из-за веревок, которыми Его дергали во все стороны. Кроме того, в руках у палачей были узловатые веревки, которыми они били Его. Так бьет мясник скот, ведя его на бойню. И все это они сопровождали столь грубыми шутками, что передать невозможно.

Спаситель шел босым. Кроме обычных одежд, на Нем было шерстяное одеяние без шва. Арест Господа произошел без всякого официального предписания, без всякой бумаги. На Иисуса наложили руки, как будто Он был вне закона и каждый имел право напасть на Него.

Шли ускоренным шагом. Выйдя с дороги, отделявшей Масличный сад от Гефсиманского, повернули направо к востоку от Гефсимании и дошли до моста, перекинутого через Кедронский поток. Еще не доходя до моста, Спаситель падал два раза из-за ведущих Его. Но ярость их особенно усилилась, когда дошли до середины моста: они сбросили Его в поток, предлагая напиться досыта. Лишь особое попечение Божие оградило Его во Время падения.

Спаситель упал на колени и на лицо. Его лицо разбилось бы, если бы Он не заслонил его Своими связанными руками: в то время Его руки отвязались от пояса - неясно, было ли то чудом или палачи ранее отвязали руки. Следы Его колен, рук, локтей и ног отпечатались на скале, и впоследствии христиане почитали эти святые отпечатки.

Скалы были менее жестоки и более восприимчивы, чем сердца людей, и в этих ужасных обстоятельствах они свидетельствовали о той божественной силе, которая касалась их...

Во время Своей смертельной муки в саду Масличном Спаситель не смог утолить мучившей Его жажды. После падения Его я видела, как Он пил воду из потока Кедронского, и слышала, как Он повторял псалом, где пророк предрекал Ему эту подробность Его страданий: « И будет Он пить при падении Своем воды из потока»

Оставаясь на мосту, палачи, не переставали тащить Спасителя за длинные веревки. Так как трудно было заставить его подняться в этом месте из-за того, что противоположный берег был окаймлен довольно высокой стеной, то они вернулись назад, заставили Его пройти все ложе потока Кедронского, затем опустили сами и вытащили Его на берег. Потом жестокие палачи принудили Его пройти вторично по мосту среди ударов, насмешек и оскорблений. Длинная

шерстяная одежда Спасителя отяжелевшая от воды, прилипла к Его телу Он едва мог идти и снова упал...

Выйдя на ту сторону моста, они приподняли Его одежду, привязав ее к Его поясу. «Вот, говорили они, - Он совершает одевание к празднику Пасхи». Еще не было полночи, когда вели Спасителя по ту сторону потока по узкой дороге, где ударами и бранными словами они заставляли Его идти по острым камням и колючим растениям.

Шесть фарисеев шли рядом, когда это позволяла дорога. У них были в руках палки различной формы, которыми они Его толкали, кололи и ударяли. В тех трудных местах, где Спасителю приходилось ступать на колючки и другие предметы, ранившие Ему ноги, фарисеи преследовали Его своими насмешками. Один говорил: «Его Предтеча позабыл приготовить Ему путь». А другой: «Вот место, где не приложить пророчество Малахии: Я послал ангела Моего пред Тобою, чтобы приготовить пути Твои!» Или еще: «Почему Ты не воскресишь Своего Предтечу, чтобы он приготовил Тебе лучшие пути?» Эти грубые слова вызывали глупый смех и побуждали палачей придумывать еще новые жестокости и мучения.

Через некоторое время они заметили людей, показавшихся вдали. При вести о том, что схватили их Учителя, некоторые ученики пришли из Вифании и других мест, чтобы посмотреть, что будут далее делать с Ним. Враги Спасителя, испугавшись народного движения, которое могло бы вырвать у них их Пленника, поспешили дать знак о помощи тем воинам, которые были расположены в Опеле.

Шествие дошло до места, находившегося в пяти минутах ходьбы от ворот города, расположенных к югу от храма на горе Сионской, где жили Каиафа и Анна, когда из ворот вышел отряд воинов из пятидесяти человек. Они были в боевой готовности, с факелами, выпускали громкие крики.

Приветствуя своих товарищей с удачей, они много шумели. Когда они присоединились к сопровождавшим Спасителя, я видела, что Малх и еще несколько других ускользнули и побежали по направлению к горе Масличной. Ученики, следовавшие за шествием, рассеялись.

Пресвятая Дева и сопровождавшие Ее святые жены, уступая овладевшему ими беспокойству, направились к долине Иосафатской. Набожными спутницами Божией Матери были Марфа, Мария Магдалина, Мария Клеопова, Мария Саломия, Мария, мать Марка, Сусанна, Иоанна Хуза, Вероника и Саломия. Они были к югу от Гефсимании против той части горы Масличной, где была пещера, в которой обычно молился Господь. С ними были Лазарь, Иоанн, сын Марка, сын Вероники и сын Симеона. Этот последний, бывший с Нафанаилом в Гефсимании с девятью апостолами, воспользовался общим смятением и убежал. Он сообщил Пресвятой Деве горестную весть как раз в то время, когда слышались крики двух соединившихся отрядов и видны были их смешавшиеся факелы. При этом известии Божия Мать лишилась чувств и упала на руки своих друзей и подруг. Святые жены, чтобы не присутствовать при проходе шествия, пошли обходным путем к дому Марии, матери Марка.

Пятьдесят солдат, посланные навстречу Спасителю, выделены были из отряда в триста человек, которым была поручена охрана ворот Опеля, всего квартала. Предатель позаботился о том, чтобы предупредить книжников и фарисеев, что жители квартала Опеля, по большей части бедный люд: рабочие, поденщики, водоносы или дровосеки, служившие при храме, - все были горячими приверженцами Спасителя. Предатель знал, что Господь без конца утешал, поучал, помогал этим людям и чудесно исцелил громадное число жителей этого места. Фарисеи опасались, как бы они не попытались освободить Его...

Когда по смерти Иоанна Крестителя Спаситель отправился из Вифании в Эфрон, чтобы утешить учеников Иоанна, то Он останавливался в Опеле. Когда же обрушилась Силоамская башня (по-видимому, на третьем году служения Христа), то почти все, пострадавшие при этом, были жители Опеля. Большая часть людей этого квартала действительно присоединилась к апостолам после Пятидесятницы.

Квартал Опель - холм, окруженный стенами, расположенный к югу от храма, населенный почти исключительно бедняками. Благочестивые жители Опеля пробудились от шума, производимого воинами. Они вышли из своих домов на улицы, затем к воротам города и спрашивали: «Что случилось?» Воины, большей частью грубые рабы или отпущенники, дерзко обходились с ними и заставляли возвращаться в свои дома, говоря: «Иисуса, вашего лжепророка, Который обманывал вас, наконец, арестовали! Теперь священники и книжники займутся Им и распнут Его!»

Крики и рыдания раздались по всему кварталу. Бедные жители, мужчины и женщины, плакали, бросались на колени с руками, протянутыми к Нему, как бы прося помощи и вспоминая все благодеяния Спасителя, но воины заставили их вернуться в свои дома, говоря: «Вот доказательство, что то был честолюбец, соблазнявший народ!»

Все же они не решались поступать слишком резко, довольствовавшись тем, что очистили от народа улицы, по которым должны были вести Спасителя.

Печальное шествие подошло к воротам Опеля. Спаситель снова упал на землю. Казалось, Он был не в состоянии идти дальше. Один из воинов почувствовал сострадание. Воспользовавшись новым падением Спасителя, он обратился к палачам со словами: «Вы видите, что Он не может идти дальше! Если мы должны Его доставить живым в руки первосвященников, то надо развязать или хотя ослабить веревки, которыми связаны Его руки, чтобы Он мог предохраняться руками Своими, когда падает!»

Шествие остановилось, и палачи ослабили веревки на руках. В это время другой воин из сострадания дал Ему воды, взятой в соседнем колодце: подал он эту воду в сосуде, сплетенном из камыша, какие часто носят здесь воины и путешественники. Спаситель поблагодарил его и сказал о живой воде, которую Он даст Своим друзьям. Услышав эти слова, фарисеи стали снова осыпать Христа оскорблениями. Они обвиняли Его в гордости, дерзости, говорили, что пора уже отказаться Ему от столь смехотворных речей, что отныне Он не сможет утолить жажды ни людям, ни даже зверям.

Я видела как те сострадательные воины - тот, кто просил развязать Спасителю руки, и другой напоивший Его водой, были внезапно озарены светом, как они оба обратились еще до смерти Его и затем присоединились к первым христианам. Я даже видела их первоначальные имена и те имена, которые они приняли впоследствии. Но мне Бог показывает столько всевозможных вещей, что я, конечно, забываю многое.

Между тем Спаситель продолжал Свой путь, испытывая жесточайшее обращение. Скоро достигли небольшого холма, уже за воротами Опеля. Тут жители, глубоко привязанные ко Христу, встретили воинов и фарисеев громкими криками. Стража с трудом отталкивала мужчин и женщин, бросавшихся на нее. Люди бежали со всех сторон одновременно, становились на колени и кричали, простирая руки: «Отдайте, верните Его нам! Кто теперь нам поможет, кто утешит и исцелит нас? Верните Его нам!»

Раздирающее душу зрелище - видеть Спасителя бедного, разодранного, разбитого, с волосами в беспорядке, покрытого водой и грязью, связанного грубыми веревками, погоняемого ударами палок, влекомого, как бессловесное животное, палачами, полунагими и грубыми воинами среди жителей квартала Опеля, поднимавших к Нему исцеленные Им руки, умоляющих палачей помиловать Его голосами, которые Он вернул им, смотрящими Ему вслед и оплакивающими Его теми очами, которым Он же вернул свет.

Подсланные Анной и Каиафой люди из черни Иерусалимской и другие враги Христа, примкнувшие к шествию еще возле долины Кедронской, помогали воинам отгонять жителей Опеля. Шествие спустилось и прошло через ворота в стене.

По выходе из квартала Опеля стража запретила жителям следовать за шествием. Шли дальше, оставив справа большое здание (остатки построек, воздвигнутых еще Соломоном), а слева осталась купель Вифезда. Затем направились к западу по улице Мило. Там повернули к югу, стали подниматься по направлению к Сиону и скоро достигли дома Анны. Во время всего этого пути продолжали оскорблять и мучить Спасителя, как и до того делали. Видя, что народ стекается со всех сторон и кварталов навстречу шествию, палачи усилили свою жестокость.

Спаситель снова упал в этом месте. Это было седьмое Его падение, начиная от сада Масличного. Жители Опеля еще не успели опомниться от горя, как новое зрелище вызвало их сострадание. Святые жены и друзья Пресвятой Девы повели Ее по кварталу Опель, из долины Кедронской к дому Марии, матери Марка. Дом этот лежит у подножия горы Сионской. Когда эти добрые люди узнали Божию Матерь, они горько зарыдали, стали тесниться вокруг Нее, и некоторое время эти люди Ее несли.

Пресвятая Дева не произнесла ни слова, как бы онемев от горя. Она заговорила лишь тогда, когда увидела приближающегося к Ней Иоанна. Она его спросила и зарыдала. Апостол Ей рассказал все, что произошло с тех пор, как Спаситель покинул трапезную. Затем Ее повели в западную часть Иерусалима, в дом Марфы, соседний с домом Лазаря. Чтобы дойти туда, шли несколько в обход, избегая тех улиц, по которым шел Христос, чтобы не увеличивать скорби Божией Матери.

Когда шествие вошло в город, Петр и Иоанн, следовавшие за ним на некотором расстоянии, поспешили разыскать служащих первосвященника, знакомых с Иоанном, чтобы постараться через них попасть на суд, куда повели их Учителя. Эти служащие были рассыльными при суде, они должны были обходить город и созывать старейшин и всех членов совета. Они и хотели бы угодить апостолам, но все, что они могли сделать, это дать им плащи такие же, как у них, и поручить им помочь разносить извещения. С этими плащами они затем смогут проникнуть в судилище, поскольку кроме служащих, впускали лишь воинов и подкупленных лжесвидетелей. Всех остальных без исключения беспощадно изгоняли.

Никодим, Иосиф Аримафейский и еще несколько друзей Спасителя входили в состав совета. Петр и Иоанн взялись сообщить им, так как фарисеи с намерением «забыли» их известить.

Иуда, которому сатана не давал ни на мгновение покоя, бродил среди пропастей, окружавших Иерусалим с юга. Это была самая дикая и печальная окрестность города.

Глава 10 Накануне суда

Анну и Каиафу немедленно известили об аресте Спасителя, и они тотчас же принялись за дело. Все залы были освещены, и у всех дверей была расставлена стража. Одновременно их посланные проходили по разным кварталам города, чтобы созвать членов синедриона, законников и всех остальных, имевших право принять участие в судилище. Впрочем, многие из них и не расходились, а оставались у Каиафы со времени предательства Иуды, ожидая исхода всего предприятия. Созваны были также старейшины различных сословий. А так как фарисеи, саддукеи, иродиане со всех окрестных мест уже несколько дней находились в Иерусалиме по случаю праздника Пасхи, то первосвященники уже совещались с ними по поводу намерения захватить Спасителя. Теперь первосвященники созывали тех из них, кто был более всего озлоблен против

Спасителя, оповестив их, чтобы привели всех возможных свидетелей и обвинителей на суд. Это были большей частью фарисеи и саддукеи из Назарета, Капернаума, Тирцы, Габары, Иотопета, из Сило - все те, которых Христос пристыдил в присутствии народа и которых снедала жажда мести. Многие из них пошли в гостиницы за своими сторонниками, настроенными против Христа, чтобы уговорить их за деньги показывать на суде против Него и оскорблять Его. Но кроме нескольких ложных придирок, легко опровергаемых, и нелепых обвинений, которые Спаситель много раз разбивал в присутствии народа в синагогах, они ничего не смогли придумать. Все эти люди друг за другом спешили в судилище к Каиафе, так же как и остальные враги Христа, направляемые фарисеями, законниками и их иерусалимскими сторонниками. Тут были и те торговцы, которых Спаситель изгнал из Храма, и горделивые учителя, которым приходилось умолкать пред Ним, даже такие, которые не могли простить Ему, что Он победил их в двенадцатилетнем возрасте, когда учил в храме. Тут были не раскаявшиеся грешники, которых Он отказался исцелить, а также исцеленные грешники, но впавшие в грех и снова заболевшие после исцеления. Были и юноши, полные сомнения, которых Он отказался принять в число Своих учеников; скупые, соблазненные тем, что Он раздавал бедным богатства, на которые они рассчитывали, разгульные люди, друзей которых Христос обратил к Себе и отвратил от них; прелюбодеи, у которых их сообщники были покорены Его проповедью; скупые, которые благодаря Его исцелениям лишились наследства от тех, на смерть которых они рассчитывали; люди порочные сами и соблазненные к пороку других. Одним словом всевозможные орудия сатаны, направленные на Святейшего из святых.

В то время, как эти слуги дьявола измышляли свои козни, многие друзья Спасителя были смущены и поражены. Не понимая тех великих тайн, которые должны были свершиться, они блуждали и колебались. Когда они прислушивались, горевали, их грубо отталкивали; когда они замолкали, на них косились. Были и такие слабые люди, хотя и желающие добра и расположенные ко Христу, которые еще до часа непосредственной опасности соблазнились, поддались искушению, поколебались. Число устоявших было невелико. Тогда было, как и сейчас. Ведь и теперь многие соглашаются быть честными христианами, пока это не опасно, и они же стыдятся Креста Христова, когда он не в чести. Но многие были все же глубоко тронуты, глядя на зверскую жестокость палачей, на терпение Спасителя, и удалялись молчаливые и глубоко опечаленные.

Обычные молитвы и приготовления к празднику были уже закончены, жители этого многолюдного города, а также приезжие, собравшиеся в Иерусалиме к Празднику, спали глубоко, когда весть об аресте Господа пробудила многих: и врагов, и друзей Христа. Многие поднялись и по зову первосвященников двинулись в путь. Шли они при свете луны и при свете факелов, как обычно ночью, по темным и пустынным улицам, поскольку большая часть домов в

Иерусалиме не выходит окнами на улицы, и вход в дом обычно с внутреннего двора.

Все направились к горе Сионской, вершина которой была ярко освещена факелами, откуда шум и волнение раздавались далеко. Со всех сторон стучали в дома, чтобы пробудить жителей. Везде ходят, волнуются, переговариваются - во всех частях города. Повсюду открываются двери, расспрашивают пришедших, собираются: и двигаются к горе Сионской. Слуги и любопытные сопровождают членов совета, чтобы принести новости о происшедшем, происходящем и о том, что еще произойдет.

Некоторые дома заперты и забаррикадированы, ибо боятся народного восстания. Стучатся в двери к искомым, спрашивают прохожих, чтобы знать во всех подробностях о последних событиях. Слышалось много речей, порадовавших ад в ту ночь! Одни говорили другим: «Лазарь и сестры его узнают теперь, Кого они наделили своим доверием! Сусанна, Мария, мать Марка, и Саломея раскаются со временем в своем необдуманном рвении, также, как Серафия, жена Сираха, - не смогут они оправдаться пред своими мужьями, которые часто пытались остеречь их от соблазнителя. Его приверженцы были всегда так высокомерны перед теми, кто не разделял их взглядов, а теперь многие из них не будут знать, куда скрыться! Уже нет больше никого, кто захотел бы перед Ним бросать ветви, и одежды свои, и ткани. Все эти лицемеры, желающие казаться лучше всех, получают по заслугам. Все они замешаны в деле Галилеянина! Дело оказалось серьезнее, чем думали раньше. Интересно, как Никодим и Иосиф Аримафейский сумеют выйти из этого положения? Уже давно перестали им доверять! Они оба были заодно с Лазарем, но они очень ловки. Теперь всех выведут на чистую воду!»

Так говорили многие, настроенные против учеников Христа, а главное, против святых жен, снабжавших Его всем необходимым и не боящихся открыто стоять за Него. Многие совершенно ошеломлены происходящим. Другие тайком плачут, идут к друзьям, чтобы облегчить душу. И только очень малое число дерзает громко заступиться за Спасителя.

Но не во всем Иерусалиме одинаково волнение и оживление. Оно особенно сильно в тех кварталах, где фарисеи созывают членов синедриона и где подыскивают спешно лжесвидетелей против Христа. Волнение, главным образом, в окрестностях горы Сионской.

Можно представить себе как бы искры злобы и ненависти, виднеющиеся в различных местах Иерусалима. Искры эти увеличиваются в своем движении соединяются друг с другом и, наконец, образуют над домом Каиафы громадный и страшный огненный вихрь. Лишь окраины Иерусалима еще сохраняют некоторый покой. Там движение происходит с перерывами гораздо большими. Римские воины чужды тем страстям, которые охватили жителей города, но их стража удвоена, и их отряды на ногах в разных частях Иерусалима. Они встревожены тем, что происходит, ибо каждый год к празднику Пасхи они начеку из-за громадного количества приезжих в Иерусалим евреев.

Многие, идя в судилище, стараются избежать тех улиц, где стоят посты римских воинов: они боятся быть опрошенными воинами и, таким образом, оскверниться перед предстоящим праздником. Первосвященники и старейшины известили Пилата о причине размещения отрядов воинов в квартале Опеля и Сиона. Но отношения между ними и Пилатом проникнуты скрытым недоверием. Пилат не спит. Он получает донесения, дает распоряжения. Жену его боговидица видит на ложе спящей тревожным сном, она плачет во сне, как будто ее преследуют тяжкие сны, спит, но страдает больше, чем ее муж.

Часть города, где более всего огорчены и тронуты арестом Спасителя, - это Опель. Этот презираемый квартал города почти исключительно населяют поденщики и рабочие. Горькая весть дошла до них совершенно неожиданно. Они увидели влекомого по их улицам измученного, израненного Учителя и своего Благодетеля - Того, Кто их питал и утешал. Затем их скорбь усилилась при виде Матери скорбящей, проходящей по их улицам со Своими печальными спутниками. В этот скорбный, поздний час им приходится прятаться, иногда забиваться в какой-нибудь угол, чтобы не быть замеченными. Часто их оскорбляют, они слышат грубые слова и насмешки, направленные против Спасителя, и почти никогда слова участия. Дойдя до своего убежища, они падают в муке, что-то шепчут, припав друг к другу, или же садятся с головами, закутанными покрывалами, облокотив голову о колена. Неожиданный стук в дверь: они прислушиваются с тревогой. Но это легкий стук, так не стучит враг. Они открывают. Это друг или посланник Учителя. Они его осыпают вопросами и слышат рассказ о новых страданиях Учителя. Но они не отдыхают, эти вестники, они спешат снова узнавать и возвращаются с удвоенной скорбью.

Большинство апостолов и учеников бродят по окрестностям Иерусалима или же прячутся в пещерах горы Масличной. Приход одного из них к другим уже пугает их. Они спрашивают шепотом. Дальние шаги прерывают их робкие беседы. Они все ищут новых убежищ, чтобы укрыться. Наконец, одни приближаются к городу, некоторые потихоньку ищут среди приезжих своих знакомых, чтобы узнать последние вести. Другие восходят на вершину горы Елеонской и оттуда с тревогой следят за движением факелов и все разрастающимся оживлением вокруг горы Сионской.

А волнение все усиливается в том квартале, где помещается судилище Каиафы. Здесь множество факелов, слышится мычание животных, приведенных сюда по случаю праздника Пасхи. Среди ночи слышно блеяние множества агнцев, которые должны быть закланы на следующий день в храме. Один Агнец - Жертва добровольная... но гласа Его не слышно. Подобно агнцу, которого вот-вот поведут на заклание, Он не открывает уст Своих, чтобы пожаловаться. Се чистый и непорочный, истинный Агнец Пасхальный - Иисус Христос!

...Мрачное, темное небо. Бледная зловещая луна часто закрывается пятнами, она точно боится дойти до зенита, ибо тогда должен умереть ее Создатель. Видится местность к югу, печальная долина Энном. Там мечется предатель Иуда Искариот, совесть гонит его в дикие и проклятые места среди болот. Он бродит.

Он один, он пугается собственной тени. А дьявол и тут не отступает от него. Множество темных духов движется то туда, то сюда, искушают людей, склоняют их к греху. Ад точно вырвался из оков и всюду сеет нечестие. Ярмо, под которым изнемогает Агнец, все увеличивается. Ненависть сатаны усилилась, она пугает и смущает праведных. Сатана жаждет греха, и если праведник без греха - то устоял против искушений.

Ангелы колеблются между болью и радостью. Им хочется пасть у престола Всевышнего и нести помощь Праведнику. Но тут же они преклоняются пред чудом справедливости Божией и Его милосердием. Эта справедливость и это милосердие вечно живут на небесах, и ныне они входят в силу времени на земле.

Все, что я говорю, не отражает и тысячной доли тех чувств скорби, тоски и вместе с тем утешения и восхищения, которые наполняли мою грешную душу в эту знаменательную ночь, в этот час, когда вечная справедливость и милосердие Божие как бы встречались и, приникая друг к другу, образовали то особое дело любви, где грехи человечества искупаются в Человеке Боге и где Бог примиряется с человечеством через посредство Богочеловека Бога.

Глава 11 Суд синедриона

Была полночь, когда Господь был приведен во дворец Анны. Его ввели в прихожую, затем в залу, величиной с обыкновенную церковь. Анна, окруженный своими двенадцатью помощниками, сидел на помосте. Лестница из нескольких ступеней вела к этой зале, с которой сообщались остальные строения дворца. Палачи втащили Спасителя, окруженного схватившими Его воинами, продолжая дергать Его за веревки. Зала была наполнена воинами, чернью, врагами Христа, слугами Анны, наконец, подысканными лжесвидетелями, которые затем давали свои показания у Каиафы.

Анна с нетерпением ожидал Спасителя. Сатанинская радость, хитрость, ненависть отражались на его лице. Он был председателем особого трибунала, которому поручено было следить за чистотой учения, преследовать виновных и приводить их на суд к первосвященнику. Когда Христос предстал перед Анной, Он был бледен и истерзан, Его одежда была вся в грязи. Руки отягчены цепями, глава наклонена на грудь. Он хранил полнейшее молчание.

Анна был худой старик с жидкой бородкой. Это был тип злого, хитрого, холодного неверного еврея. Он, улыбаясь, сел и сделал вид, что не знает, что Иисус - Тот заключенный, Которого ему привели. Смысл его возбужденной речи, невозможно передать дословно: «Вот это, значит, Иисус из Назарета? Так это Ты? Где же Твои ученики? Где же Твои приверженцы, столь многочисленные и могущественные? Где Твое Царство? По-видимому, Твои дела приняли совсем иной оборот? Увидели, наконец, что надо положить предел Твоим

нечестиям, Твоему презрению к священническому званию, к святым обычаям! Кто же Твои последователи? Говори, соблазнитель! Отвечай, нечестивый совратитель! Ты уже вкусил пасхального агнца, Ты его вкусил по неосвященному обычаю, в недозволенном месте, раньше назначенного времени! Ты хочешь, по-видимому, дать нам новый закон? Кто дал Тебе право обучать? Где обучался Ты? Каково Твое учение, не уважающее ничего святого? Говори, отвечай: в чем же Твое учение?»

Спаситель спокойно поднял Свою усталую голову, возвел очи на Анну и сказал ему: «Я говорил открыто и при всем народе, в местах, где собирались все евреи. Я никогда не поучал тайным образом. Почему вы спрашиваете Меня? Почему не спросите тех, кто Меня слушал? Они знают, что Я им говорил».

При этих словах на лице Анны изобразился гнев и ненависть. Тут слуга при суде, человек злой, стоявший возле Спасителя, дал Ему своей рукой, одетой в железо, пощечину по устам и щеке, говоря: «Так-то Ты отвечаешь первосвященнику?» Под силой удара, полученного так жестоко, Спаситель упал на ступени. Все лицо Его было покрыто кровью... Раскаты смеха, рукоплескания, издевательства наполнили залу! Спасителя подняли, обращаясь с Ним еще грубее.

Он же промолвил лишь: «Если Я плохо сказал, покажите это Мне; если же Я говорил хорошо, за что вы бьете Меня?»

Анна, раздраженный спокойствием Спасителя, стал призывать присутствующих повторить то, что хотелось ему слышать. И тут раздались крики и проклятия, которые трудно передать. Все стали кричать сразу: «Он называл себя Царем, говорил, что Бог - Отец Его! Фарисеи - прелюбодейцы! Он соблазнял народ! Исцелял в день субботний силой сатанинской! Он околдовал жителей Опеля, которые называли Его своим Спасителем и Пророком! Он называл Себя Сыном Божиим, говорил, что послан Всевышним! Он не чтит святого города, предсказывал разрушение Иерусалима! Он не соблюдал постов! Он собирал вокруг Себя народ, вкушал пищу с нечестивыми - язычниками, мытарями, грешниками! Он окружал Себя женщинами прелюбодейными, подозрительными людьми! Даже теперь, у ворот Опеля, Он обещал одному воину, что даст ему напиться воды, текущей в жизнь вечную, после которой не возжаждет вновь! Он обманывал народ двусмысленными притчами! Он жил за чужой счет! Он внушал доверчивым людям тысячу выдумок о Своем мнимом Царстве!"

Все эти обвинения произносились одновременно. Ложные свидетели бросали свои обвинения в лицо Спасителя, сопровождая их самыми грубыми ругательствами. Тут же палачи ударяли Его длинным бичом со словами: «Говори же, отвечай!» Анна с обвинителями издевались, говоря: «Итак, мы теперь знаем, в чем Твое учение. Отвечай же! Вот то учение, которое Ты преподносил народу. Вся страна только и говорит о нем! Что же, Тебе разве нечего сказать? Что же Ты не даешь показаний, могущественный Царь? Посланник Божий, прояви же Свое назначение!»

Толпа, чернь приветствовала все эти издевательства и шутки. Палачи, как бы с нетерпением, стремились снова обратить свою жестокость на молчавшего кроткого Господа. Спаситель едва мог стоять на ногах.

Анна произнес иронически: «Кто же Ты? Царь Иудейский, Посланник Всевышнего? До сих пор мы думаем, что Ты - Сын простого плотника! Но, быть может, Ты - пророк Илия, унесенный на огненной колеснице? Говорят, что он жив, Ты же умеешь делаться невидимым, чтобы избежать врагов Своих! Или, быть может, Ты Малахия? Ты предпочитаешь этого пророка и особенно часто о нем упоминаешь! Про него говорят, что это - Ангел, что он не умер. Для Тебя как раз подходящий случай, чтобы выдать Себя за него! Скажи же, какой Ты Царь? Ты больше Соломона, по Твоим словам. Что же, мы не хотим лишать Тебя Твоего царственного звания!»

Анна повелел принести себе кусок пергамента длиной в аршин, а шириной приблизительно в три пальца. Взяв трость, он написал на пергаменте большими буквами обвинения против Христа, полные издевательства. Затем свернув пергамент, он вложил его в тыквенную бутылку, замкнул, прикрепил ее на конец шеста, и, вручая Ему этот мнимый скипетр, сказал иронически: «Вот, Царь, Тебе Твой скипетр, и Твои титулы, и права! Неси их к первосвященнику, дабы он мог признать Твое Царство и Твою миссию и мог бы обойтись с Тобою по заслугам! Свяжите Ему руки и отведите Его к первосвященнику!»

Спасителю снова связали развязанные до этого руки, скрестивши их на груди, и прикрепили к ним шест с обвинениями Анны. И с насмешками, издевательствами и оскорблениями повели Его к Каиафе.

Дворец Каиафы находился приблизительно в трехстах шагах от дворца Анны. Дорога идет среди стен домов, освещается факелами и вся заполнена евреями, жестикулирующими и вопящими. Воины с трудом раздвигали толпу. Служащие Анны повторяли перед толпой те же оскорбления, и во все время пути Спаситель был поругаем и преследуем! Вооруженные люди грубо разгоняли небольшие группы людей, сострадавших Спасителю; и в то же время давали деньги издевающимся над Ним, вводя их вслед за собой во двор Каиафы.

Чтобы войти в судилище Каиафы, надо было пройти в ворота и войти в довольно просторный двор, затем через другой вход во второй двор, который окружает все здание и называется внутренним двором. Длина здания в два раза больше ширины. В нем атриум, или вестибюль с галереями, скрытыми с трех сторон и открытыми в центре. В них входят с трех сторон. Но главный вход с фасада дома. Слева при входе видно углубление, выложенное плитами. Там разводят огонь. Направо за колоннами идет возвышение, и в нем - помещение. Это трибунал судилища. На него поднимаются по ступенькам.

Совет заседает на полукруглом помосте более высоком, чем остальное помещение. Место первосвященника находится посередине и выше остальных. Обвиняемые помещаются в середине полукруга и окружены стражей. Направо и налево между местом для обвиняемых и атриумом помещаются обвинители и свидетели. К местам судий ведут три входа, сообщающиеся с круглым залом позади трибунала, там тоже есть помост. В этом зале происходят тайные

совещания. Если идти от трибунала в это круглый зал, то направо и налево есть двери, ведущие во внутренний двор. Если выйти в дверь направо, то увидишь во дворе налево вход в темную подземную тюрьму, она помещается под круглым залом. Так как эта зала и вестибюль выше земли, то легко было под ними устроить подземелье для тюрьмы. В одной из ее камер святой Петр провел ночь после сошествия Святого Духа, когда он исцелил при входе в храм слепого.

Внутри здания и вокруг него было зажжено множество факелов, так что было светло как днем! Большой костер горел в атриуме (вестибюле), напомиравшем очаг, но вырытый в земле, и над ним - открытое небо. Время от времени в него подбрасывали куски горючего вещества, напомиравшего уголь. Справа и слева от костра - на высоте человеческого роста - трубы для отвода дыма. Посредине видно пламя. Воины, лжесвидетели, служащие трибунала и разный люд, теснились у огня. Тут же толпились женщины, продававшие воинам красноватый напиток и жарившие им пирожки за деньги. Точно зимняя ночь в Гефсимании, когда дежурят у костра.

Большинство тех, кто был приглашен, уже заняли свои места на помосте трибунала. Другие продолжали приходить. Обвинители и лжесвидетели заняли атриум. Многие любопытные старались войти, но их оттесняла стража.

Незадолго до прибытия Спасителя апостолы Петр и Иоанн, еще одетые в свои плащи посланных гонцов, прошли во внешний двор. Иоанн, благодаря покровительству знакомого служащего в трибунале, смог войти через дверь во внутренний двор. Тут же этот вход поспешили закрыть из-за большого стечения народа. Петр, которому толпа не дала вовремя подойти, застал вход уже запертым. Напрасно Иоанн просил за него - стража отказалась впустить его... Если бы не Иосиф Аримафейский и Никодим, пришедшие к этому времени, он бы не смог пройти. Войдя во внутренний двор, оба апостола возвратили те плащи, которые им одолжили, и смешались с толпой в правой части атриума, откуда был виден трибунал.

Каиафа восседал на своем седалище посредине помоста. Семьдесят членов совета окружали его. Много служащих, старейшин, законников сидело по обе стороны помоста. Вокруг них множество свидетелей и людей, подкупленных для клеветы. В атриуме при входе в трибунал и возле колонн были расставлены воины, и так до самой двери, через которую должно было пройти шествие. То была не дверь напротив трибунала и мест судей, а другая, боковая дверь - с левой стороны атриума.

Каиафа был представительный человек. Пламенный взгляд его был исполнен ненависти. На нем было длинное одеяние темно-красного цвета, украшенное золотой бахромой и схваченное на плечах и на груди металлическими пряжками. На голове у него было нечто вроде митры наших епископов. От нее шли завязки, ниспадавшие на плечи.

Каиафа со своими советниками был в зале. Нетерпение и гнев его были так сильны, что несколько раз он, одетый в свои первосвященнические одежды,

сходил со своего места и шел в атриум спросить, идет ли шествие. Наконец ему доложили о приходе Спасителя, и он тотчас же занял свое место.

Когда Спаситель проходил через двор, собравшаяся толпа встретила Его оскорблениями и насмешками. Те из Его врагов, которые находились в атриуме, вели себя сдержаннее и выражали свою радость лишь глухими восклицаниями. Проходя мимо Иоанна и Петра, Господь посмотрел на них, не поворачивая головы, чтобы не выдать их.

Едва Спаситель приведен был пред судьями, как Каиафа обратился к Нему: «Так это Ты, богохульник, нарушающий Своим делом святую ночь?» Свиток с обвинениями Анны был отвязан от скипетра. Каиафа, прочитав обвинения, разразился оскорблениями и бранью на Спасителя. Окружавшие Его палачи всячески мучили Его. В руках у них были палки, покрытые металлом. Ими ударяли Его с криками: «Отвечай же! Ты что, разучился, говорить?» И тут же Каиафа, еще более возбужденный и рассерженный, чем Анна, засыпал Спасителя вопросами.

Христос оставался спокойным. Он смотрел прямо перед Собой, не поднимая, однако, глаз на Каиафу. Палачи, желая насильно заставить Его отвечать, били Господа по спине, плечам и рукам и кололи Его своими острыми палками. Вскоре перешли к допросу свидетелей. Саддукеи и фарисеи, наскоро созванные сюда, обвиняли Господа как своего давнего врага, с великой ненавистью снова и снова задавая вопросы, на которые Спаситель отвечал им уже много раз. Они кричали: «Он исцелял и изгонял бесов силой дьявольской, нарушал субботу, не соблюдал постов! Ученики Его не омывали рук! Он возбуждал народ, называл фарисеев ехиднами и прелюбодеями. Он предсказывал разрушение святого города, Он общался с язычниками и мытарями, с грешниками и грешными женами! Вокруг Него собиралась толпа людей, Он называл себя Пророком, Сыном Божиим, Он постоянно говорил о Своем Царстве, Он запрещал дозволенный развод. Он проклял Иерусалим. Он называл Себя хлебом жизни. Говорил о неведомых доселе вещах: тот, кто не будет вкушать Его Крови и Плоти, не будет иметь жизни в Нем!»

Все слова Спасителя и все Его поучения были искажены и служили поводом для обвинения против Него, но свидетели не умели согласовываться друг с другом. Одни говорили: «Он выдает себя за Царя!» Другие отвечали: «Нет, таким именем Он не позволял Себя называть, и когда Его хотели провозгласить Царем, Он скрылся!» Третий говорил: «Он называл Себя Сыном Божиим». Но следующий свидетель добавлял: «Он называл Себя Сыном Божиим, ибо исполняет волю Отца Небесного!»

Многие говорили, что после Его исцелений болезни вернулись снова, что исцеления эти были колдовством, говорили об исцелении расслабленного в купели, но и тут свидетели противоречили друг другу. Фарисеи из Сефариса, с которыми Спаситель говорил о разводе, стали приписывать Ему какое-то извращенное учение. Даже тот юноша, которого Он отказался принять в ученики Свои, имел низость выступить против Него. Его обвиняли в том, что Он

разговаривал в храме с прелюбодейной женой, нарушая этим уважение к законникам и фарисеям, однако ни одно обвинение не удавалось обосновать. Многие свидетели просто бранили Спасителя или начинали ссориться друг с другом!

Первосвященники со своими советниками продолжали оскорблять Спасителя, говоря: «Если Ты так силен, покажи нам Свою силу. Вызови легионы ангелов, о которых Ты вспоминал в саду Гефсиманском. Отвечай, говори! Ты молчишь, когда должен отвечать судьям. Лучше бы Ты молчал, когда был среди народа, который Ты соблазнял!» Палачи и стражники, желая заставить Спасителя отвечать, продолжали мучить Его. Часть свидетелей стала говорить, что Он произошел от незаконной связи, другие восстали на них, говоря, что Мать Его благочестива и муж Ее был человеком богобоязненным. Они спорили о Его рождении. Еще Его обвиняли в том, что ни Он, ни ученики Его не приносили жертв в храме.

И действительно, я не видела, чтобы Спаситель или ученики Его приносили других жертвенных животных, кроме пасхального агнца. Правда, святая Анна и святой Иосиф при жизни своей часто приносили в жертву в храм животных за младенца Иисуса. Впрочем, это обвинение было несерьезное, поскольку многие евреи вообще не приносили жертв, и при этом оставались правоверными.

Его обвиняли в колдовстве, и Каиафа осмелился утверждать, что противоречия в показаниях свидетелей произошли благодаря Его колдовству. Затем пришли и сообщили, что Спаситель уже вкушал агнца пасхального, что было нарушением закона. Это обвинение было встречено новым взрывом оскорблений. Между тем, свидетели настолько противоречили друг другу и ссорились между собой, что Каиафе и обвинителям оставалось только краснеть за них. Они были разъярены, видя, что не удалось доказать ни одного обвинения.

Иосиф Аримафейский и Никодим на вопрос о вкушении пасхального агнца накануне назначенного дня в помещении, принадлежавшем им, доказали на основании старинных обычаев, что издавна галилеяне имеют разрешение вкушать пасхального агнца за день раньше, чем остальные евреи. Заклание же было законное и правильное, совершено оно было одним из служащих храма.

Враги Спасителя раздражались, слушая эти разъяснения Никодима. Хотя галилеяне не всегда пользовались своим разрешением, однако Никодим при помощи текстов точно установил это их право. Особенно же разъярились враги Спасителя, когда Никодим закончил свою речь словами о том, что совет должен стыдиться подобного рода свидетелей с их противоречиями и ведения всего дела с необычайной поспешностью, под влиянием страсти и в то время, когда подобает праздновать самый торжественный еврейский праздник.

На Никодима смотрели с гневом и продолжали допрос свидетелей все с той же поспешностью и предвзятостью. Наконец, двое свидетелей донесли, что Спаситель сказал, что разрушит храм рукотворный и в три дня воздвигнет другой - нерукотворный, но и тут они не могли сговориться. Один говорил: «Он хочет создать новый храм и разрушить старый!» Другой отвечал: «Нет, Он говорил не об этом храме». Каиафа был разъярен. Противоречия свидетелей между собой, оскорбления, причиненные Спасителю, и необычайное терпение, с которым Он их переносил, - все это тронуло многих из присутствующих, и они даже начали поносить свидетелей.

Молчание Христа производило на людей глубокое впечатление. Около десяти воинов были настолько потрясены происходящим, что вышли под предлогом нездоровья. Проходя мимо Петра и Иоанна, они сказали: «Молчание Иисуса среди всех этих оскорблений раздирает душу. Кажется, что земля вот-вот расступится, чтобы поглотить их. Скажите, куда нам пойти?» Оба апостола либо не доверяли вполне этим воинам, их порыву, либо опасались окружавших их людей: они ответили с грустью такими неясными словами: «Если истина руководит вами, дайте ей вести себя. Остальное совершится само собой». После этого воины пошли в город.

Там им встретились люди, шедшие по направлению к другой стороне Сиона, к югу Иерусалима. Они пошли с ними и встретили таящихся, прячущихся апостолов. Те сначала испугались затем стали расспрашивать и, узнав об угрожающей всем им опасности, рассеялись по другим местам.

Каиафа, рассерженный противоречиями между показаниями последних двух свидетелей и тем, как принимались эти показания, встал со своего седалища, сошел на несколько ступенек, приблизился к Спасителю и сказал Ему: «Ну, что Ты ответишь на эти свидетельства?» Он был раздражен еще и тем, что Спаситель не смотрел на него. Тогда палачи стали тянуть Спасителя за волосы, ударяли Его в подбородок кулаками. И все же очи Его были опущены. Каиафа поднял руку и произнес в гневе: «Заклинаю Тебя именем Бога живого, отвечай, Ты ли Христос Мессия - Сын Благословенного?»

Тут во всем собрании наступила минута торжественного молчания, и Спаситель ответил с достоинством, голосом, полным силы и величия: «Ты сказал - это Я! Истинно говорю вам - скоро вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную Бога, поднявшегося на облаках небесных!»

И когда Господь произносил эти слова, мне казалось, что весь Он был окружен Светом. Я видела небо отверстым и Отца всемогущего, описать Которого нет у меня ни слов, ни возможности. Я видела Ангелов, видела молитвы праведных, возносимых небу за Господа Иисуса Христа. Я слышала как бы слова Бога Отца: «Если бы Я мог страдать, Я бы страдал. И по милосердию Своему, Я воплотился в лице Слова, дабы Сын Человеческий пострадал. Ибо Я

справедлив, и вот Он взял на Себя и несет грехи всех этих людей и грехи всего мира».

И тут же, у ног Каиафы, я видела землю разверстую и огненный шар (сферу), наполненный самыми страшными существами. Шар этот как бы висел над пропастью, готовый упасть в нее. И весь он был пронизан дьявольской ненавистью. И все здание казалось мне адом, вышедшим из-под земли! И в то мгновение, когда Спаситель произнес эти слова: «Я Христос, Сын Бога Живого», - ад содрогнулся и наполнил весь дом, все здание ненавистью, наполнявшей его к Спасителю. Все это мне было показано в образах чувственных картин. Такой способ для нас, людей, точнее, быстрее и яснее всяких слов. И это оттого, что сами мы подвержены чувствам, а не простым абстракциям.

Я видела всю ярость и ужас ада, выходящую из-под земли в страшном облики. Я помню, что со страхом увидела множество небольших черных страшилищ с когтями, напоминающих псов, бегающих на задних лапах. Они проникали в большинство присутствующих, входили в их головы, садились на их плечи. Вся зала была наполнена ими, и от их присутствия ярость злых возросла необычайно сильно. Я видела также страшные призраки, вышедшие из гробов по ту сторону Сиона. То тоже были нечистые духи. И возле храма множество призраков вышло из-под земли. Многие походили на узников, закованных в цепи. Не знаю, были ли то также злые духи или души умерших, стремящихся с земли в ад, где они должны были обитать, врата которого вскоре должны быть открыты жертвой Спасителя. Невозможно все это описывать и передавать. Не хочется соблазнять тех, кто не знает всего этого. Но чувствуешь, видишь их - и волосы шевелятся на голове от ужаса!

Мне думается, что Иоанн видел многое. Я слышала, как впоследствии он говорил об этом. Те люди, которые не вполне были преданы злу, с ужасом почувствовали, как что-то сильное, темное окружало их в это время. Злые же, наоборот, почувствовали усиление, удвоение своей ненависти и ярости.

Каиафа, весь охваченный черной, темной силой преисподней, схватил край своего одеяния, надсек его подол, разодрал одеяние свое и воскликнул громким голосом:

«Он богохульник! К чему нам теперь свидетели? Вы слышали Его богохульство? Что думаете вы?»

Присутствующие вскочили со своих мест и закричали страшным голосом:
«Он повинен смерти!»

Во время этих волнений вся ярость темной силы, наполнявшей этот дом, достигла своего апогея... Враги Христовы сделались словно одержимыми! Точно темная сила торжествовала и требовала своей победы над светом. Те из присутствующих, в которых сохранилась хоть капля добра, были до того испуганы и потрясены, что закрыв голову одеждой, бросились бежать. Те из свидетелей, кто не принадлежал к озлобленной толпе, исполненные угрызений

совести покинули зал. Остальные перешли в атриум к костру. Им раздавали деньги, их тут кормили и поили.

Первосвященник сказал палачам: «Я передаю вам этого Царя нового образца! Воздайте Ему те почести, которые Он заслужил Своим богохульством!» И после этого он удалился со своими советниками в круглую залу, находящуюся позади трибунала. Снаружи не было видно, что делалось в ней.

Несмотря на всю глубину своего горя, апостол Иоанн думал в это время о Пресвятой Матери Спасителя. Он понимал, что эти страшные вести будут для Нее еще тяжелее, если Ей принесет их чужой человек. Иоанн поглядел пристально на Святейшего из святых и сказал про себя: «Учитель, Ты знаешь, отчего я удаляюсь». И затем он пошел к Пресвятой Деве как бы от Ее Сына.

Петр, павший духом от горя, беспокойства и усталости. особенно сильно ощущал холод ночи. Он старался как мог скрывать свои чувства. Робко подошел к костру, возле которого грелись всевозможные люди. Он плохо сознавал, что делает, но уйти от своего Учителя совсем не мог.

В то время, как Каиафа, отдав Спасителя разъяренной толпе, удалился со своими советниками, наиболее злые из врагов Спасителя бросились на Него. Его держали за веревки двое из палачей, двое других пошли отдыхать. Уже во время допроса свидетелей палачи и другие злодеи вырывали у Христа пряди волос с головы и из бороды, плевали ему в лицо, били палками и кулаками, втыкали Ему в тело острия... Теперь же они пошли еще дальше!

Они надевали Ему на голову венки из соломы и коры, и вновь срывали их, и всячески издевались над Ним, говоря: «Вот Сын Давидов в венце Отца Своего!» - или же: «Смотрите, Он больше Соломона!» И ударяли Его палками, бросали на землю и плевали на Него.

Затем они сняли с Него верхнюю одежду. На Нем оставалась нижняя одежда. Они набросили Ему на плечи старый плащ и на шею привязали цепь, падающую до самых колен. Оканчивалась цепь двумя тяжелыми и острыми концами. Они ранили Его при ходьбе. А ещё больше, когда Он падал. Ему снова связали руки и, воткнули в них трость вместо скипетра и плевали в Его божественный лик. Они поливали нечистотами Его волосы и плечи. Завязавши Его глаза куском материи, ударяли Его палками и кулаками, говоря: «Скажи нам, великий Пророк, кто Тебя ударил?»

Христос не отвечал им. Он вздыхал и молился внутренне про Себя за них же. Его молчание их раздражало. После всех оскорблений и мучений они стали дергать Его за цепь по направлению к круглой зале. Сзади Его толкали ударами кулаков и кричали: «Вперед же, соломенный царь! Пусть Он покажется совету со всеми знаками почета, какими мы Его снабдили!»

Многие члены совета и сам Каиафа были еще в круглой зале, когда туда ввели Спасителя. Тут произошло кощунственное надругательство над всеми святыми обрядами. Спасителя покрывали оплеванием и грязью, говоря: «Прими помазание пророка, помазание царя!» Они вспоминали с насмешками Его крещение и сосуд с ароматами, возлитый на Него Магдалиной: «Ты дерзаешь

явиться перед первосвященником в таком виде? Ты дерзал очищать других, Сам же Ты нечист. погоди, мы Тебе устроим очищение!» Принесли сосуд, наполненный нечистой водой и грязными грубыми лохмотьями. Одновременно они и били Его, и дергали. Издевались, кланялись с насмешками и водили по лику Его и по плечам этими грязными тряпками. Затем, вылив из этого сосуда содержимое вместе с грязью Ему на голову, они сказали: «Ты теперь получил драгоценное и святое помазание, стоящее триста динариев, Ты теперь очистился в купели Вифезда!»

Это последнее издевательство над истинным Агнцем Пасхальным совпало с действительным очищением агнцев пасхальных, которых должны были закласть в этот день и которых полагалось омывать в купели Вифезда, где происходил особый обряд очищения для них. Мучители тут же вспомнили и исцеление расслабленного около этой купели.

Вслед за этим Спасителя повели, волоча через всю залу пред членами совета. И все они так же вдоволь издевались над Ним и мучили Его. Вся зала была наполнена страшными дьявольскими призраками. Ужасное зрелище! Передать его невыносимо. Спасителя же с тех пор, как Он назвал Себя Сыном Божиим, я видела все время окруженного Светом.

Многие из присутствующих, не видя света, все же как бы чувствовали истину, понимали, что никакие издевательства и поношения не могли отнять у Спасителя Его таинственного достоинства и благости. Это возбуждало еще большую ярость Его врагов, которые оттого и закрывали Ему лик, что не могли выносить его таинственного сияния с тех пор, как Он произнес: «Я Христос, Сын Бога Живого!»

Глава 12 Отречение Петра

Тот торжественный и страшный момент ужаса и скорби, когда Спаситель произнес слова: «Я Христос», когда Каиафа разодрал свои одежды и раздались крики: «Он повинен смерти!», крики, сопровождавшиеся смехом и ругательствами, когда ад изрыгнул всю свою ненависть и злобу - был предельным для Иоанна и Петра!

Уже давно они с великой скорбью были немыми и бессильными свидетелями всех страданий и оскорблений, переносимых их Учителем! Иоанн вышел с несколькими людьми из трибунала и направился к Пресвятой Деве. Матери Спасителя, находившейся вместе с другими женами в доме Марфы. Этот дом был возле врат города, возле дома, принадлежавшего Лазарю в Иерусалиме.

Петр слишком любил Спасителя, чтобы уйти. Он едва мог сдерживаться, слезы текли из его глаз, и он с трудом прятал и скрывал их. Он страшился оставаться в трибунале, боялся, что его волнение может его выдать. Он вышел из трибунала в атриум и подошел к костру, возле которого теснились воины и другой люд. Тут все смеялись, издевались над Спасителем. Петр молчал, но одиночество и выражение скорби, написанное на его лице, делали его подозрительным.

Привратница подошла к огню. И так как все говорили об Иисусе, она тоже вмешалась в разговор и сказала между прочим Петру, глядя на него пристально: «Ты верно из учеников Галилеянина?» Петр, смущенный, исполненный беспокойства, испугавшийся возможных преследований со стороны этих грубых и жестоких людей, ответил: «Жена, я Его не знаю! Я не понимаю, о чем ты говоришь?» И он встал, чтобы уйти из атриума, чтобы избавиться от общества этих людей, устрашающих его. И в ту минуту петух пропел за городом.

Когда Петр вышел, другая женщина заметила его и сказала окружавшим: «Этот человек тоже был с Иисусом из Назарета». И все они стали спрашивать его: «Не из числа ли ты Его учеников?» Петр, еще более смущенный, чем в первый раз, стал усиленно протестовать, говоря: «Да нет же, правда, я не ученик Его! Я не знаю этого Человека!» Он поспешил во внутренний двор и вышел во двор внешний, где заметил нескольких знакомых людей. Он плакал! Его так удручали страдания Спасителя, что он едва понимал и сознавал свое малодушие!

Тут во внешнем дворе было много друзей Спасителя, которым не удалось, как Петру, проникнуть во внутренний двор, многие влезли на стены, чтобы услышать хоть что-нибудь. Тут были и ученики. Горе и скорбь заставили их покинуть хижины Геннома, где они скрывались. Они подошли к Петру и со слезами расспрашивали его. Но он был так взволнован и напуган, что боялся быть узнанным! Он только посоветовал им удалиться поскорее, поскольку тут им угрожала опасность. Он покинул их. Они же поспешили совсем удалиться из города. Этих учеников было приблизительно человек шестнадцать. Среди них были Варфоломей, Иуда Берсабей, Симеон, ставший впоследствии епископом Иерусалимским, Закхей и Монахем - слепорожденный, которому Господь вернул зрение.

Петр находился в состоянии непередаваемого волнения. Его любовь к Спасителю заставляла его вернуться во внутренний двор, окружавший дом. Его впустили, поскольку вначале его ввели туда Никодим и Иосиф Аримафейский. Вместо того, чтобы войти в трибунал, он свернул влево и направился к круглому залу, находившемуся позади трибунала. Там чернь издевалась над Спасителем, наслаждалась своими оскорблениями и мучениями, причиненными Ему.

Спасителя водили из одной части залы в другую с надругательствами. Он посмотрел на Петра строгим взглядом, от которого у Петра сердце, казалось, должно было разорваться. Однако страх продолжал владеть им. Ему казалось, что вокруг будто спрашивали, кто он. Петр поспешил удалиться во двор. Им до такой степени овладели беспокойство и скорбь, что он едва мог двигаться.

Заметив, что за ним наблюдают, он вернулся в атриум и, подошедши к костру, оставался там некоторое время. Несколько человек заметили его смущение, подошли к нему и стали ему говорить о Спасителе в оскорбительных выражениях. Одна женщина прибавила, обратившись к Петру: «Право же Ты принадлежишь к Нему и Его друзьям! Ты, верно, галилеянин, и твой разговор выдает тебя». Петр хотел возражать или скрыться, но брат Малха вышел и сказал: «Так ведь я тебя видел в саду Гефсиманском. Ты ударил брата моего по уху».

Петр был как бы вне себя. Ему хотелось во что бы то ни стало выйти из этого помещения. И, поддаваясь своей пылкой природе, он стал божиться и клясться, что не знает этого Человека! Покинув атриум, он вышел во внутренний двор. Тут петух пропел снова. И в то же самое время Господа провели через этот двор, чтобы из круглой залы водворить Его в тюрьму.

Спаситель перевел очи на Петра и посмотрел на него с грустью и состраданием. Тут пришли на ум Петру слова Христа: «Прежде, чем петух пропоет дважды, ты трижды отречешься от Меня». И слова эти, воспоминаемые им теперь, причинили ему глубокую скорбь и печаль. Поддавшись малодушному страху, он забыл свои обещания по дороге в сад Гефсиманский, обещание скорее умереть за Христа, чем отречься от Него. Он забыл предостережения Спасителя. Теперь взгляд Господа дал ему понять всю глубину его вины, его греха.

В то время, как Спаситель был предан врагам и безмолвно претерпевал самые тяжелые мучения и оскорбления, он отрекся от своего Учителя и забыл Его предостережения. Подавленный горем, не в силах владеть собой, Петр пошел во внешний двор. Он горько плакал. Глава его была покрыта плащом. Теперь он уже не боялся никаких вопросов. Он бы всему свету громко сказал, кто он такой и какую великую вину, какой грех он совершил.

Кто решился бы сказать о себе, что среди стольких страданий, беспокойства, опасности, смущения, среди борьбы страха с любовью и преданностью, изнемогший, изнуренный всеми ужасами этой страшной ночи, при такой пылкой и поспешной натуре, как у Петра, - он был бы крепче и тверже Петра? Спаситель предоставил его своим собственным силам, и он ослабел как все, забывающие слова: «Бдите и молитесь, чтобы не впасть в искушение!»

Пресвятая Дева все время душой была связана со своим Божественным Сыном, знала все, что происходило с Ним, страдала Его страданиями. Как Он Сам, Она молилась за Его палачей. Ее Материнское сердце умоляло небо не допускать, отдалить от Ее Сына эти страшные страдания. Ей хотелось быть поближе к Сыну, так жестоко истязаемому Его врагами. В то время Она уже покинула дом Марфы.

Когда апостол Иоанн пришел к Ней в дом Лазаря и рассказал все то, что Она видела духовными очами, Она захотела вместе с Магдалиной и другими женами пойти туда, где страдал Спаситель.

Апостол Иоанн покинул своего Учителя лишь для того, чтобы пойти к Той, Которую после Него он любил больше всех на свете. И теперь он согласился

отвести Пресвятую Деву. Магдалина едва могла держаться. Главы у жен были покрыты покрывалами. Но их рыдания выдавали их и обращали на себя внимание врагов Христа на улицах. И оскорбительные слова по отношению ко Христу, которые слышались со всех сторон, усиливали их горе.

Пресвятая Дева была свидетельницей Его страданий, носила все их в Своем сердце! С Нею несколько раз делалось дурно. Когда Она лежала без чувств в одном месте под арками у входа в древний город, Ее заметили, как и Ее спутниц, ученики, возвращавшиеся из трибунала. Они выдавали себя своими слезами и рыданиями. Подошедши, они приветствовали Ее словами: «Привет Тебе, скорбная Мать. Мать Святого во Израиле. Мать скорбящая паче всех матерей!» Пресвятая Дева поднялась, и поблагодарила их и продолжала Свой скорбный путь...

Святые жены приблизились к дому Каиафы. Они подошли к зданию с другой стороны, где был вход во двор. Тут новая скорбь ожидала Богоматерь. Ей и Ее спутницам надо было пересечь площадь. Там рабочие при свете факелов трудились над изготовлением креста для Спасителя.

Едва лишь Иуда совершил свою преступную сделку с фарисеями, как они приказали немедленно изготовлять крест для Спасителя, чтобы у Пилата не было предлога для отсрочки или отмены приговора. Они хотели отвести к нему своего Пленника с рассветом и сейчас же после приговора привести его в исполнение.

У римлян кресты для двух разбойников были готовы. Рабочие проклинали Спасителя за то, что их заставили работать ночью. И эти грубые слова снова ранили сердце Матери. И все же Она молилась за этих людей, более слепых, чем виновных: они кощунственно поносили Того, Кто должен был их спасти на том самом кресте, над которым они работали.

Обойдя дом Каиафы, Пресвятая Дева со святыми женами пересекли внешний двор. Тут Она остановилась у двери, ведущей во внутренний двор. Душой Пресвятая Дева была со Своим страдающим Сыном...

Они приблизились к двери. Она хотела, чтобы дверь открылась. Там за дверью был Спаситель. Дверь открылась, выбежал Петр в слезах, с головой, покрытой плащом. При двойном свете луны и факелов он узнал Иоанна и Пресвятую Деву Марию. Казалось, совесть его вострепетала при виде Пресвятой Девы, чтобы наполнить душу его угрызениями и упреками. И вся та боль, которую он испытал от взгляда Господа, теперь вернулась с удвоенной силой. И как же тяжки были для Петра слова, обращенные к нему Пресвятой Девой: «Симон, где мой Сын?» Он не мог выдержать Ее взгляда и отвернулся, ничего не отвечая. Пресвятая Дева приблизилась к нему и сказала голосом, полным скорби: «Симон, сын Ионин, ты не отвечаешь Мне». И Петр сказал с невыразимой скорбью: «О, Мать, не обращай ко мне... Не вырази того, как страдает Твой Сын. О, не говори со мной! Они приговорили Его к смерти, а я, я - позорно трижды отрекся от Него...»

И когда Иоанн подошел к нему, Петр, устыженный, вне себя от горя, пересек внешний двор дома, побежал в ту пещеру в саду Масличном, где на камнях

оставались отпечатки рук Спасителя, молившегося там. И плакал Петр горько в этой пещере...

У Матери Божией сердце надрывалось от новой скорби Ее Сына - отречения того самого ученика, который первым назвал Ее Сына - Сыном Бога Живого. Она пошатнулась у двери, двери оставались открытыми, народ продолжал выходить. Пресвятой Деве хотелось быть ближе к Спасителю. Иоанн повел Ее вместе со святыми женами до тюрьмы, куда отвели Христа. Она душой была с Ним, но Ей хотелось слышать Его вздохи и стоны. И Она их услышала, услышав одновременно и оскорбления окружавших Его людей. Но им нельзя было долго оставаться на этом месте незамеченными: Магдалина выражала свое горе открыто и громко.

Пресвятая Дева, правда, в самые тяжелые минуты Своих страданий всегда умела сдерживать Себя. И часто до Нее доносились слова: «Не Мать ли это Галилеянина? Ее Сын будет распят, но, вероятно, дождутся окончания Праздника для казни?»

Пресвятая Дева прошла атриум, где уже оставалось немного народу. Сопровождавшие Ее молча последовали за Ней. Она дошла до того места, где Спаситель назвал Себя Сыном Божиим и где дети искусителя, орудия сатаны стали кричать: «Он повинен смерти!» И тут великое горе Богоматери заставило Ее лишиться чувств. Иоанн и святые жены унесли Ее без памяти.

Толпа хранила молчание, точно испытывая какое-то невольное уважение, точно дух неба повеял среди адского обиталища. Снова пришлось проходить, огибая здание, мимо той площади, где изготовлялся крест Господень. Рабочие трудящиеся над ним, были не в меньшем затруднении, чем судьи, изрекшие приговор над Христом. Многие части дерева ломались у них в руках и невозможно было их приладить к другим! И так случалось до тех пор, пока части дерева не легли так, как им следовало лечь, по особому, мистическому произволению Божию.

Я многое видела в связи с этим. Видела ангелов, препятствующих работе над крестом до тех пор, пока все не расположили по воле Божией. Но не помню все это точно и поэтому пропускаю.

Глава 13 Иисус в темнице

Тюрьма, куда был заключен Спаситель, находилась в круглом подземелье под трибуналом Каиафы. Сначала двое палачей, принимавших участие в аресте Спасителя, оставались возле Него. Вскоре их заменили другие.

Спасителю не вернули Его одежд. На Нем был лишь тот плащ, который на Него одели для издевательства. На руках Его были цепи. Входя в тюрьму, Спаситель молился Отцу Своему и просил принять все страдания и оскорбления, испытанные Им, все дальнейшие страдания как искупительную Жертву за Его палачей и всех, кто должен страдать, но у кого не хватило терпения, кто согрешит гневом.

Даже в этой мрачной тюрьме враги Спасителя не дали Ему ни минуты покоя. Они привязали Его к столбу посередине подземелья, не позволяя Ему даже прислониться! Тело Христа, изнуренное столькими падениями и тяжестью цепей, спадавших до колен, едва могло держаться. Они не переставали мучить и оскорблять Его. Когда уставали два палача, их сменяли следующие, и они изобретали все новые мучения, чтобы удовлетворить свою злобу и ярость.

Невозможно описать все те жестокости, которые приходилось переносить Христу, я не имела силы запомнить их, я умираю от горя. Наша душа так слаба и малодушна, что мы не можем, не имеем сил ни рассказать, ни выслушать о тех страданиях, которые претерпевал с великим терпением Спаситель. Христос переносил все, не открывая уст. И ведь это грешники поднимали руки на своего Бога и Искупителя!

Увы, я тоже бедная грешница, Христос страдал и за меня. В день Страшного Суда откроются все тайны и каждый из нас увидит ту свою долю - грехи, которые принимал в страданиях за всех нас Сын Божий. Страдания эти продолжаются и теперь. Если бы мы это понимали как следует, то повторяли бы без конца: «Господи, лучше умереть, чем иметь несчастье снова оскорблять Тебя!»

Я видела, как Спаситель непрестанно молился за Своих палачей. Наконец, когда они несколько удовлетворили свою ярость, Он смог на некоторое время прислониться к столбу. Я видела Христа, всего окруженного Светом.

И вот первый луч света того дня, в который Спаситель должен был принести Отцу Своему бесценную жертву, искупая всех людей, первый проблеск утра проник в узкое окно тюрьмы и, колеблясь, остановился на Агнце святом и непорочном, отягченном грехами мира. И Христос, подняв по направлению к свету, к рождающейся заре Свои руки, обремененные цепями, обратился с горячей молитвой к Отцу Небесному. Он благодарил Его за наступление этого дня, который ждали и о котором вздыхали с нетерпением патриархи. Дня, которого Он Сам ожидал с тех пор, как был на земле, повторяя непрестанно:

«Я должен быть крещен таинственным крещением, и Я жажду и воздыхаю о наступлении его».

С любовью и благодарностью встречал Христос этот день, последний день Своей земной жизни - день, долженствующий дать нам спасение, открыть небеса, замкнуть ад, пролить на весь мир источник жизни, исполнить волю Отца.

В тюрьму проник свет более яркий, и Христос приветствовал его. Зрелище и горестное, и трогательное одновременно: Спаситель после всех страданий этой страшной ночи в тесной тюрьме, прислонившись к столбу, приветствует первые лучи света дня, который осветит жертву Богочеловека... В это мгновение палачи, уснувшие от усталости, проснулись и поглядели на своего Узника, но не оскорбляли Его - столь были изумлены и как бы охвачены страхом. Спаситель провел в этой тюрьме не многим более часа.

...В то время, как Спаситель был в подземелье, Иуда долго бродил в окрестностях к югу от Иерусалима и в долине Эннома и, наконец, приблизился к дому Каиафы. На поясе его еще были подвешены монеты, полученные им за это предательство. Он, скрывая - кто он, спросил у стражников, что ожидает Галилеянина. Ему ответили, что Иисус приговорен к смерти и скоро будет распят.

Иуда слушал, как другие говорили о тех страданиях, которые пришлось перенести Спасителю, и о Его необычайном терпении. Говорили, что с рассветом Его поведут в верховный совет для торжественного вынесения приговора.

Пока предатель бродил, стараясь оставаться неузнанным, и прислушивался ко всем слухам, забрезжил день, и всюду появилось движение. Иуда спрятался позади здания: он бежал от людей как Каин, и отчаяние наполняло его душу, но тут его ждало новое страдание: как раз в этом месте изготавливали Крест для его Учителя. Различные части Креста были расположены здесь, и рабочие спали тут же под навесом. Солнце с этой стороны было в облаках, точно не хотело освещать орудия страдания Спасителя. Иуда посмотрел, его охватил ужас, и он убежал. Он убежал в поля, за город, ожидая окончательного вынесения приговора.

На рассвете Каиафа, Анна, старейшины и законники собрались в большом зале для настоящего заседания. Заседание же, бывшее ночью, не было законным, но лишь подготовительным. Большая часть совета провела ночь у Каиафы, отдохнувши немного в прилежащих к трибунам помещениях. Некоторые, как Никодим и Иосиф Аримафейский, пришли снова с рассветом. Собрание было многочисленное. За дело принялись с поспешностью.

Видя, что хотят приговорить Спасителя к смерти, Никодим, Иосиф Аримафейский и некоторые члены совета требовали, чтобы дело это разбиралось после праздника Пасхи из опасения возмущения в народе. Да и нельзя было основывать обвинение на столь противоречивых показаниях свидетелей. Первосвященники и большинство совета возмутились на это противодействие. Они ответили возражением, что неудивительно их противодействие ввиду того, что самих их можно подозревать в приверженности к учению Галилеянина. Хотели даже исключить из числа участников совета всех тех, кто сочувствовал Иисусу. Они покинули совет и пошли в храм. И с тех пор уже не принимали участия в совете.

Каиафа приказал привести Спасителя с тем, чтобы тотчас же после приговора препроводить Его к Пилату. Посланные от совета тотчас же отправились в тюрьму, с насмешками приветствовали Спасителя, развязали Ему руки, сорвали

с Него старый плащ, покрывавший плечи Господа, заставили одеть Его прежнюю одежду, всю покрытую грязью. Его осыпали ударами, привязали веревками посередине тела и вытолкнули из тюрьмы. Все это делалось быстро и с варварской грубостью.

Палачи поволокли свою Жертву в трибунал через ряды воинов, встретивших и проводивших Иисуса насмешками. Спасителя ввели измученного, покрытого грязью и в грязной одежде, - ненависть Его врагов усилилась. Жалости не было в их сердцах. Каиафа и не старался скрывать своей ненависти. Он спросил жестко: «Если Ты Помазанник Божий, Мессия, скажи нам это».

Спаситель слегка приподнял голову и сказал с большим спокойствием и достоинством: «Если Я вам это скажу, вы не поверите Мне! Если Я вас спрошу, вы Мне не ответите и не отпустите Меня на свободу. Но сегодня же Сын Человеческий сядет одесную Бога Отца всемогущего!»

Они посмотрели друг на друга и сказали Спасителю с презрением: «Итак, Ты - Сын Божий?» Христос ответил голосом вечной Истины: «Да, вы это сказали, и Я истинно Тот, о Котором вы говорите!»

Они закричали: «Каких нам надо еще доказательств? Мы слышали их из Его же уст!» И все восстали на этого презренного, пришедшего неведомо откуда, желающего называться Христом и сидеть одесную Бога. Приказали снова связать Его, привязать Ему веревку на шею, как это делалось с приговоренными к смерти, и отвести Его к Пилату.

Уже послали к Пилату с просьбой, чтобы он был готов судить виновного ввиду того, что из-за праздника нужно было торопиться. Они между собой роптали, что им приходилось быть под контролем римского правителя. Действительно, во всем, что не было исключительно делом религии и охраны храма, они не могли самостоятельно принимать решений. Кроме того, чтобы придать обвинению видимость справедливости, хотели обвинить Спасителя в оскорблении величества, и приговор должен был произнести римский правитель.

Воины ожидали перед домом и в атриуме. Много народа и врагов Христа собралось и выступило. Впереди шли первосвященники, затем вели Спасителя, окруженного палачами, толпа завершала шествие. Чтобы попасть ко дворцу Пилата, надо было спуститься с горы Сионской и пересечь часть нижнего города. Многие священники, принимавшие участие в трибунале, тотчас же пошли в храм, их присутствие было необходимо для приготовления к Празднику.

Предатель ушел недалеко и слышал, что говорилось в народе: «Его повели к Пилату, верховный совет приговорил Его к смерти, Его распнут. Но как с Ним жестоко обращаются! Выдержит ли Он? Удивительно Его терпение, Он ничего не отвечает, Он лишь сказал, что Он Христос и воссядет одесную Бога. Вот и все, за что Его распинают. Если бы не эти слова - было бы иначе. Но все уже кончено. Он умрет. Тот злодей, который Его предал, был Его учеником и вкушал с Ним Пасху за несколько минут до предательства. Не позавидуешь такому делу. Что бы ни говорили про Галилеянина, но Он никогда бы не предал Своих друзей за деньги. Тот злодей достоин быть повешенным!»

Отчаяние, сожаление, слишком позднее, и тоска разрывали душу Иуды. Гонимый дьяволом, он бросился бежать; монеты, привязанные к его поясу под плащом, били по его бедрам и напоминали ежеминутно о предательстве. Он сжал их в руке, чтобы они замолкли, и бежал все быстрее. Но ему хотелось не догнать печальное шествие, не броситься к ногам Благого Учителя, не молить Его о прощении и умереть с Ним или хоть обратиться к Богу с молитвой. Нет! Ему хотелось лишь оправдать себя в глазах людей, избавиться от платы за предательство. Он как безумный вбежал в храм, где были уже некоторые священники и старейшины. Они были изумлены и обменялись значительными взглядами при виде его, обезумевшего, изменившегося.

Иуда отвязал от пояса ремешок, на котором были монеты, протянул их им и произнес с горечью: « Возьмите обратно ваши деньги и освободите Иисуса! Я разрываю свой уговор! Я предал Невинного, Праведного!»

Священники выказали ему все свое презрение, отодвинули руки, как бы боясь замараться о плату за его предательство, и сказали: « Что нам за дело до тебя? Мы знаем Того, Кого ты предал, и находим Его повинным смерти! Ты получил свои деньги! Между нами все кончено!»

Все это было сказано таким тоном, как говорят знатные люди, не желающие, чтобы им мешали. Ответ этот усилил гнев и отчаяние Иуды. Волосы его были в беспорядке. Он двумя руками разорвал ремешок, которым были связаны монеты, бросил их на пол храма и бросился вон из города. Как безумный, он бежал по долине Энном; сатана не отступал от него. Он показывался ему под самыми страшными образами, и, чтобы усилить его отчаяние, он напомнил Иуде все проклятия, которые призывали еще пророки на эту долину. В ней, по преданию, в древнейшие времена евреи закалывали собственных детей. « Они войдут и увидят трупы тех, кто согрешил против Меня! Червь же их не умирает и огонь не угасает! » Потом ему слышались слова: «Каин, где твой брат Авель? Каин, что же ты сделал с братом твоим Авелем?! Кровь его вопиет ко Мне! Ты проклят на земле - будешь скитаться вовек!»

Дойдя до потока Кедронского и увидавши Масличную гору и сад, он вздрогнул и отвел глаза. И вспомнил слова: «Друг, зачем ты пришел? Иуда! Поцелуем ли предаешь Сына Человеческого?» Мрак и ужас наполнили его душу, он был как бы вне себя. И сатана шептал ему: «Тут Давид бежал от Авессалома и Авессалом умер, повиснув на дереве. О тебе говорил Давид: «Он заплатит злом за добро: у него будет строгий судья. Сатана будет сопровождать его. Все прокляли его. Дни его сократятся, и другой займет его место. Он возлюбил проклятие, и оно станет его участью. Проклятье прилепится к нему, как одежда: как пояс опояшет его; проникнет, как масло или елей, до костей его, как вода до внутренностей его».

Так преследуемый сатаной, Иуда достиг болотистого места, покрытого нечистотами и обломками к юго-западу от Иерусалима у подножия горы. Тут никто его не видел, только смутный шум доносился от Иерусалима.

Дьявол внушал: « Вот Его ведут на смерть. Ты Его предал! Ты знаешь, что написано в законе: « Тот, кто предал жизнь своего брата Израиля и получил за

эту жизнь плату - должен умереть ». Умирай же, злодей, умирай!» Иуда в отчаянии отвязал свой пояс и повесился на дереве. Это многоствольное дерево росло в углублении. И только что он повесился, как чрево его отверзлось и внутренности его упали на землю.

Глава 14 Начало Крестного Пути

Чтобы отвести Спасителя к Пилату, надо было пересечь самую многолюдную часть города, теперь переполненную приезжими в Иерусалим со всех окрестных городов. Пришлось спуститься с горы Сионской с севера по узкой улице к западу от храма, чтобы дойти до дворца. Дворец правителя находился к северо-западу от храма против большого рынка.

Шествие возглавляли Каиафа и Анна и большое число членов верховного совета, облаченных в праздничные одежды. За ними несли записи синедриона. Затем следовали в большом количестве законники и другие враги Спасителя, лжесвидетели и наиболее враждебные к Нему фарисеи, обвинявшие Его. Немного отступя, вслед за ними шел Спаситель, окруженный отрядом воинов и шестью офицерами, участвовавшими в Его аресте. Палачи тянули Его за веревки. Шествие замыкала толпа, всячески издевавшаяся над Господом. По улицам стояли толпы любопытных.

На Спасителе была Его одежда без шва, вся покрытая грязью. С шеи свешивалась длинная цепь с тяжелыми и острыми кольцами, которые ударяли Его в колени. Руки Его были связаны, как накануне. Четыре палача вели Его за веревки, привязанные за пояс. Истязания предыдущей ночи совершенно изменили Его лик: Он походил больше на призрак, чем на живого человека, волосы и борода были в беспорядке. Лик был бледный, на нем виднелись следы нанесенных ударов. И тут продолжались оскорбления и издевательства. Подкупили людей из толпы, чтобы издеваться и с насмешкой вспоминать Его торжественный въезд в Иерусалим в Вербное Воскресение. Над Ним смеялись, бросали пред Ним комки грязи, мусор, и палачи заставляли Его идти по ним.

На некотором расстоянии от дворца Пилата стояла Пресвятая Мать Его в сопровождении Марии Магдалины. Они притаились в углублении дома, чтобы дожидаться печального шествия. Душой Пресвятая Богородица была со Своим Сыном все время. Но когда была какая-нибудь возможность видеть Его телесными очами, Она спешила идти за Ним: Ее побуждала любовь к Нему! Вернувшись из дома Каиафы, Она пробыла немного в доме с трапезной. Но как только вывели Христа из тюрьмы, и повели на судилище, Она встала, закуталась с головой в покрывало и сказала Марии Магдалине: «Пойдемте за Ним к Пилату. Я хочу Его видеть!»

Они пошли окольной дорогой и пришли ко дворцу раньше шествия. Здесь Пресвятая Мать ожидала Своего Сына. Духовными очами Она видела Его все

время, но только телесные очи показывали Его Ей измученного и обезображенного злобой людской. Духовно же Она видела Его всегда преображенного святостью, любовью и терпением, а тут вся печальная реальность была перед Ней.

Сначала показались враги Спасителя - священники Всевышнего, одетые в праздничные одежды, со всей их злобой, лукавством и хитростью. Священники истинного Бога сделались служителями сатаны - страшное зрелище! Затем подкупленные свидетели, враги, обвинители и, наконец, Иисус, Сын Божий и Сын Человеческий, Ее собственный Сын, измученный, обезображенный, избитый, в цепях, едва держащийся на ногах, ведомый палачами под крики и издевательства толпы...

Если бы Она не знала, что это Он, самый страдающий, униженный и в то же время самый покорный и спокойный, единственно молящийся среди толпы этой адской, - Она бы не узнала Его. Она воскликнула: «Он ли это, Мой Сын Возлюбленный Иисус?!» Шествие миновало Ее. Спаситель остановил на Своей Матери взгляд, преисполненный сострадания. Она упала, но как только пришла в Себя, попросила верного Иоанна отвести Ее ко дворцу Пилата.

Жители Опеля собрались на этом пути. Увидев Спасителя, униженного, обезображенного, влекомого палачами как бессловесное животное, они поколебались в своей вере. Они не могли поверить, что Пророк, Мессия, Сын Божий мог быть подвержен такому унижению. Фарисеи смеялись над их привязанностью к Спасителю: «Посмотрите на вашего Царя, поклонитесь Ему! Что же вы молчите теперь? Когда же Он в короне воссядет на Свой Престол? Покончено с Его чудесами, первосвященник разоблачил Его чудеса!» И бедняки, бывшие свидетелями стольких исцелений и чудес, совершенных среди них Спасителем, поколебались. Менее верные удалились, преисполненные сомнений, другие хотели примкнуть шествию, но стражники фарисеев их оттолкнули, опасаясь волнения среди народа.

У подножия горы храма на северо-западной стороне расположен дворец правителя. Он лежит на возвышенности. К нему ведет довольно значительное число ступеней. Перед ним просторная площадь с колоннадой, где много торговцев. Площадь имеет четыре входа (с севера, юга, запада и востока) и сторожевой пост. Дворец на южной стороне. С западной части площади, которую римляне называют форумом, видна гора Сионская. Эта площадь выше остальных мест вокруг, и чтобы дойти до нее, надо идти в гору. Галереи, окружающие площадь, опираются на ближайшие дома. Но дворец Пилата не касается других построек. Он окружен просторным двором.

С востока у этого двора вход в виде аркады ведущей к воротам города, откуда дорога ведет к Масличной горе. С запада идет другая аркада; с нее виден Сион, куда ведет дорога через цитадель. С лестницы дворца виден форум. В этой части площади видны каменные сиденья, обращенные к дворцу. Тут останавливаются еврейские священники, чтобы не оскверниться, разговаривая с правителем. Здесь даже есть черта на мостовой, которую они не должны переступить.

С западной части площади сторожевой пост с одной стороны примыкает к площади, к форуму, а с другой - к претории Пилата и образует нечто вроде вестибюля между площадью и преторией. Так называется та часть дворца, где Пилат судит. Сторожевой пост окружен колоннадой. В центре его есть просторное, открытое место. Под сторожевым постом - подземелье, и в нем находятся теперь оба разбойника, которые должны быть распяты вместе со Спасителем.

Сторожевой пост наполнен римскими воинами. Недалеко оттуда, возле галереи площади, находится позорный столб, где бичуют преступников. Против сторожевого поста на форуме - терраса с лестницей. На ней каменные сидения. Она называется Габбата. Отсюда Пилат дает свои торжественные распоряжения.

Мраморная лестница ведет из дворца правителя на открытую террасу, откуда он слушает обвинителей, расположенных против него на форуме, на каменных сиденьях. Если говорить громко, слышно с форума на террасе. Позади дворца несколько террас: они более высокие, с садами и увеселительными постройками. Через эти террасы дворец Пилата сообщается с жилищем его жены Клавдии Прокулы. А далее, за этими зданиями, идет ров, отделяющий их от горы храма. В этой стороне дома живут служащие храма.

К востоку от дворца Пилата лежит дворец Ирода Старшего. Во дворе этого здания была убита большая часть младенцев Вифлеемских. На восточной части этой стороны города четыре улицы ведут к югу. Три из них - к дворцу Пилата и к форуму, четвертая же пересекает форум и доходит до ворот города, ведущих в Ветсир. На этой улице, недалеко от врат города, находится великолепный дом, принадлежащий в Иерусалиме Лазарю. По соседству владение Марфы.

Улица, одна из четырех, наиболее близкая к храму, идет от врат купели. Воды из нее идут в долину Иосфатскую. В этой купели в первый раз омывают пасхальных агнцев, назначенных на заклание в храме. Второй, раз их моют в купели Вифезда на юг от храма.

Площадь выше прилегающих улиц. Под ними идут акведуки до купели. Подобная же площадь есть на горе Сионской, против крепости Давида. Неподалеку к юго-востоку горница, к северу - судилище первосвященника. Дворец Давида - теперь заброшенное здание с дворами, конюшнями. Их сдают для постоя проходящим караванам. Давно уже все здания эти запущены. Во время рождества Спасителя они были в таком же состоянии. Здесь останавливались волхвы со множеством вьючных животных. И теперь, как и в те времена, прекрасные старинные здания церквей, монастыри истребляются или же служат для низких целей...

Я вспоминаю церквушку нашего монастыря. Для меня это был рай на земле! Там Царь Неба и земли обитал, несмотря на наши недостатки. Теперь церковь эта без окон и без крыши, сняты все камни с алтаря и с гробниц! Дорогой наш монастырь! Моя смиренная келья, где я была счастливее царя в его дворце - из моей кельи была видна церковь. Что теперь с нашим монастырем?

Скоро нельзя будет вспомнить, что там жили девы, посвятившие себя Богу, в молитве взывающие о милосердии Божиим для всего мира. Но Бог все знает, Он не забывает ничего! Для Него нет прошлого или настоящего.

И вот подобно тому, как Господь разворачивает предо мной зрелища прошлых веков, так сохраняет Он и помнит все благое, содеянное в местах теперь запущенных, заброшенных и забытых. Так точно и то зло, которое кощунственно совершается в святых местах, остается незабытым до страшных дней Суда, когда все должно получить воздаяние. Нет у Господа лицемерия ни для людей, ни для местности.

Распятие Господа

Глава 1

Царь Иудейский

Было приблизительно шесть часов по нашему времени, когда первосвященники и фарисеи явились перед дворцом Пилата со Спасителем. Анна, Каиафа и члены синедриона остановились возле камней, стоящих между форумом и входом в преторию. Иисуса палачи тащили вперед до самой лестницы Пилата.

В это время Пилат полулежал на той террасе, которая выходила на форум. Возле него стоял столик на трех ножках с разными знаками его власти. Он был окружен воинами и начальниками римскими. Первосвященники и книжники не могли войти в преторию из-за боязни оскверниться и остановились на указанной границе.

Видя их приближение и как они обращались со своим Заключенным, Пилат встал и заговорил с ними презрительно: «Куда это вы так торопитесь? Отчего вы так измучили этого Несчастливого? Рано же вы начинаете сдирать кожу и душить своих людей!» Евреи приказали палачам ввести Спасителя по ступеням и затем обратились к Пилату: «Прими наши обвинения на этого злодея! Мы не можем войти в преторию, дабы не оскверниться».

В ту минуту, как они произнесли эти слова, человек высокого роста и почтенного вида воскликнул из среды толпы, собранной на форуме: «Вы поистине не можете войти в преторию. Он освящен кровью невинных младенцев. Один только Он достоин войти туда. Он чист, как эти невинные замученные младенцы!» Сказав эти слова громким голосом, он исчез. Его звали Падос. Он был богатый человек, муж Вероники. Двое детей его были убиты тогда по приказанию Ирода. С тех пор он жил в воздержании с женой по правилам иессеев. Он встретил Спасителя у Лазаря и слышал Его речи. Когда он увидел, как влачили Спасителя по ступеням к Пилату, воспоминание о замученных детях тут же ударило его по сердцу. Он захотел публично засвидетельствовать невинность Спасителя. Обвинители Христа были так

возбуждены и взволнованы презрительной встречей правителя, что не обратили внимания на этот возглас. Палачи втащили Спасителя на ступени из мрамора и поставили на краю террасы, откуда Пилат говорил с евреями.

Когда Пилат увидел, до какой степени жестоко обращались с Иисусом, как Он избит и замучен, и все же сохраняет в Своем облике величие, которое Пилат не мог себе объяснить, - он почувствовал, как возрастало у него в душе презрение к первосвященникам и фарисеям. Услышав, что они просили о смерти Иисуса, он дал им понять, что не намерен разрешить казнь без достаточных доказательств с их стороны.

Тоном, каким говорит начальник, рассерженный на своих подчиненных, Пилат сказал: «Какое преступление совершил этот Человек, что вы Его привели ко мне?» Они с неудовольствием отвечали: «Если бы мы не знали, что Он виновен, то и не привели бы Его к тебе!» -

«Уведите Его, - сказал Пилат, - и судите Его сами по вашему закону». Они отвечали: «Ты не знаешь, что по нашему закону мы не можем приговорить Его к смерти?»

Враги Спасителя были в ярости! Им хотелось, чтобы быстрее были приняты экстренные меры, чтобы скорее покончить и успеть, в положенный час вкусить пасхального агнца. Они не знали, несчастные, что Тот Кого ввели они в эту преторию язычника, в дом, куда они боялись войти, чтобы не оскверниться и чистыми вкусить земного агнца, был тем истинным Агнцем, Которого первый был лишь прообразом!

Когда Пилат велел высказать обвинения, они выставили три главных, причем для каждого имелись свидетели. По этим обвинениям Иисус являлся врагом императора, и правитель должен был вынести Ему тот приговор, который не могли они вынести по закону.

Сперва они заявили, что Иисус был соблазнителем народа против власти, и тут они привели свидетелей. Они прибавили к их словам, что Он проходил по стране, устраивал собрания, нарушал день субботний, исцелял в этот день больных. Пилат перебил их словами: «Видно сейчас, что вы-то сами не больны, иначе бы вы не стали жаловаться на Его исцеления». Они продолжали: «Он собирает народ, говорит, например, что надо вкушать Его плоть и пить Его кровь, чтобы иметь жизнь вечную». Пилат, недовольный их речью, полный ненависти, обратился к своим служащим с улыбкой и затем иронически сказал евреям: «Мне думается, что вы исполнены желания следовать Его учению, судя по тому, как вы жаждете есть Его плоть и пить Его кровь».

Перейдя ко второму обвинению, они говорили что, Иисус учил народ не платить податей кесарю. Пилат перебил их тоном человека, права которого хотят нарушить, и сказал: «Это неправда! Если бы это было так, я бы знал это лучше вашего».

Тогда враги Спасителя перешли к главному третьему обвинению: «Несмотря на Свое темное происхождение, этот человек Себя возвеличивает и призывает гнев Божий на Иерусалим! Он распространяет в народе притчи о царе, который готовит брачный пир для своего сына. Однажды на горе народ даже хотел

возвести Его царем, но Он побоялся, что то было ещё слишком рано и скрылся. В последние дни Он стал смелее. Он вошел в Иерусалим с торжеством и заставил Своих сторонников восклицать: «Осанна сыну Давидову! Благословенно Царство отца нашего Давида! Да придет!» Он принимал царские почести, возглашая, что Он Христос, Помазанник Божий, Мессия, обетованный Царь Иудейский!» И десять свидетелей подтвердят эти слова. Они обвинили Иисуса в том, что он называл Себя Христом, Царем Иудейским, и заставили Пилата задуматься на минуту. Он покинул террасу, вошел в прилегающее к ней помещение и, бросив на Иисуса испытующий взгляд, приказал страже привести к нему Спасителя в трибунал.

Пилат был человек неустойчивый и нерешительный. Он воспитывался в языческой школе, слышал о существовании полубогов, полулюдей, гениев, живущих среди людей. Он так же знал, что еврейские пророки давно говорили о приходе Господа, Избавителя, Искупителя, Царя, ожидаемого многими евреями. Он знал, что цари востока приезжали к Ироду старшему справляться о рождении Царя, Которому они хотели воздать почести, и что благодаря их приезду жестокий Ирод умертвил большое число детей.

Он иногда бывал озабочен слухами о Мессии, но, как язычник, он не понимал пророчеств. Он представлял себе Мессию скорее, как иродиане или просвещенные евреи, - как могущественного победоносного царя. При таких представлениях ему казалось нелепым и смешным обвинять бедного и неимущего Человека стоящего перед ним, в притязаниях на роль Царя Еврейского, ожидаемого ими. Но поскольку враги Спасителя создавали из этого дело об оскорблении величества, он велел привести к себе Спасителя, чтобы допросить Его.

С удивлением посмотрев на Господа, Пилат, сказал Ему: «Итак, Ты Царь иудеев?» Иисус ему ответил: «Говоришь ли это от себя или слышал, что другие говорят?» Пилату показалось обидным, что Спаситель мог подумать, что он, Пилат, мог сам придумать нечто подобное, и он с живостью ответил: «Разве я еврей, чтобы подобные мысли приходили мне в голову? Твой народ и Твои священники возвели на Тебя это обвинение, чтобы добиться Твоей казни. Ответь мне - что Ты сделал?»

Господь отвечал серьезно и торжественно: «Царство Мое не от мира сего. Будь Царство Мое от этого мира, у Меня было бы много подданных, и они сражались бы за Меня, и Я не был бы предан евреями. Но Царство Мое не от мира сего». Пилат, казалось, был удивлен этими торжественными словами Спасителя и сказал Ему серьезно: «Так Ты все же Царь?» Иисус ответил:

«Истинно, Я Царь, и пришел Я в этот мир, чтобы засвидетельствовать истину. И тот, кто от истины, услышит Мой голос». Тогда Пилат, взглянув на Спасителя, встал и произнес: «Что есть истина?»

Пилат возвратился на террасу. Он не мог понять Спасителя, но то, что он узнал, показывало ему, что если Он и был Царем, то Царем неопасным для империи. Он не претендовал на царство этого мира, а другое Царство не представляло опасности для императора.

Обращаясь к врагам Спасителя, Пилат сказал: «Я не нахожу ничего преступного в Человеке сем!» Обвинители, разъяренные этими словами, снова стали изощряться в обвинениях на Христа. Спаситель молчал и молился за несчастных грешников. Пилат сказал Ему: «Что ты имеешь сказать на все эти обвинения?» Спаситель не ответил ему ни слова. Удивление Пилата все возрастало, и он сказал Спасителю: «Я вижу, что они прибегают ко лжи » (тут вместо слова «ложь» было другое, но я не могу его вспомнить).

Обвинители со все возрастающей яростью стали кричать: «Как ты не находишь в Нем ничего преступного! А разве не преступление поднимать народ? Он распространяет Свое учение здесь и в Галилее!» Услышавши про Галилею, Пилат, поразмыслив немного, спросил про Иисуса, из Галилеи ли Он родом и подвластен ли Ироду? Евреи ответили, что родители Его жили в Назарете, Сам же Он жил в Капернауме. Тогда Пилат сказал им: «Раз Он Галилеянин и подвластен Ироду, отведите Его к Ироду. Он сейчас в Иерусалиме по случаю праздника и может судить Его тут же в Иерусалиме». Таким образом, Пилат вернул евреям их Заключенного и велел передать Ироду через одного из своих служащих, что к нему приведут для суда Одного из его, Ирода, подчиненных - Иисуса из Назарета.

Пилат был очень доволен, что нашел способ самому не производить суда и приговора, поскольку вопрос казался ему затруднительным. Кроме того, отсылая Иисуса к Ироду, Пилат хотел выразить свое внимание Ироду, с которым он был в ссоре. Он знал, что Ирод давно желал увидеть Иисуса.

Враги Спасителя были очень недовольны тем, что Пилат отослал их перед лицом всего народа, и тем, что им приходилось еще отправляться с Ним на суд к Ироду. Всю свою злобу они срывали на Спасителе, предоставив своим слугам мучить Его со всей жестокостью... Под градом ударов и оскорблений Спасителю пришлось пройти рынок и улицу, ведущую ко дворцу Ирода. Римские воины также присоединились к шествию.

Клавдия Прокула несколько минут перед тем послала сказать Пилату, что ей нужно поговорить с ним. Когда Спасителя повели к Ироду, она вошла на высокую галерею. Отсюда, никем не замеченная, она с тоской следила за скорбным шествием в то время, как оно пересекало форум.

Глава 2 Сомнения Пилата

Все то время, которое Спаситель провел у Пилата, Пресвятая Дева, Магдалина и Иоанн оставались среди толпы в одном из концов рынка. С глубокой болью они слышали крики и проклятия черни. Когда же Спасителя повели к Ироду, апостол Иоанн с Пресвятой Девой и с Магдалиной обошли весь Крестный путь, пройденный уже Господом.

Они снова пришли к дому Каиафы, к дому Анны по Опелю до Гефсимании и горы Масличной, останавливаясь на всяком месте, где падал Спаситель, изнемогая и страдая. И они горько плакали, орошая слезами места, где Он страдал, и присоединяя свои страдания к Его страданиям. Несколько раз Пресвятая Дева опускалась, целовала землю в тех местах, где падал Господь, Магдалина в горе ломала руки со всей силой своего отчаяния. Иоанн плакал, пытался утешить, поднимал их и вел дальше по пути страдания... Вот начало обычая благочестивому делу следования Крестным Путем.

Страданиями Спасителя стало воздаваться почитание еще до их окончательного завершения, и первой Почитательницей этих страданий стала Пресвятая Дева, Единая пречистая из всей твари. Она положила начало тому глубокому почитанию, какое воздает Церковь страданиям Искупителя.

Как трогательно видеть, как еще до окончания всех Страшных Страданий Спасителя Мать всякого милосердия обходила по следам Своего Сына, орошала слезами и воздавала почитание всем местам Его терзаний. И как тяжело Ей было, как жесток был меч, пронзивший Ее сердце! Зачав чудесно Слово во чреве Своем, Она носила Самого Бога вечности. Носила девять месяцев, испытывая Его благое присутствие еще до того, как Он дал людям, ставшим Его братьями, Свое благословение, Свои поучения, помощь во всех бедах. И страдание Спасителя Она приняла как Свое.

Она участвовала во всех Его страданиях, желая и жаждая, как и Он, спасения рода человеческого. Чистейшая и непорочнейшая из всех тварей, Она проходила с самого начала все места, где пострадал Господь, собирая все слезы Его страданий и мучений, как собирала бы Она один за другим все драгоценные камни, приносимые Отцу Небесному за грехи людей.

Незримо для людей Пресвятая Дева вела с Собой все святые души, жившие до Нее, всех воздыхающих до этого времени об искуплении, всех знавших о бесконечной любви и Страданиях Искупителя. Все они как бы сопровождали в этом первом Крестном пути Ту, Которая стала одновременно Матерью Спасителя и Матерью верных. Она несла в Своем сердце все их святые воздыхания, их скорбь, их молитвы и их чаяния.

Магдалина была как бы ошеломлена горем. Она чувствовала святую бесконечную любовь к Спасителю. Но когда она хотела снова, как бывало, излить всю свою любовь у ног Его, проливая ароматы, она вдруг видела как бы разверстую пропасть между нею и Спасителем, столь любимым ею.

И эта пропасть пугала ее. В ней было глубочайшее раскаяние в своих грехах. Благодарность ее за полученное прощение была безгранична. Но когда она хотела воздать Господу, как фимиам, свое почитание, - она видела Иисуса поруганным, ведомым на казнь за грехи людей и за ее грехи, всю тяжесть которых Он добровольно взял на Себя. Ее любовь к Спасителю пугалась, ужасалась пред тяжестью своих грехов, за которые Спаситель нес теперь столь тяжкие страдания. Ее раскаянию не было границ, она видела бездну своих грехов перед собой и наполнить ее она не могла. Душа Магдалины разрывалась между раскаянием и любовью, благодарностью и зрелищем грубого неблагодарного

народа. Все эти чувства проявлялись во всей ее внешности, в ее словах и движениях.

Апостол Иоанн любил и страдал. На том благочестивом пути, по которому он повел Пресвятую Деву по стопам горячо любимого Учителя, любившего его, Иоанна, еще сильнее и страдавшего за него, на этом пути величайшие тайны открывались Иоанну, тайны будущего!

«В то время, когда Спасителя повели к Ироду и когда Его снова подвергали мучениям, я видела, что Пилат вошел к Клавдии Прокуле, своей жене. Я видела их на террасе, выходящей на одно из задних увеселительных помещений дворца. Клавдия была взволнована, преисполнена ужаса... Это была высокая, необыкновенно красивая женщина, правда немного бледная. Длинное покрывало одевало ее плечи. Сквозь него были видны волосы, связанные вокруг головы и украшенные драгоценностями. На ней были серьги, ожерелье и на груди богатая пряжка, охватывающая ее верхнюю одежду. Она долго беседовала со своим мужем, умоляла его, заклинала его всем для него святым на свете не приговаривать к смерти Пророка, Святейшего из всех святых. И тут же она передала ему часть видений, бывших у нее в ту ночь. Пока она это говорила, я видела большую часть этих видений. Но теперь я их уже плохо помню.

Она видела многое из жизни Спасителя: благовещение, рождество, поклонение волхвов и пастухов, пророчество Симеона и Анны, бегство в Египет, избиение младенцев, искушение в пустыне. Она видела много трогательного из жизни Спасителя, в то время как Он учил среди людей. При этом Сам Спаситель виделся ей блистающий светом, а враги Его и даже помышления их под самыми страшными образами. Она видела всю святость и благодать Пресвятой Богородицы, Ее беспредельные страдания, переносимые Ею с таким терпением и великой любовью.

Все видения сопровождались символами, объясняющими их духовный смысл. Все виденное заставляло Клавдию Прокулу сильно страдать, все было для нее ново и в то же время полно захватывающего чувства реальности. Она чувствовала, что происходило тут недалеко от ее дома. Все это было для нее большим страданием во сне, видения то были очень ясные, то более смутные, когда она проснулась от криков той толпы, которая привела к Пилату Спасителя. Затем она увидела Того, Который был показан ей в видениях, увидела измученного, обезображенного Его врагами в то время, как Его вели к Ироду. Глубоко потрясенная этим зрелищем, а также всеми видениями, она поспешила рассказать о них мужу. Она долго рассказывала мужу с волнением и ужасом. Многие из виденного ею было непонятно для нее, и ей трудно было выразить, передать это. Но она молила, упрашивала мужа выслушать ее...

Пилат был удивлен, почти смущен словами своей жены. Он сопоставил ее рассказы со всем слышанным им ранее об Иисусе, вспомнил ненависть иудеев, величественное молчание Спасителя и Его таинственные ответы на его, Пилата, вопросы. Он колебался некоторое время. Затем, тронутый просьбами жены, сказал ей, что уже объявил о том, что не находит вины в Иисусе. И что он Его не осудит, потому что прекрасно понимает лукавство его врагов. Он повторил, что

сказал Спаситель, и затем, чтобы успокоить ее, дал ей в залог драгоценность - кольцо с печатью. Затем они расстались.

Пилат был человек развращенный, жадный, гордый и в то же время раболепствующий. Когда бывали затронуты его интересы, он способен был совершить самую возмутительную несправедливость. Суеверный до крайности, находясь в затруднительном положении, он прибегал ко всем возможным языческим махинациям, особенно к гаданию. Я видела, как сильно он волновался, ходил взад и вперед, прибегал к своим домашним божествам, расположенным в углу помещения, воздавал им курения, желая узнать их волю. Он гадал, и я видела, как он наблюдал, в каком порядке священные цыплята клевали то, что им давали в корм. Но я плохо помню эти ритуалы.

Мысли его путались. Сатана внушал различные намерения: то ему казалось, что Иисус невиновен, и Его следует отпустить, то он боялся, что может рассердить своих богов, даровав жизнь Ему. Этот Человек нечто вроде полубога и может повредить его богам. « А вдруг Он, действительно, Бог иудеев, - говорил себе Пилат, - и призван царствовать над миром. Приходили же волхвы с Востока справляться о Его рождении. И пророки говорят о нем и предрекают Его пришествие... Возможно, что Он тайный враг наших богов и императора. Страшно взять на себя ответственность, оставив ему жизнь. Может быть, Его смерть будет во благо нашим богам...»

Удивительные видения во сне его жены, никогда ранее не видевшей Спасителя, пред ним стояли непрерывно; они произвели на Пилата сильное впечатление. Он решил не осуждать Иисуса. Он даже хотел быть справедливым, но не мог этого сделать, потому что спросил: « Истина... В чем она?» Он не услышал ответа: « Иисус из Назарета, Царь иудейский - вот истина! » Большое смятение царило в душе и мыслях Пилата. Я не могла его осмыслить, да он и сам не знал, чего хотел, иначе бы он не стал гадать при помощи священных цыплят.

Большие толпы народа собрались возле рынка и по всей улице, по которой должны были вести Спасителя к Ироду. Толпы людей здесь не смешивались, то были жители определенных кругов и селений, держащихся вместе. Наиболее враждебные Спасителю фарисеи из разных мест организовали жителей своих округов и восстановили их против Спасителя, стараясь привлечь на свою сторону еще колеблющихся. Многочисленные отряды воинов окружали дворец Пилата и все наиболее значительные места святого города.

Глава 3

Иисус у Ирода

Дворец тетрарха Ирода был расположен в новой части города к северу от форума, недалеко от него. Враги Спасителя, раздраженные новой проволочкой, к которой их понудил Пилат, не переставали всю дорогу оскорблять Спасителя и

возбуждать против Него ярость палачей. Вестник Пилата опередил шествие, и поэтому Ирод уже ожидал прихода их в большом зале.

Ирод сидел удобно среди подушек, окруженный приближенными и военными. Первосвященники и книжники прошли через галереи и разместились с двух сторон. Иисуса оставили у входа. Ирод с удовлетворением убедился в том, что Пилат в присутствии фарисеев признал право его, Ирода, судить Галилеянина. Это льстило его самолюбию. Он радовался, кроме того, видя униженным пред собой этого Человека, столько раз уклонявшегося от встречи с ним, как бы презиравшего его.

Иоанн Креститель так торжественно оповестил о Его Царстве и приспешники так много говорили ему об Иисусе, что ему хотелось в присутствии своих приближенных и первосвященников побеседовать с Ним и выказать при этом всю свою ученость и красноречие. Пилат прислал сказать Ироду, что он не нашел Его виновным, поэтому Ирод собирался высказать свое недовольство обвинителям, что еще больше возбуждало их гнев. Едва войдя в помещение, они с поспешностью стали перечислять свои обвинения.

Ирод смотрел на Спасителя с любопытством. Увидав Его избитого, изуродованного, с волосами в беспорядке, с лицом, покрытым грязью и кровью, едва прикрытого нечистым плащом, порочный правитель почувствовал сострадание, смешанное с отвращением. Он призвал имя Иеговы, отвернул лицо и сказал первосвященникам: «Уведите Его и умойте. Как смее вы приводить Человека в подобном состоянии?» Спасителя отвели в прихожую, принесли таз с водой и стали омывать Его, продолжая оскорблять, не обращая внимания на раны, покрывавшие Его.

Ирод стал упрекать первосвященников за их жестокость. Он, точно подражая Пилату, сказал: «Видно, что Он попал в руки мясников. Рано начинаете вы свои дела сегодня». Первосвященники и книжники обновили свои жалобы и обвинения. В тот момент, как Спаситель снова был введен, Ирод сделал вид, что выражает Ему некоторую благосклонность, велел принести Ему кубок с вином, чтобы подкрепить Его силы, но Спаситель покачал отрицательно головой, отказываясь от предложенного Ему. Тут Ирод взял слово и стал повторять все, что он знал об Иисусе. Затем он потребовал от Спасителя чуда, но Иисус оставался пред ним с опущенными очами и не отвечал ему.

Правитель был этим обижен и даже как бы унижен в присутствии стольких людей. Он был недоволен, но не показал вида, и стал предлагать Спасителю один вопрос за другим. В начале он даже пытался как бы польстить Ему: «Мне, правда, прискорбно слышать все эти обвинения, направленные против Тебя. Я сам мог бы пожаловаться на Твое поведение в Тирце, когда Ты выкупил без моего разрешения много заключенных людей, однако намерения Твои при этом не были дурными. Теперь, когда Тебя передал мне правитель и суд, что можешь Ты отвечать на обвинения? Что Ты скажешь? Правда ли, что Ты Царь иудеев, что Ты Сын Божий? Кто Ты? Я слышал, что Ты творишь чудеса. Докажи это и соверши хоть одно чудо здесь предо мной. Я могу Тебе вернуть свободу. Верно ли, что Ты вернул зрение слепорожденному, что Ты воскресил Лазаря и

накормил несколькими хлебами тысячи людей? Почему Ты мне не отвечаешь? Прошу Тебя, сотвори здесь предо мной какое-нибудь из Твоих чудес. Ты не будешь об этом сожалеть, наоборот, Тебе это пойдет на пользу».

Спаситель продолжал хранить молчание. Ирод же вопрошал все настойчивее: «Кто Ты? Что думать о Тебе, кто дал Тебе власть? Отчего теперь Ты стал беспомощным? Правда ли, что Ты тот, чье рождение сопровождалось странными явлениями? Цари приезжали с Востока и спрашивали моего отца о новорожденном Царе иудее, Которому они хотели принести поклонение. Говорят, что Ты был тем самым Младенцем, правда ли это? И если Ты избежал смерти, постигшей в то время стольких младенцев, как это могло случиться? Отчего так долго Ты жил так, что о Тебе ничего не было слышно? Не басни ли все эти рассказы, придуманные для того, чтобы сделать из Тебя главу партии? Отвечай же мне - Ты Царь или нет? В Тебе нет ничего царственного! Ты недавно торжественно совершил Свой въезд в Иерусалим. Что означает этот въезд? Отчего же теперь Ты лишен всякой почести и власти!?» Ирод засыпал Спасителя вопросами, но не мог добиться от Него ни малейшего ответа!

Мне было сказано, что Спаситель оттого не отвечал Ироду, что тот был как бы отлучен за убийство Иоанна Предтечи и свой прелюбодейный брак.

Анна и Каиафа решили воспользоваться недовольством Ирода и неожиданным молчанием Спасителя, что бы высказать свои обвинения на Него. Между прочим, они сказали, что Господь назвал его, Ирода, лисом, что Он давно старался подорвать его династию, что Он хотел установить новую религию и что Он праздновал Пасху ранее назначенного срока. Это обвинение уже приводилось в трибунале Каиафы по доносу Иуды, но было опровергнуто друзьями Спасителя.

Ирод, хотя и был раздражен молчанием Спасителя, но остался, однако, верен своей политике. Он не хотел произнести приговора над Спасителем, так как, с одной стороны, он испытывал к Нему какой-то тайный мистический ужас и совесть упрекала его за убийство Иоанна Предтечи, а с другой стороны, он ненавидел первосвященников и книжников за то, что они не захотели узаконить его брак и также лишили его права приносить жертвы за прелюбодеяние. Но, главное, он не хотел осуждать Того, Кого Пилат признал невиновным. Ему хотелось на глазах у книжников и первосвященников отплатить Пилату вниманием за его к нему внимание. Поэтому он стал осыпать Спасителя бранью и затем сказал своим слугам и страже, которой было человек двести: « Уведите этого безумца и воздайте Ему почести, подобающие Его Царству! Он больше безумец, чем преступник».

Спасителя отвели в большой двор и там подвергли всевозможным поруганиям и оскорблениям. Сам Ирод с террасы некоторое время был свидетелем этого.

Анна и Каиафа оставались возле него и еще некоторое время пытались убедить Ирода произнести приговор над Спасителем. Однако Ирод ответил так, чтобы его слышали римские воины: «Было бы большой ошибкой с моей стороны произнести приговор над Ним». Он хотел этим сказать, что это было бы обидой для Пилата, который из вежливости прислал к нему, Ироду, Спасителя.

Когда первосвященники и книжники увидели, что не смогут склонить Ирода к вынесению приговора они разослали в ту часть города, которая называлась Акра и где жило много фарисеев, своих людей, призывая фарисеев явиться к дому Пилата и привести возможно больше народа. Они им послали большое количество денег для раздачи с тем, чтобы народ настойчиво требовал смерти Иисуса. Других посланных они отправили к народу, угрожая гневом Божиим, если тот не будет требовать смерти богохульника. Они говорили народу, что если Иисус останется жить, Он присоединится к римлянам, чтобы основать то царство, о котором Он говорил, и это будет уничтожением народа еврейского. По другим кварталам Иерусалима они распустили слухи, что Ирод приговорил Иисуса и теперь необходимо, чтобы народ выразил свою волю. Опасны приверженцы Иисуса.

Фарисеи распространили таким образом самые противоречивые и тревожные слухи, чтобы взволновать и возбудить народ. Тут же многие из них дали денег воинам Ирода с тем, чтобы они без жалости били Иисуса. Они надеялись, что под ударами Он умрет и таким образом Пилат не сможет Его помиловать. И вот в то время, как фарисеи возбуждали народ, всеблагой Спаситель был подвержен всем оскорблениям и мучениям грубыми и безжалостными воинами.

Ирод передал им Иисуса как безумца, отказавшегося отвечать на его вопросы. Они поволокли Его во двор.

Один из воинов принес туда большой полотняный мешок (в нем держали раньше хлопок и они нашли этот мешок у привратника) Они мечом проделали дыру в мешке и с издевательством продели главу Спасителя в эту дыру. Шею Его обвязали обрывками красной ткани. Мешок висел до самой земли. Негодяи дергали Его все стороны, с насмешкой кланялись Ему, плевали на Него, били по голове за то, что Он отказывался отвечать их царю Ироду, бросали в Него грязью! Наконец повалили на землю (а это было нетрудно - ноги Его были запутаны мешком, достигающим до земли) и потащили по земле, так что святая глава Господня ударялась о камни. Снова подняли Его, чтобы заставить претерпевать оскорбления и мучения. Они толкали друг друга, чтобы приблизиться с этой целью к Господу... Сутолока, шум, брань царили вокруг.

Подкупленные фарисеями люди, пользуясь смятением и беспокойством, ударяли Спасителя палками по голове. Господь смотрел на них с сожалением. Он вздыхал и стонал. Они же издевались над Ним, передразнивая Его стоны, и все новые оскорбления приветствовались толпой. Никто не выразил ни малейшей жалости. Кровь стекала по голове Его. Три раза Он падал, и тут же я видела, как плачущие ангелы возлияли таинственный бальзам на главу Его. Мне было сказано, что без этой сверхъестественной помощи Он не вынес бы всех мучений.

Филистимляне в Газе, истязавшие Самсона, были менее жестоки, чем палачи Спасителя. Первосвященники в это время поспешили в храм, где справились о деле народного возбуждения, и вернулись к Ироду, прося его приговорить Иисуса. Но Ирод прежде всего хотел угодить Пилату и отправил к нему обратно заключенного Иисуса, одетого в одежду поношения. Этот поступок был крайне неприятен фарисеям и другим врагам Спасителя. Им было стыдно возвращаться, не добившись смертного приговора, к тому, кто признал Иисуса невинным.

Для обратного пути к Пилату они выбрали путь в два раза более длинный. Они хотели показать Спасителя опозоренным в других кварталах и частях Иерусалима, а также выиграть время, дабы повлиять через своих приверженцев на народ, возбуждая его. Дорога, по которой повели Спасителя, была трудная, неровная. Они все время возбуждали против Иисуса палачей, которые вели Его. Одежда, покрывавшая Его, волочилась в грязи и мешала Ему идти. Он падал несколько раз. Народ был не менее жесток и груб, чем ведшие Его палачи. Спаситель, же просил милость у Отца Своего Небесного не умереть тут же от этих мучений, дабы претерпеть для нашего искупления до конца.

Было немного более восьми часов, когда шествие, пройдя этим более длинным путем, снова пересекло форум и приблизилось к дворцу Пилата. Толпа была очень многочисленна. Толпы народа стояли как и прежде, и фарисеи двигались среди них, возбуждая их. Пилат, помня, как на прошлогоднюю Пасху галилеяне устроили возмущение, расположил вокруг претории, форума и дворца около тысячи воинов.

Пресвятая Дева Мария, Мария Хели, Мария Клеопова, Магдалина и еще несколько других святых жен, были в зале, из которой можно было видеть происходившее. Иоанн тоже сначала был с ними.

Спаситель, одетый в одежду поношения, прошел через всю эту толпу, возбужденную против Него Его врагами, и она встретила Его оскорблениями. Посланный придворный Ирода был отправлен вперед, чтобы сказать Пилату, что Ирод благодарит Пилата за его любезность, что Ирод нашел в этом Мудреце из Галилеи лишь безумца и возвращает Его обратно Пилату, наказав по заслугам. Пилат с удовольствием узнал, что Ирод, по его примеру, не произнес приговора над Иисусом, и послал ему выражение своего дружеского расположения. И с этого дня они стали друзьями, тогда как перед тем враждовали из-за дела об акведуке у башни Силоамской.

Спасителя должны были снова привести на террасу против рынка. И снова Его стали тащить по мраморной лестнице. Он запутался в Своей длинной одежде, упал на ступени, и ступени окрасились Его святой кровью от ушиба главы. Враги Христа, снова стоявшие у входа на форум выражали свою жестокою радость. Палачи ударами подняли Его на ноги.

Пилат опирался на сидение, похожее на ложе. Небольшой стол стоял возле него, его окружали служащие со свитками пергамента в руках. Пилат приблизится к краю террасы, с которой говорил народу, и сказал: «Вы привели мне на суд Человека как соблазнителя, я при вас допросил Его и не нашел в Нем

той вины, в которой вы Его обвиняете. Ирод также не нашел Его виновным. Я с вами послал Его к Ироду, и тот не вынес никакого приговора. Итак, я велю бичевать Его и затем отпущу на свободу». При этих словах фарисеи стали роптать, громко протестовать и еще сильнее возбуждать народ. Пилат посмотрел на них с презрением и спросил: не хватит ли им невинной крови, проливаемой ими по случаю праздника Пасхи?

Наступило как раз то время, когда по старинному обычаю народ, собравшийся к Пасхе в Иерусалиме, являлся к правителю с просьбой освободить к празднику одного из заключенных. Фарисеи разослали в ближайшие кварталы своих приверженцев с тем, чтобы научить народ просить не освобождения, а смертного приговора Спасителю. Пилат же думал, что народ будет доволен, видя освобождение Иисуса. Одновременно с Ним Пилат должен был предложить преступника по имени Варавва, ненавидимого народом, и Пилат думал, что трудно было выбрать его из них двоих: Варавва был убийца и растлитель! Я видела и другие его убийства. Он занимался колдовством и даже вскрывал беременных женщин.

На форуме произошло движение. Группа людей двинулась к террасе, приблизилась к ней, и, обращаясь к Пилату, они произнесли: «Окажи нам освобождение, которое даруешь каждый год к празднику Пасхи». Пилат рассчитывал на эту просьбу и казался довольным. Он ответил: «Действительно таков обычай, что в этот день я освобождаю вам одного заключенного. Итак, кого же вы хотите, чтобы я вам освободил: Варавву или Иисуса, Царя иудеев, называемого Помазанником Божиим?»

Пилат, всегда нерешительный, теперь, называя Иисуса Царем иудейским, хотел выказать все свое презрение к народу, Царь которого был столь презрен, что приходилось делать выбор между Ним и убийцей. В то же время он так называл Иисуса еще потому, что думал, что возможно, Он действительно был Мессией, ожидаемым Царем иудеев, Помазанником Божиим. А главное, он знал, что одна лишь зависть заставляла фарисеев требовать смерти невинного, признанного таковым им, Пилатом.

Вопрос Пилата сначала вызвал мгновенное колебание в народе. Лишь несколько голосов прокричало имя Вараввы. В это время правителя вызвал слуга его жены. Он покинул террасу, и слуга показал ему залог, данный им же незадолго перед тем, и сказал: «Ваша жена напоминает вам о вашем обещании».

Фарисеи же и книжники сильно волновались и беспокоились. Они снова были среди народа, угрожая ему и внушая ему свою волю. И надо сказать, что им нетрудно было его склонить на свою сторону...

Пресвятая Дева Мария, Магдалина, другие святые жены и Иоанн находились в соседнем здании. Они дрожали и плакали. Пресвятая Дева хотя и знала, что смерть Ее Сына была спасением для людей, все же со слезами и великой скорбью молилась о сохранении Своего Возлюбленного Сына.

Подобно тому, как Спаситель, добровольно воплотившись и согласившись на Крестную смерть, претерпел все муки, всю скорбь Невинного, приговоренного к смерти, так и Пресвятая Дева Мария претерпела всю бесконечную скорбь, всю ту

печаль и те страдания, которые должна была перенести при этом Мать Святого, Мать Праведника.

Святые жены дрожали и рыдали, но все же надеялись. Иоанн время от времени отходил от них в надежде принести хоть какие-нибудь более утешительные вести. Пресвятая Дева плакала и молилась, чтобы не произошло столь страшное преступление. Она повторяла ту же мольбу, что произносил Ее Сын в саду Гефсиманском: «Если возможно, пусть Меня минует чаша сия!» Она еще надеялась - любящая Мать! Хотя известны были все старания фарисеев, чтобы добиться смерти Господа, однако знали, что Пилат все же пытается освободить своего заключенного.

Невдалеке стояла группа людей из Капернаума. Многие из них были исцелены Спасителем, однако они казались равнодушными и исподволь бросали взгляды на рыдающих, закутанных в покрывало жен. Пресвятая Дева и вместе с ней остальные жены думали, что хоть эти люди, по крайней мере, не предпочтут Варавву своему Благодетелю, но Она ошибалась!

Пилат возвратил залог, данный своей жене, дав ей понять, что она может еще надеяться на его обещание. Затем он возвратился на террасу, сел снова на свое ложе возле стола, и первосвященники заняли свои прежние места. Пилат сказал снова: «Кого же из двух хотите вы, чтобы я вам освободил?» И со всех сторон форума раздавался единодушный возглас: «Не Его, но Варавву!» Пилат прибавил: «Что же сделать мне с Иисусом, так называемым Христом, Царем Иудейским?» И все глумливо закричали: «Распни Его, распни Его!»

Пилат сказал: «Что сделал Он дурного? Я ничего не нашел в Нем достойного смерти. Я велю Его наказать и затем отпущу». Но со всех сторон поднялись крики: «Распни Его, распни Его!» словно буря разыгралась в преисподней...

Первосвященники и фарисеи бесновались и неистовствовали как бешеные. Пилат более не колебался и освободил Варавву и приговорил Спасителя к бичеванию.

Глава 4 Бичевание Спасителя

Пилат, судья малодушный и неверный, несколько раз произнес эти странные слова: «Я не вижу вины в Нем и преступления и потому отдам Его на бичевание и отпущу». Евреи же продолжали кричать: «Распни, распни Его!»

Пилат хотел отдать Спасителя на бичевание по римскому обычаю. Палачи, вооруженные новыми сучковатыми палками, провели Спасителя через толпу, разъяренную против Него. К северу от дома Пилата, невдалеке от дворцовой стражи, находилась колонна для бичевания против галереи, прилегающей к форуму.

Палачи приблизились к Спасителю с розгами, бичами и веревками, которые они бросили возле колонны. Было шесть человек, темного цвета кожи,

небольшого роста, с вьющимися и маслянистыми волосами. На них была небрежно накинута одежда: пояс вокруг тела и кусок кожи, открытый с боков на верхней части тела. Руки были обнажены, на ногах - ветхие сандалии. То были рабы и преступники египтяне. Их заставляли рыть канавы и гнали на другие тяжелые работы. Самых жестоких из них оставляли при претории для расправ. Эти жестокие варвары видели многих преступников, умирающих привязанными к колонне под их ударами. В них было что-то зверское, дьявольское. Кажется, они были наполовину пьяны.

Пока они вели Спасителя, они били Его своими веревками, хотя Он не оказывал ни малейшего сопротивления. Затем они грубо толкнули, бросили Его к колонне. Колонна эта стоит отдельно, не примыкая ни к одному зданию. Человек высокого роста мог бы, протянув руки, достать ее вершину, к которой прикреплено железное кольцо. На середине колонны также видны кольца и крючки.

Немыслимо описать всю жестокость, с которой рабы, как свирепые псы, обращались со Спасителем. Они сорвали с Него одежду, надетую на Него у Ирода, и толкнули Его наземь. Спаситель дрожал и шатался. Он Сам снимал окровавленными руками Своей одежды. В то время как Его били, раздирая Его тело, Он с трогательной покорностью продолжал молиться! Один раз Он обратил Свои взгляды на Мать Свою. Убитая страданием, Она вместе со Своими спутницами стояла на краю площади, недалеко от колонны.

Христос повернулся к колонне, чтобы как бы закрыться ею (палачи хотели было снять и пояс с Него), и сказал: «Мать, могла ли Ты ожидать еще и этого оскорбления? Отврати лицо Твое». Не знаю, произнес ли Господь эти слова, но Пресвятая Дева их услышала. Я видела, как Она упала без сознания на руки сопровождавших Ее святых жен. Спаситель руками охватил колонну, а палачи привязали Его руки к кольцу наверху колонны. При этом они настолько вытянули Ему руки, что ноги Его, привязанные к нижней части колонны, едва касались земли. Так Святейший из святых был привязан обнаженным к позорному столбу.

Двое палачей, жестоких и жаждущих крови, стали бить Спасителя со всей жестокостью варваров. Лозы, которыми они бичевали Спасителя, были сделаны из белого и гибкого дерева. Возможно, что тут были также воловьи жилы или ремни из жесткой кожи.

Наш Господь и Спаситель, Сын Бога всемогущего, истинный Бог и Человек - вздрагивал и сгибался под ударами. Он плакал. И Его жалобные стоны тихие и трогательные, как мольба и молитвы, сливались со свистом розг и веревок. Подчас Его жалобные стоны заглушались шумным ропотом фарисеев и толпы. Слышались возгласы, требующие Его смерти: «Избавьте нас от Него! Распните, распните Его!»

Однако Пилат продолжал еще обращаться к народу. Когда он начинал свою речь, пытаясь успокоить толпу, звук трубы призывал народ к тишине и молчанию. И Пилат говорил, но затем снова слышался свист розг и жалобные

стоны Спасителя, грубые ругательства палачей и блеяние агнцев, которых омывали недалеко возле купели омовений. Омытых агнцев вели связанными, чтобы не могли больше запачкаться, по улице, заранее очищенной и освященной. Так их доставляли в храм, где перед жертвоприношением их ожидало новое омовение, уже чисто обрядовое, ритуальное.

В беспомощном блеянии агнцев было что-то необычайно трогательное. Лишь их грустные голоса звучали в унисон жалобным стонам Спасителя...

Евреи держались на некотором расстоянии от позорного столба. Римские воины расположились в нескольких местах, особенно много их было возле сторожевого поста. Отдельные люди из толпы подходили к колонне. Одни подходили молча, другие оскорбляли Жертву.

«Были и такие, сердца которых были тронуты, и тут я увидела, - рассказывала Эммерих, - как светлые лучи, шедшие от Спасителя, доходили до них! Видела я тут юношей с нечистыми взорами. Одни изготавливали новые розги, а другие шли за город набрать терновника. Несколько слуг первосвященников приблизились к палачам и передали им деньги. Затем принесли большой кубок с красноватой густой жидкостью, и палачи, напившись зелья, опьянели. Жестокость и кровожадность их ещё более усилились. Через четверть часа двое палачей прекратили удары, но их тут же заменили двое других».

Тело Спасителя было покрыто черными и красными пятнами, кровь лилась в изобилии. Господь стонал и дрожал. Разъяренные крики толпы показывали палачам, что толпа была удовлетворена их работой.

Ночь была чрезвычайно холодная. Все утро небо было покрыто тучами, выпало немного града к немалому удивлению толпы. К полудню погода прояснилась и стало видно солнце. Два новых палача со свежим розгами с яростью набросились на Спасителя, их жестокость казалась ненасытной.

«Мне думается, - продолжила Эммерих, - что у них были ветки терновника с их колючими иглами. Под их ударами кожа отрывалась от тела и кровь текла в изобилии, попадая на руки палачей». Спаситель стонал и не переставал молиться, несмотря на всю жестокость Своих мучителей.

В это время через форум проезжали чужеземцы на своих верблюдах. Один из иноземцев получил Иоанново крещение, остальные слышали Нагорную проповедь. Они были охвачены ужасом, когда узнали, что здесь происходит... Крики черни возле дворца Пилата делались все громче и разъяреннее. У новых палачей, сменивших прежних, в руках были бичи. Они оканчивались железными цепочками с остриями и железными крючками, которые при ударах вонзались в тело и вырывали кусочки кожи и тела.

Кто может иметь силу, чтобы описать весь ужас этого зрелища? И все же, несмотря на зверство, жестокость их не была насыщена. Они взяли принесенные веревки и привязали Спасителя к столбу, но Он был настолько измучен, что не мог держаться на ногах.

Тогда они продели веревки Ему под грудь, руки и колени и привязали Его, а руки привязали к кольцам, которые были на столбе. И после этого они набросились на Него с новой яростью разъяренных псов. Один из них ударил Спасителя в лицо своим хлыстом.

Тело спасителя было все изорвано - не было видно ни одного живого места. Он смотрел на Своих мучителей глазами, полными крови. Он как бы взывал к их жалости, но их жестокость и ярость не уменьшались. Скоро уже не стало слышно Его жалобных стонов, настолько ослабили Его боль и страдания. Страшное зрелище продолжалось уже около трех четвертей часа.

Неожиданно подошел иноземец, родственник Стезифана слепорожденного, которому Господь вернул зрение, он приблизился к столбу с ножом в форме серпа и воскликнул: «Остановитесь, остановитесь же! Нельзя избивать Невинного до самой смерти!» Совершенно пьяные палачи остановились в удивлении. Иноземец поспешил обрезать веревки, сходявшиеся позади столба, и сразу скрылся в толпе.

Спаситель упал к подножию столба на землю, всю орошенную Его кровью. Он казался умирающим. Палачи не потрудились даже поднять Его. Они продолжали напиваться, призывая своих товарищей возле сторожевого поста, занимавшихся плетением тернового венца.

«Спаситель еще лежал возле столба весь в крови, - продолжает повествование Эммерих, - когда я увидела женщин дурного поведения с нечистыми взорами, приблизившихся к столбу истязания. Они остановились и некоторое время смотрели на Спасителя с отвращением. И в это мгновение Христос почувствовал усиливающуюся боль во всех Своих ранах. Он с состраданием поднял Свои очи на приблизившихся женщин. Они удалились. Палачи и воины подзывали их к себе со смехом и грубыми словами. Несколько раз во время бичевания я видела, как ангелы в слезах приближались к Спасителю. Я слышала молитвы, которые Господь непрерывно воссылал к Отцу Своему Небесному во время Своих долгих и тяжелых мучений, молитвы за весь род человеческий! И когда Спаситель лежал распростертый у подножия колонны, я видела Ангела, дававшего Ему блистающую снедь, дабы прибавить Ему сколько-нибудь сил».

Наконец, палачи, приблизившись к Спасителю и толкая Его ногами, велели Ему подняться. Они еще не закончили дела с Ним.

Спаситель пытался достать руками Свой пояс, лежащий на земле на некотором расстоянии у колонны. Они же нарочно отбрасывали ногами пояс, осыпая Его бранными словами. И Спасителю пришлось влачиться по земле, чтобы поднять пояс и покрыть Свои израненные, окровавленные чресла. У них хватило жестокости наступать на Его распухшие, покрытые кровью ноги.

Наконец, Спаситель все же поднялся. Они не дают Ему времени, чтобы одеть Свое платье, а просто бросают Ему Его одежду на плечи и спину, так что рукава развеваются. Во время перехода от колонны к воинскому посту Спаситель утирал Свой лик одеждой. Можно было пройти прямо до сторожевого поста, пересекая часть площади, так как помещения возле поста были открыты (снаружи можно было видеть помещенных там Варавву и двух разбойников). Однако палачи умышленно повели Спасителя пред седалищем архиереев и старейшин. Те при виде Спасителя с презрением отворачивались, восклицая: «Избавьте нас от Него! Распните, распните Его!» Наконец, они вошли в сторожевой пост. Там были презренные жестокие рабы, палачи и люди из черни - отбросы жителей Иерусалима.

Пилат, встревоженный волнением народа, велел привести из крепости Антония римских воинов, выстроившихся в полном порядке перед помещением сторожевого поста. Их было около тысячи человек, и они, не выходя из строя, присоединили свои оскорбления к бранным словам народа. Пилат призвал воинов, чтобы сдерживать и устрашать народ.

Когда окончилось бичевание, было около девяти часов утра. Во время бичевания Спасителя Пресвятая Дева Мария, покрытая покрывалом, с невыразимым страданием переживала все, что происходило с Ее божественным Сыном. Подчас жалобные стоны срывались с уст Ее. Очи Ее были полны слез. Ее поддерживали Мария Хели и Мария Клеопова, Ее ближайшие родственницы (сыновьями Марии Клеоповой были апостол Иаков-младший, Иуда Фаддей и Симон, а от второго брака Иосиф Варсавий и Симон, впоследствии епископ Иерусалимский).

Благочестивые спутницы Божией Матери были также закутаны в покрывала. Они не в силах были сдерживать свое горе и рыдали. Можно было подумать, что они ожидают своего собственного приговора. На Матери Божией была синяя одежда, а поверх ее - длинное одеяние, плащ из белой шерсти. Покрывала было бледно-желтого цвета. Мария Магдалина в своей скорби металась, и одежда ее разлеталась в беспорядке. Ее длинные волосы развевались под покрывалом.

В тот момент, когда Спаситель упал у подножия колонны, Клавдия Прокула прислала Пресвятой Деве сверток с пеленами. Возможно, она предполагала, что Спасителя оправдают, и хотела дать возможность Его Матери перевязать Его раны. Возможно, что у благочестивой язычницы было тайное предчувствие, что пелены могут быть нужны Пресвятой Богородице. Когда Богоматерь пришла в Себя, Она увидела, как палачи влачили Ее израненного Сына, а Иисус отирал одеждой очи Свои, чтобы увидеть Мать. Она протянула к Нему руки и следила глазами за кровавыми следами, оставленными Им на Его пути.

Затем, когда народ отошел в противоположную сторону, Пресвятая Дева с Марией Магдалиной подошли к столбу бичевания. Святые жены и ещё несколько благочестивых людей окружили и прикрыли их собой. Они же наклонились и стали вытирать теми пеленами, которые прислала Клавдия Прокула, все следы крови Спасителя, которые они тут видели. Иоанна не было с ними здесь. Сын Симеона, сын Обеда, сын Вероники и Фемени и два племянника Иосифа Аримафейского - все были в храме. Я видела их всех в большой скорби и отчаянии.

Во время этого Откровения я была либо в Иерусалиме, либо снова переносилась в мою обычную жизнь. Я была измучена и разбита всем виденным мною; невыразимо страдала, и мне казалось, что я должна умереть с минуты на минуту. Мне казалось, - что во время бичевания Спасителя я нахожусь в углу той площади, в месте, куда евреи не подходили из-за боязни оскверниться, я же этого не боялась. Мне хотелось подойти поближе, хотелось, чтобы хоть одна капля святейшей крови Спасителя, попав на меня, очистила и омыла бы меня от моих грехов.....

Страдала я невыносимо... Я ничего не могла сделать, чтобы облегчить страдания Господа, а мое страдание приводило меня в состояние полного изнеможения и уныния. Я плакала, рыдала при каждом новом ударе, наносимом Спасителю. Как тяжело было видеть Христа у подножия столба бичевания, всего избитого. Видеть, как вся земля напоена Его Кровью. Видеть, как Спасителя умышленно провели пред глазами Его Матери.

Из сторожевого поста, где двери были открыты, были слышны насмешки помощников палачей. Надев перчатки, они плели терновый венок, пробуя острия терновника смеясь над Спасителем. (Я дрожала, хотела бежать за Ним, на Его новое мучение, но силы покидали меня, казалось, я умираю).

В это время Мать страданий прошла среди толпы. Святые жены и несколько сострадательных людей освобождали Ей дорогу. Кругом враги Спасителя и чернь испускали крики ярости и проклятия.

Глава 5 Увенчание Терновым Венцом

Эммерих описывает внешний вид Божией Матери так: щеки бледные, лицо осунувшееся, глаза красные от скорбных слез, во всем Ее облике такое выражение простоты, чистоты и скромности, которые описать нельзя. Весь вечер

и всю ночь Она ходила в слезах и горести по улицам Иерусалима, по долине Иосафатской, по площадям, где собирался народ. А между тем во всей Ее одежде нет, кажется, той складки, которая бы не показывала, не свидетельствовала о Ее святости.

Все в Ней - простота, невинность, скромность, покой значительно и серьезно. Взгляд Ее полон благородства. Когда Она поворачивает голову, едва шевелится Ее покрывало. Несмотря на глубину скорби, все движения Ее тихи, спокойны, мирны. Одежды намокли от обильной утренней росы и от пролитых Ею слез, но не утратили Своей поражающей чистоты и порядка. Прекрасна Она неопиcуемо, но красотой сверхъестественной, где все - чистота, целомудрие, простота, святость.

Облик Марии Магдалины совершенно иной. Она выше ростом, чем Пресвятая Дева Мария. Во всем ее существе, в движениях нет той простоты и естественности. Слезы раскаяния и скорби, в которые она теперь погружена, разрушили ее красоту. Что-то в ней есть такое, что производит на того, кто видит ее, тягостное впечатление. Одежды ее вымокли и покрыты грязью, плащ разорвался и болтается в беспорядке. Ее длинные волосы развязались и развеваются по плечам, покрывало разорвано. Она была как бы вне себя, поглощена своим горем; ее можно принять за безумную.

В Иерусалиме сейчас много людей из Магдалы, знавших ее, когда она жила в роскоши и вела беспутную жизнь. Ее давно не было видно, ибо после своего обращения и покаяния она нигде не показывалась и скрывалась. Эти люди теперь торжествуют, видя ее непохожей на прежнюю Магдалину: с насмешкой показывают на нее пальцами. Люди из черни, родом из Магдалы, проходя мимо нее, даже бросают грязью. Однако она ничего этого не замечает, настолько поглощена своим горем, своей скорбью.

Во время бичевания Спасителя Пилат еще несколько раз обратился с речью к народу. Толпа закричала: «Пусть Он умрет, даже если и все мы погибли бы из-за этого после Него!» В то время, как Спасителя вели к сторожевому посту, чтобы надеть терновый венец, иудеи кричали: «На смерть! На смерть Его, злодея!» На форум прибывали все новые толпы евреев. То были ставленники и сторонники старейшин и первосвященников, присылаемые сюда, чтобы добиться смертного приговора для Спасителя.

Наступило затишье. Пилат давал распоряжения своим воинам, а первосвященники, сидевшие на своих скамьях по обе стороны дворца, приказывали своим слугам принести воинам пищу.

Его продолжали преследовать суеверные мысли. Он был в постоянном волнении и я видела, - говорила Эммерих, - как он возносил курение своим богам, желая узнать их волю. Немного спустя после бичевания, после того, как Пресвятая Дева собрала кровь Своего божественного Сына, Она удалилась с

форума со святыми женами. Я видела, как Она вошла в скромный домик, находившийся недалеко. Дом опирался на длинную стену. Я не помню, кому принадлежал дом. Мне не думается, чтобы апостол Иоанн присутствовал при бичевании своего Учителя и Господа.

Венчание Спасителя терновым венцом происходило во внутреннем дворе сторожевого поста. Находился он над тюрьмами, которые выходят на форум. Пост был окружен галереей, двери - открыты.

Тех несчастных, которые устроили себе развлечение из надругательства над Спасителем, было приблизительно человек пятьдесят. То были рабы, слуги, сторожа тюрем и бичевавшие Его палачи. Сначала народ толпился перед сторожевым постом, но затем его оттеснили римские воины. Они оставались стоять в строю. Воины своим смехом и оскорблениями возбуждали врагов Спасителя изобретать для Него все новые мучения и издевательства. Смех производил на них такое же действие, какое производят аплодисменты на комедиантов.

Мучители поставили Спасителя среди двора у подножия старой колонны, в ней было видно отверстие, куда ранее вставляли стержень. На него поставили низкую табуретку и покрыли ее острыми камнями и осколками битых горшков. Затем они грубо сорвали с Господа одежды и набросили Ему на плечи красный старый плащ, едва доходивший до колен. Они нашли плащ где-то в тюрьме; его одевали преступникам после бичевания в знак презрения. Спасителя подвели к сидению, покрытому остриями, и принудили Его опуститься на него, не обращая внимания на раны. И надели на голову Его терновый венец, и сильно придавили при этом. Он был так искусно сплетен, что впереди был выше. Состоял венец из трех переплетенных между собой терновых ветвей. Те, кто плел венец, постарались обратить внутрь все острия терновника, чтобы было больнее.

Острия этого растения напоминают терновник, растущий в нашей стране. Я видела, как изготовляли венец, как потом брали и надевали, стараясь надавить сильнее.

Надев венец, они вложили в руку Спасителя трость. Все это делали с издевательством, стараясь иронически подражать обряду венчания царя на царство. Затем, вырвав трость из рук Его, они ударили Спасителя ею по голове, так что очи Его наполнились кровью. С издевательством преклонялись пред Ним, вырывали язык, били по ланитам, плевали в лицо, говоря: «Приветствуем

Тебя Царь иудейский!» Затем они опрокинули Спасителя с сидения, на которое Он был посажен, чтобы снова посадить Спасителя на него...

А Господь страдал, ужасная жажда мучила Его. Горячка сотрясала после бичевания. Он дрожал. Все тело Его было изорвано. И только кровь, текущая из Его главы, орошала Его язык и иссохшие, запекшиеся уста...

Нет возможности передать все их ужасающие изобретения для того, чтобы мучить Спасителя и издеваться над Ним. Сестра Эммерих испытывала при этом, при этих видениях такое сильное сострадание ко Спасителю, что молила Его дать ей испытать часть страданий. И, действительно, она стала ощущать сильную жажду, язык ее прилип к гортани, губы сжались. Она была в жару всю ночь, и наутро Брентано нашел ее в состоянии, близком к последнему вздоху. Придя в себя, она продолжила. «Спасителя мучали в продолжении получаса. Издевательства и побои возбуждали смех и одобрение римских воинов, расположившихся возле претории. Затем Спасителя снова повели ко дворцу Пилата. На Нем был все еще одет терновый венец, а в руку Ему дали трость, изображавшую в насмешку скипетр, а на плечи был брошен красный плащ, в лохмотьях. Спасителя нельзя было узнать. Очи Его были наполнены кровью, кровь текла по Его ланитам, все тело Его было покрыто глубокими ранами.

Он был согбен и шатался».

Когда римский правитель увидел Его в таком плачевном состоянии перед своей террасой, то даже он, жестокий человек, против своей воли содрогнулся от сожаления и ужаса и даже облокотился на приближенных. А когда чернь, первосвященники и книжники продолжали кричать и оскорблять Спасителя, Пилат воскликнул: «Насколько же свиреп и варварски жесток демон евреев! Не хотел бы я иметь его с собой в аду на том свете!»

Спасителя заставили подняться на ступени лестницы. Когда Он дошел доверху, Пилат вышел на террасу велел трубить в трубу, чтобы призвать к тишине, и затем сказал первосвященникам, книжникам и всем присутствующим: «Вот я привел Его снова и ставлю Его снова перед вами, чтобы вы знали, что я не нашел в Нем вины!»

Палачи привели Спасителя на террасу пред правителем. Оттуда Его было видно всему народу собравшемуся на форуме. То было страшное и раздирающее душу зрелище - вид Сына Божия всего покрытого кровью, с терновым венцом на главе, устремившего Свой измученный взор на толпу. Пилат, указывая на Него толпе, сказал: «Се, Человек!»

Страшное зрелище Богочеловека - израненного, измученного, раздетого и вместе с тем покорного и преисполненного любви - еще больше возбуждало

ярость книжников, первосвященников и черни. И в это самое время довольно большое число мужчин и женщин пересекли форум, чтобы отвести в купель для омовения агнцев. Жалобное блеяние животных смешивалось с дикими возгласами толпы. Животные своими голосами словно взывали к милосердию и свидетельствовали о попранной правде.

Сам же истинный Агнец Божий, тайна непризнанная и покорная позору в тот страшный день, безропотно клал голову на жертвенник, чтобы быть закланным и исполнить предсказания пророчеств о Нем. Архиереи, книжники и чернь рычали от ярости при виде Спасителя, напоминавшего им об их преступлениях. Неся вопль: «Покончи с Ним! Распни Его!» Пилат кричал: «Или с вас еще мало этого? Смотрите, в каком Он виде! Таким Он уже не сможет претендовать на звание Царя!» Но из толпы отвечали лишь разъяренными криками: «Конец Ему! Распни Его!» Пилат велел протрубить в трубу и сказал: «Ну хорошо, возьмите Его и распните сами. Я же не нахожу в Нем вины!» Они же отвечали: «У нас есть закон, по которому Он должен умереть, так как Он называл себя Сыном Божиим!» Пилат ответил: «Возможно, что по вашему закону Он должен умереть, но я не еврей».

Однако услышанные Пилатом от народа слова: «Он называл Себя Сыном Божиим», заставили его задуматься и снова вызвали в нем суеверные мысли. Он отвел Спасителя в сторону и сказал Ему: «Откуда Ты? Скажи мне». Но Спаситель не отвечал ему. Тогда Пилат сказал: «Ты не отвечаешь мне? Разве не знаешь Ты, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя на свободу?» И тут Спаситель Ему ответил: «У тебя не было бы никакой власти надо Мной, если бы это не дано было бы тебе свыше. Поэтому тот, кто предал Меня в руки твои, совершил еще большее преступление».

Между тем Клавдия Прокула, обеспокоенная колебаниями своего мужа, прислала к нему одного из своих слуг, чтобы вернуть кольцо, данное ей в залог, и чтобы напомнить ему о его обещаниях. Он дал ответ смутный, нерешительный, полный колебания и суеверия. «Смысл его ответа, - говорила Эммерих, - в этом деле он хотел повиноваться воле своих богов». Враги Спасителя, книжники, фарисеи и архиереи, узнав о поступке жены Пилата в защиту Христа, распространили среди народа слух, что сторонники Спасителя обратили к себе и соблазнили жену правителя, что они хотят Его выкупить и что Спаситель вместе с римлянами разорит и окончательно подчинит язычникам Иерусалим.

Пилат, нерешительный и колеблющийся, походил на опьяненного человека, так все было беспорядочно и смутно в его мыслях. Прокуратор твердил, что не находит никакой вины в Господе. Однако, вспомнив свое слово, таинственные сновидения своей жены, а главное, впечатление, приведенное на него самого словами Спасителя, он захотел снова допросить Его, чтобы выяснить для себя все и выйти из того тягостного состояния, в котором находился. Пилат устремил беспокойный, почти робкий, смущенный взгляд на свою святую и кроткую Жертву, на Которую не мог смотреть без ужаса и содрогания. Прокуратор сам себя спрашивал: «Возможно ли, что Тот, Кого я вижу пред собой, может быть Богом?» И, обратившись к Спасителю, Пилат заклинал Его сказать ему -

действительно ли Он Бог, а не человек. Царь ли Он и где Его Царство? Затем спросил: к какому разряду богов Он относится? Правитель обещал отпустить Спасителя на свободу, если Он ответит на все его вопросы.

«Я смогу передать лишь сущность ответа Спасителя, - рассказывала Эммерих. - Тон Его речи был строг и значителен. Господь сказал ему, что Он - Царь и Его Царство не от мира сего. Сказал, что Он - Истина. И рассказал ему, Пилату, истину о нем самом. Показав ему весь ужас его внутреннего состояния, его совести, его будущего - полного отчаяния, раздирающего душу, истину о тяжелой смерти, ожидающей его, Пилата. И сказал, что Он придет судить его в последний день».

Пилат, наполовину рассерженный и вместе с тем испуганный ответом Спасителя, вернулся на террасу и снова крикнул народу, что хочет отпустить Приведенного к нему на суд. Тогда все закричали: «Если ты Егопустишь, ты уже не друг цезарю, потому что тот, кто выдает себя за царя, - враг цезарю!» Другие кричали, что обвинят Пилата пред императором в том, что он нарушил их праздник. Он не смеет медлить дальше: в десять часов они должны быть по закону в храме.

«Распни, распни Его!» - раздавались крики со всех сторон. Множество любопытных занимало крыши соседних с форумом зданий и оттуда кричали, требуя смертного приговора.

Пилат подумал про себя: «Мне не удастся ничего добиться от этой разъяренной толпы...» Крики, раздающиеся кругом, были невыразимо злобные, ужасные. Народ, собравшийся вокруг дворца, был настолько возбужден, что можно было ожидать восстания. Видя все это, Пилат велел принести себе воды, слуга полил ему воду на руки в присутствии народа, и Пилат крикнул с высоты террасы в народ: «Я невиновен в крови этого Праведника. Вы за Него ответите!» Тогда вся огромная толпа, собравшаяся со всех сторон Палестины, стала кричать разъяренно: «Пусть Кровь Его падет на нас и детей наших!»

«Каждый раз, - говорила Эммерих, - когда я слышу во время страданий Спасителя эти страшные крики: «Пусть Кровь Его падет на нас и на детей наших!» - я вижу страшные последствия этих возгласов в различных видах. Я вижу над рассеянным народом темное мрачное небо с тучами, окрашенными в кроваво-красный цвет, и пылающие огненные мечи. Молнии гнева Божия, вызванного проклятиями и возгласами, как бы проникают в кости виновных и дальше доходят до их детей, потомков даже во чреве их матерей. Весь народ опутан мраком, темной силой. Страшный адский вопль, вырвавшийся из уст, принимает образ тяжелого пламени. Языки этого пламени соединяются и падают на тех, кто вызвал проклятие. Проклятие глубоко проникает в них, тогда как не касается других - тех, кто обратятся после смерти Спасителя, и число их довольно велико...

Во время горестных событий я видела, как Спаситель и Его Пресвятая Мать непрерывно молились за этих несчастных, несмотря на все Свои страдания, на самые варварские истязания, на гнусные издевательства, на всю ярость и

жестокость Своих врагов и их приверженцев. Несмотря на неблагодарность и неверность многих учеников Своих, Спаситель безграничной любовью отвечал всем мучившим Его и не переставал молиться со слезами об их обращении.

Однако такое терпение и столь беспредельная любовь еще больше возбуждали ярость Его врагов. Они дрожали от жестокости, озлобленные на то, что вся их ярость не смогла вызвать у Спасителя ни одного слова, могущего хоть сколько-нибудь оправдать их бесчеловечность и злобу. Наступил день Пасхи, и они не думали о том, что они-то и заклали истинного Пасхального Агнца.

«Во время всего видения моя мысль переходила от народа к судьям и затем к святейшим душам Спасителя и Пресвятой Девы Марии. Я воспринимала внутренне состояние участников этой великой драмы, видела их в чувственных образах, совершенно согласных с состоянием их душ. Бесконечно большое число дьявольских образов - символическое изображение различных пороков, страстей. Видно, как движутся эти дьявольские существа, как они стараются возбудить зло евреев, проникая в их души, уста. Эти существа, исходя из среды народа, соединяются и действуют на людей с тем, чтобы возбудить их против Спасителя, как и сейчас. Но затем, утраченные Его любовью и терпением, они обращаются в бегство и исчезают. Во всех их движениях есть что-то смутное, нелепое и беспорядочное. Какая-то слепая, темная злоба точно возбуждает их против них же самих и заставляет блуждать.

С другой стороны, я вижу, как светлые ангелы окружают Спасителя. Пресвятую Деву Марию и тех немногих людей, угодных Богу, которые находятся здесь в толпе. И образы, и одежды духов различны, светлы, смотря по роду их дела. Они изображают собой утешение, молитву, дела милосердия ...

Часто слова угрозы или же слова утешения облакаются в пламенные образы различных цветов, в то время как они выходят из уст тех, кто их произносит. Видно тогда их в форме свитков или таблиц. Когда же нужно проникнуть во внутреннее состояние лиц, находящихся предо мной, необходимо увидеть их страсти, мысли. И я тогда вижу, как ангелы влияют на них под различными образами различных цветов. И их движения, даже продолжительность их, дают мне понятие о сущности чувств. Все тогда для меня видно чисто чувственным образом, но передать все это совершенно невозможно. Если бы я стала передавать все, что вижу, кажется, никогда бы не кончила. Кроме того, я так волнуюсь, так мучаюсь сознанием своих грехов и грехов всего мира, так мучительно ощущаю все страдания моего Господа и Спасителя, что не понимаю, как могу передавать то немногое, что говорю, и как могу это связывать.

Мне думается, что касательно демонов и ангелов, виденных у тех лиц, которые созерцали страдания Господа, многое является лишь отрывками, отдельными фрагментами картин, чисто символических. В таких видениях многое меняется сообразно с внутренним состоянием того лица, которое их передает. Символы эти внутренне связаны с рассказчиком. Отсюда те противоречия, которые бывают при этом. Однако забываешь передать, другое пропускаешь, третье повторяешь несколько раз.

Как бесконечно велико то вечное зло, которое обрушилось на Господа, так бесконечна любовь, пострадавшая в Нем, истинном Агнце Божиим, взявшем на Себя беспредельное бремя грехов всего мира. И человек не сможет никогда ни понять, ни изобразить всю бездну ужаса и зла, с одной стороны, и всю безмерную святость - с другой!

Если у людей, одаренных Богом видениями, при созерцании не все сходится и получаются противоречия, то происходит это оттого, что им дана различная степень благодати для созерцания столь великих событий, чтобы им внимать и передавать», - подобными размышлениями Эммерих делилась постоянно. Она говорила, что вообще большую часть видений умалчивала из-за боязни помешать ясности передачи множеством подробностей.

Глава 6 Смертный приговор

Пилат, желавший не познать истину, а лишь найти способ, как ему выйти из затруднения, колебался все больше. Совесть его твердила: «Иисус невиновен». Жена ему говорила: «Иисус - Праведник». Но его суеверие и малодушие отвечали в нем: «Это враг наших богов. Это сильный гений. И Он сможет отомстить за зло, причиненное Ему!»

Пилат испытывал раздражение не от того, что Спаситель, понять Которого он не мог, разоблачил его в собственных глазах. Его возмущало то, что Тот, Кого он велел бичевать, Кого он властен был послать на смерть, предрек ему, Пилату, жалкую кончину. Его возмущало, что уста, которые он не мог изобличить во лжи и которые не раскрылись, чтобы оправдать Себя, теперь изрекли ему страшный приговор возмездия. Все это оскорбляло его самолюбие.

Однако ни одно движение не могло владеть этой нерешительной, колеблющейся душой. Пилат был возмущен, но одновременно испытывал ужас от предсказаний Спасителя. Он сделал последнее усилие, чтобы Его помиловать. Но тут угрозы евреев обвинить его, Пилата, перед императором, если он освободит Спасителя, подействовали на него. Боязнь перед царем земным одержала верх над той робостью, которую ему внушал Владыка, Царство Которого было не от мира сего. И судия неправедный и малодушный сказал сам себе: «Если Он умрет, то все, что Он знает обо мне, все Его печальные предсказания о моем конце уйдут с Ним в могилу».

Угрозы евреев вместе с личными расчетами заставили Пилата принять решение, противоположное обещанию, данному им своей жене, противоположное справедливости голосу своей совести. Из страха перед императором он предал Кровь Спасителя. А чтобы очиститься и оправдаться, он не нашел другого способа как вылить себе на руки воду, говоря при этом: я неповинен в крови этого Праведника - вам отвечать за это!

Нет, Пилат, ты ответишь за эту кровь! - голос Эммерих звучал гневно. - Сам говоришь, что Он - Праведник и при этом проливаешь Его кровь! Ты судия несправедливый и без совести!

Пилат умывал руки от Его крови, думая очиститься, не будучи в силах очистить свою совесть. Эту же кровь евреи, опьяненные яростью, призывали на себя и на детей своих. А божественная кровь молила о прощении и милосердии для всего человечества. Они же хотели, чтобы Она требовала отмщения, и тотчас после безумного возгласа народа: «Пусть кровь Его падет на нас и на чад наших!» - Пилат велел приготовить все для произнесения приговора. Ему была принесена церемониальная одежда. На голову он надел повязку, украшенную драгоценными камнями. Тогу он также переменял. Пилата окружили воины и служащие, несшие знаки его власти. За ними шли писцы со свитками и дощечками. Впереди всех - трубач.

В таком шествии Пилат последовал из дворца на форум. Против колонны бичевания находился громадный трон, с высоты которого правитель изрекал приговор. Это место называлось Габбата. То была терраса, на которую вело несколько лестниц. Кроме трона для правителя, украшенного красной материей с подушкой синего цвета расшитой золотом, была еще скамья для помощников. Большое количество воинов было размещено на террасе и на ступенях лестниц.

Многие фарисеи уже покинули дворец, чтобы направиться в храм. Анна, Каиафа и еще двадцать девять священников последовали за правителем на форум. Двух разбойников отвели туда в то время, когда Пилат, показывая Спасителя народу, произнес: «Се, Человек!»

На Спасителе был еще красный плащ и терновый венец. Руки Его все еще были связаны. В таком виде Его повели к подножию террасы Габбаты между двумя разбойниками. Когда Спасителя проводили среди народа, Ему пришлось перенести самые жестокие надругательства.

Пилат, заняв свое место на троне, сказал еще раз врагам Спасителя: «Вот Он, ваш Царь!» Но они кричали: «Смерть Ему! Распни Его!» Пилат ответил: «Вы хотите, чтобы Царя вашего я отдал на распятие?» Первосвященники воскликнули: «У нас нет другого царя, кроме кесаря!» Пилат, видя бесплодность своих усилий, отказался говорить в пользу Спасителя. Роковой приговор должен был быть произнесен!

Приговоры двум разбойникам были вынесены за несколько дней до Пасхи. Приведение же приговора в исполнение было задержано по просьбам первосвященников, которым хотелось нанести Спасителю последнее оскорбление, приготовляя Ему смерть среди уголовных преступников. Кресты разбойников были возле них, помощники палачей принесли их сюда. Креста Спасителя не было, ибо приговор еще не был произнесен.

Пресвятая Дева удалилась, когда Пилат малодушно предал Невинного и когда раздались крики евреев с требованием смерти Его! Теперь Она возвратилась со святыми женами, чтобы слышать приговор над Своим Сыном и Господом Своим! Спаситель стоял против Пилата на одной из ступеней лестницы, окруженный палачами на посмешище Своим врагам.

Труба зазвучала, призывая к вниманию и тишине, чтобы выслушан был приговор. Пилат грубым голосом произнес приговор над Спасителем: «Смерть на Кресте!»

«Меня глубоко возмутило лицемерие и подлость Пилата, - говорила Эммерих. - Меня точно лишило сил и сознания все происходящее кругом: злобная радость палачей, торжествующий вид первосвященников, страждущее состояние Самого Спасителя, в которое привела Его жестокость врагов, невыразимые страдания Божией Матери и святых жен. Жестокие и злобные взгляды евреев, которые, казалось, готовы поглотить свою жертву, холодное равнодушие воинов. А страшные облики демонов, которых я видела во множестве! Демоны наполняли собой все кругом, двигаясь среди народа. Я была преисполнена сознания собственной вины, горем, болью за Спасителя. Я плохо помню, что видела, и передать могу лишь то немногое, что осталось у меня в памяти».

После выступления, в котором Пилат долго говорил об императоре Тиверии, он сказал, что Иисус из Назарета приговорен к смерти первосвященниками как соблазнитель, нарушитель общественного покоя и закона; как человек, дерзнувший назвать Себя Сыном Божиим и Царем иудейским, и что смерти Его требовал сам народ. И потом Пилат прибавил, что приговор согласен со справедливостью. Это говорил тот самый Пилат, который в продолжении нескольких часов свидетельствовал, не переставая, о невинности Спасителя! Я ужаснулась столь великой подлости! Пилат добавил: «Итак, я приговариваю Иисуса из Назарета, Царя иудейского, к распятию на Кресте!» Он приказал палачам принести Крест. Я не могу сказать этого с уверенностью, но в это время в руках Пилата была длинная трость, он переломил ее и бросил части ее к ногам Спасителя!

Пресвятая Дева Мария была без чувств и без признаков жизни после оглашения приговора. Ее Сын, возлюбленный и Пресвятой, должен был умереть самой позорной и мучительной из всех смертей! Иоанн и святые жены унесли Пресвятую Деву, дабы не дать людям совершить новое преступление - надругаться над страданием Матери Божией. Однако, придя в Себя, Пресвятая Дева тотчас захотела снова идти Своим крестным путем. И ее спутникам пришлось снова вести Ее по следам сего Святого Пути Страдания!

Пресвятая Дева Мария приносила Свое почитание великой тайне скорбей Своего божественного Сына. Она хотела нести Свою долю страданий в Его искупительной жертве за род людской. Ее слезы орошали все места, где Спаситель страдал за грехи Своих чад. Наша общая Мать - Пресвятая Богородица - от имени нашей Матери Церкви в тот день страданий освятила Своими святыми слезами эти священные места подобно тому, как в далекие времена патриарх Иаков воздвиг алтарь на том месте, где ему было дано обетование, и освятил тот алтарь особым мистическим обрядом.

Далее Пилат занялся оформлением редакции приговора, и писцы сняли с него несколько копий. Гонцы затем отнесли копии приговора даже в отдаленные места. Пилат давал и другие распоряжения.

Приговор, объявленный Пилатом, свидетельствовал о его двоедушии. Написанное им значительно отличалось от того, что он провозгласил устно. Я видела, что он писал не то, что хотел писать. Им овладело какое-то внутреннее смятение, точно кто-то направлял его пишущую руку. Вот вкратце смысл написанного приговора: «Я был принужден, благодаря поведению первосвященников и синедриона, благодаря волнению народа, требующего смерти Иисуса из Назарета, обвиняемого в соблазне, в богохульстве, в нарушении закона, в обвинениях, которые я не смог установить. Я, повторяю, был принужден из опасения быть обвиненным перед цезарем в том, что возбудил недовольство среди евреев, дал повод к восстанию, был вынужден отдать им Его на Распятие посреди двух злодеев, приговоренных ранее, но казнь которых была отложена, дабы распять Его вместе с разбойниками».

Затем Пилат велел изготовить дощечку из дерева, выкрашенную в темный цвет, и сделать на ней надпись в три строчки над Крестом. Приговор, объясненный таким образом, Пилатом был скопирован и разослан в различные личные места. Первосвященники окружили трибунал, заявляя, что написанный приговор неверен, неточен. Они жаловались особенно на то, что в нем говорилось об отсрочке казни разбойников с целью распять их вместе со Спасителем. Они также были очень недовольны надписью над Крестом и просили, чтобы вместо: «Иисуса Царя Иудейского» было написано: «Иисус, выдающий Себя за Царя Иудейского». Пилат выслушал их жалобы с большим раздражением и ответил им резко: «Что я сделал, то сделал!» Они также добивались того, чтобы Крест Спасителя не возвышался бы над Его головой, а был бы такой же, как у двух разбойников. Для того, чтобы поместить над главой Спасителя надпись, надо было прибавить кусок дерева, а они этому противились, дабы не помещать надпись, неуютную им. «Не к чему терять время. - говорили они, - на прибавление дерева к Кресту». Пилат отказал им в этом, велел все же прикрепить надпись.

Итак, вопреки людским желаниям, Крест приобрел ту мистическую форму, которую я часто видела. Обе боковые части Креста расходились как ветви

дерева, и Крест напоминал собой букву, нижняя часть которой соединялась с двумя верхними. Боковые части были тоньше средней и сзади, в месте их соединения, для Креста были прибиты две деревянные доски. Над главой я видела удлинение, чтобы можно было прибить надпись. Внизу была дощечка для ног.

В то время, как Пилат писал свой неправый приговор, его жена Клавдия Прокула прислала ему обратно его кольцо, возвратив залог, данный им ей. Она покинула дворец и направилась к друзьям Спасителя. Они ее спрятали в одном из подземелий Лазаря. Я видела также как один из друзей Спасителя в знак протеста несправедливого приговора правителя и чтобы отметить мужество его жены, выгравировал несколько слов на зеленоватом камне террасы Габбата, где происходил неправый суд.

Я прочла несколько слов и запомнила лишь: «И имя Клавдии Прокулы». Группа людей стояла на форуме, разговаривая и прикрывая собой ученика Спасителя, который этой надписью свидетельствовал об истине. Я знаю, что камень сей, забытый и заброшенный, и сейчас находится в Иерусалиме в том же месте, он вошел в основание какого-то дома или вернее церкви. А Клавдия Прокула стала христианкой и позднее была знакома с апостолом Павлом.

В то время, как после оглашения приговора Пилат разговаривал с первосвященниками, Спаситель был во власти палачей, которые изливали на Него всю свою ярость. Они ещё сдерживались на глазах судьи, теперь же их жестокость не знала границ. Спасителю принесли Его одежды, отнятые у Него во время бичевания. Мне думается, что сострадательные люди почистили и помыли Его одежды, ибо они не были покрыты грязью, как раньше. Мне думается, что это римский обычай - возвращать одежды тем, кого приговорили к смерти.

Страшные палачи, получившие возможность расправляться по своему произволу со своей Жертвой, начали с того, что всячески ругали и оскорбляли Спасителя. Затем они развязали Ему руки, чтобы одеть Его. Грубо сорвали они с Него пурпурный плащ, покрывавший Его плечи, и этим снова раскрыли большую часть Его ран. На шею Спасителю набросили полосу из шерстяной ткани. Так как туника работы Матери Спасителя не проходила через главу Его из-за тернового венца, то они грубо сорвали венец и раскрыли раны на голове Его. Кровь потекла в изобилии. Наконец, Спасителя перепоясали широким поясом, к которому были привязаны веревки, и за них Его дергали и тянули. Во время одевания палачи непрестанно били Христа и издевались над Ним!

Оба разбойника стояли один справа, другой слева от Спасителя. Руки у них были связаны как у Христа, в то время, когда Он стоял перед Пилатом, веревка была на их шее. Вместо одежды на них была туника без рукавов из грубой ткани. Цвет лица у них был темный, и на теле были видны следы их недавнего бичевания.

Тот разбойник, который обратился к Богу, и теперь был сдержаннее и спокойнее. Другой был дерзок и разъярен. Он присоединился к палачам со своими проклятиями и оскорблениями благого Спасителя, Того, Кто всех покрывал Своей любовью и за всех нас претерпевал страдания.

Палачи собрали все нужное для распятия, все приготавливалось для скорбного и тяжкого пути, по которому Спаситель должен был нести грехи мира, проливая Святую Кровь, которая должна была искупить человечество. Анна и Каиафа наконец ушли от Пилата, возмущенные и раздраженные против него. Они унесли с собой свитки пергамента с копиями приговора - спешили в храм, боясь прийти туда намного позднее назначенного времени.

Так первосвященники удалились от истинного Агнца Пасхального. Они спешили в храм из камня, спешили закласть и вкусить агнца символического и покинули саму Истину - Агнца, ведомого на Алтарь Креста разъяренными палачами. Так разделились пути - один к подлинной жертве, другой к жертве символической, формальной.

Безумцы предали палачам, жестоким и нечистым, саму Чистоту - Агнца Божия, понесшего грехи мира, предали, оклеветав, и затем поспешили в храм, чтобы заняться закланием агнцев пасхальных, очищением, омовением и благословением их. Они всячески старались оградить от себя всякую внешнюю нечистоту, боялись оскверниться, но не побоялись дать место гневу, зависти, самой черной ненависти - осквернить свою совесть. «Пусть Кровь Его падет на нас и на детей наших!» - вот как они совершили обряд, где рука заклавшего легла на главу Жертвы.

Пилат, правитель низкий и гордый, дрожал перед Богом истинным, но поклонялся идолам: человек мира, раб смерти, жаждал покоя даже ценой жизни вечной. Пилат сделал промежуточный выбор: между путем Спасителя и путем первосвященников, путем, ведущим к храму, и путем на Голгофу.

Было около десяти часов утра, когда был произнесен приговор над Спасителем.

Глава 7 Несение Креста

Когда Пилат сошел с террасы Габбата, часть воинов его пошла, чтобы встать перед дворцом. Лишь небольшое число воинов остались возле приговоренных. Двадцать восемь вооруженных фарисеев, среди которых были шестеро лютых врагов Иисуса, участвовавших в аресте Спасителя на Масличной горе, направили своих коней к форуму с тем, чтобы сопровождать скорбное шествие к месту казни.

Палачи привели Спасителя на середину площади. В это же время несколько рабов, несших древо Креста, вышло из западных ворот на площадь, грубо сбросив Крест на землю к ногам Жертвы. Оба разветвления креста были

привязаны веревками к главному стволу. Помощники палачей несли дощечку для ног, куски дерева для укрепления креста в землю и разные инструменты.

Спаситель, увидавши у ног Своих Крест, встал на колени, обнял Крест и трижды поцеловал его, тихо вознося к Небесному Отцу молитвы благодарения за искупление рода человеческого. Искупление, которое начиналось теперь! Был обычай, по которому священник целовал алтарь, на котором он впервые приступал к закланию жертвы. Так и Спаситель целовал Крест - вечно священный алтарь кровавой искупительной Жертвы.

Палачи поставили Спасителя на колени и возложили на Него Крест. И Спасителю пришлось взять на плечо огромную тяжесть, которую Он поддерживал правой рукой.

Эммерих свидетельствует: «Я видела Ангелов - их не видали остальные. Они помогали Ему поднять Крест, без их помощи Он не смог бы поднять эту тяжесть. Он сгибался под ней, стоя на коленях. В то время, как Спаситель молился, другие палачи положили на плечи разбойников поперечные части их крестов, отделенные стволов, и крепче привязали их к рукам. Перекладины были не совсем прямые, а отчасти изогнутые. Рабы несли основные стволы крестов, а соединили их с боковыми лишь во время распятия. Слышно было, как затрубила труба, возвещавшая отъезд всадников Пилата.

Один из фарисеев подошел со словами: «Теперь не время прекрасных речей. Вперед, вперед!» Тут Его подняли с колен, Спаситель почувствовал на Своих плечах всю тяжесть Креста. Нам предстоит нести свой крест вслед за Ним по Его вечно правому и святому глаголу».

Шествие двинулось. Небеса с участием взирали на торжественное шествие Царя царей, тогда как земля смотрела на это шествие Его - как на последнюю ступень унижения. К концу Креста были привязаны две веревки, и два палача держали конец приподнятым, чтобы он не задевал дорогу. Вокруг Спасителя было четверо палачей, державших четыре веревки, привязанные к поясу Спасителя. Края Его верхней одежды были приподняты и прикреплены к Его поясу. (При виде Спасителя, отягощенного Крестом, я подумала об Исааке, когда он нес на гору дерево для принесения себя в жертву).

Звук трубы Пилата был сигналом для начала Пути. Пилат вначале сам хотел сопровождать шествие с небольшим отрядом воинов из-за боязни народного возмущения. Правитель был верхом и вооружен. Его воины и всадники теснились вокруг него. Вслед за ним шло триста воинов чужеземцев, из земли, лежащей между Италией и Швейцарией. Впереди процессии шел трубач и трубил что есть сил на всех перекрестках, объявляя о предстоящей казни. На некотором расстоянии шло множество слуг, несших веревки, напитки, гвозди, клинья и корзины с инструментом. Более крепкие по своему сложению несли лестницы и кресты двух разбойников. За ними верхом следовали фарисеи и юноша, несший прислоненную к своей груди надпись, составленную Пилатом, а сзади на спине, привязанный к трости, терновый венец Спасителя. В юноше все же еще оставались хорошие светлые чувства, впоследствии он обратился к Богу.

Затем следовал наш Спаситель. Он едва шел, шатаясь, согбенный под огромной тяжестью, возложенной на Него. Тело Его носило следы бичевания, тяжкие и скорбные. Он выглядел совершенно измученным и истерзанным. С предыдущего дня Он был лишен сна, пищи и воды. Жестокость палачей, потеря крови, жар, жажда, нравственные страдания, еще более тяжкие, чем физические, довели Его до последней степени изнеможения. Он шел босым, шатаясь и согнувшись, ноги Его кровоточили.

Своей правой рукой Он поддерживал тяжкую ношу на правом плече, постоянно соскальзывавшую, левой же рукой Он с трудом пытался удерживать широкую Свою одежду, мешавшую Ему двигаться. Четыре палача держали веревки, привязанные к поясу. Двое тянули Господа вперед, а двое толкали. Таким образом, у Него был нетвердый шаг, веревки мешали Ему приподнимать одежду. Руки Спасителя опухли и были покрыты страшными ранами, причиненными толстыми веревками, которыми они были связаны. Лик Спасителя был весь опухший и залит кровью. Его волосы и борода растрепаны и склеены кровью. Цепи и ноша прижимали к ранам Его тяжелые одежды, шерстяная ткань крепко прилипала к вновь образующимся кровоточащим ранам. Издевательства, злоба, ненависть обрушивались на Него со всех сторон. Нельзя описать выражение Его благородства, мученичества и любви. Он не переставал молиться, во взгляде Его были молитва, всепрощение и страдание.

Те два палача, которые шли сзади и поддерживали веревками Крест, причиняли Спасителю большие страдания: они то поднимали Крест, то сразу его отпускали. Несколько воинов с копьями шли с обеих сторон шествия, затем следовали два разбойника, двое палачей держали их за веревки. Они несли на спинах перекладины своих крестов, к которым были привязаны их руки. На теле у них было что-то вроде фартука, грудь же закрывала одежда, открытая с боков и без рукавов. Кроме того, на головах у них было нечто, похожее на соломенный колпак. Они казались наполовину опьяненными напитком, который им дали пить. Благоразумный разбойник казался более спокойным, другой же, наоборот, был в разъяренном состоянии и изрыгал брань, проклятия и богохульства.

Палачи - люди с темным цветом кожи, небольшого роста и коренастые. Волосы они имели вьющиеся, черные, бороды - очень редкие. По лицам было видно, что они не евреи. Это были рабы-египтяне, работающие на общественных работах и нанимающиеся за деньги на разные услуги к евреям и римлянам. Нельзя себе представить зверскую жестокость этих людей. Шествие замыкали фарисеи, трусившие верхом на лошадях. Они время от времени проезжали по рядам, наблюдая за порядком шествия.

Среди шедших впереди и несших инструменты было несколько евреев низкого происхождения, предложивших свои услуги добровольно. На значительном расстоянии от скорбного шествия двигался правитель со своей свитой. Впереди ехал трубач верхом, за ним Пилат в своих боевых доспехах в окружении офицеров, затем всадники и сзади около трехсот пехотинцев. Свита с

правителем пересекла форум, но потом свернула на широкую улицу, шедшую от него в сторону.

Люди же, ведущие Спасителя, свернули в узкую улицу, окаймленную домами и чрезвычайно грязную. Там было много нечистот. Тут Спасителю пришлось перенести новые оскорбления. Палачи теснили Его и мешали двигаться вперед. Из домов, из окон раздавались в Его адрес оскорбления и насмешки. Рабы, работающие на улице, бросали в Него грязь и нечистоты, негодяи выливали на Него черную зловонную жижу. И даже дети, наученные Его врагами, собравши заранее камешки в подолы своих платьев, ругая и понося Его, бросали их Ему под ноги, когда Он проходил мимо их домов. Вот как дети доказывали свою благодарность Тому, Кто так любил их, благословлял и исцелял.

В конце узкая и грязная улица поворачивала налево, становилась шире и поднималась в гору. Тут улицу пересекал подземный акведук, ведущий от горы Сионской. «Мне думается, что акведук продолжает свой путь недалеке от форума и выливает свои воды в купель поблизости от ворот, - предполагала Эммерих, - Я даже слышала шум воды, падающей в этот акведук».

На подходе к возвышенной части улицы было углубление, наполненное водой и грязью: через него переходили по широкому и высокому камню. Так часто бывает на улицах Иерусалима. Дойдя до большой грязной лужи Спаситель остановился, будучи не в силах идти дальше. Палачи стали дергать и грубо и жестоко толкать Его, и Божественный Крестоносец упал навзничь на камень, а ноша Его упала вместе с Ним.

Враги Спасителя осыпали Его проклятиями, дергали, даже били и толкали ногами. Шествие остановилось, и в народе стали раздаваться гневные возгласы. Напрасно Спаситель протягивал руки, прося помочь Ему подняться, но никто не пришел на помощь. «Ах, скоро все кончится», - сказал Он и продолжал молиться.

Фарисеи закричали: «Поднимите Его, иначе Он умрет тут на пути у нас на руках!» С обеих сторон улицы были видны женщины, они плакали, а дети у них на руках кричали от страха. С неземной помощью Спасителю удалось наконец поднять главу, но жестокие враги вместо помощи Господу снова возложили на Его измученную голову терновый венец. Затем, приподняв самым грубым и жестоким образом, снова возложили на Его плечи Крест. Ему пришлось наклонить на сторону с невыразимой болью Свою главу, окровавленную шипами, чтобы поместить на плечах тяжесть Креста. Страдая еще сильнее, Он продолжал Свой путь по улице - более тяжкий из-за подъема в гору.

Когда был вынесен приговор Господу на распятие, скорбная Мать Спасителя покинула форум с Иоанном и со святыми женами. Она обходила места, отмеченные особыми страданиями Христа. Но когда шум народа, звук трубы, топот лошадей оповестили о начале скорбного шествия, Пресвятая Дева не могла более противиться желанию снова увидеть Своего страждущего божественного Сына. Она хотела видеть Его, несущего Свой Крест, и умоляла Иоанна, возлюбленного ученика, повести Ее в те места, где Он должен будет пройти. Они

шли с Сиона, пересекая только что покинутую Спасителем часть форума, который был открыт, чтобы облегчить передвижение народу.

Я видела, говорила Эммерих, - как они прошли через дверь, сделанную в западной части дворца, открывавшую проход на улицу, о которой я только что говорила. Они оказались недалеко от того места, где остановилось шествие, когда Спаситель упал под тяжестью Креста. Я не могу точно сказать, была ли это часть одного из дворцов Пилата, сообщавшаяся с самим дворцом при помощи ворот и галерей, или же это было жилище Каиафы, так как на горе Сионской находился лишь его трибунал.

Иоанн упросил одного сострадательного служащего разрешить пройти через ворота и его спутникам. Пресвятую Деву Марию сопровождали также один из племянников Иосифа Аримафейского, Сусанна, Хуза, Саломия Иерусалимская.

Когда я увидела Богоматерь - бледную, с очами, покрасневшими от слез, шатавшуюся и дрожащую, всю закутанную в Свое серо-голубое покрывало, я ощутила душераздирающую боль! Слышен был шум толпы и оскорбительные крики. На углу улицы вестовой объявлял, что ведут на распятие трех разбойников.

Когда служащий отворил дверь, чтобы выпустить их, шум и крики стали яснее и громче слышны. Богоматерь тихо молилась про себя. Затем, обратившись к Иоанну, Она промолвила: «Остаться ли Мне тут, чтобы видеть Его проходящим, или же Я должна удалиться? Как увидеть все это?» Иоанн ответил: «Если Вы не увидите Его проходящим тут, Вам потом будет смертельно тяжело и больно». И они остались возле ворот, устремив взгляды на появляющееся вдали шествие.

Как мучительно раздирал их души звук трубы! Шествие приближалось. Вот оно уже близко, в нескольких шагах от них. Перед ними не было народа. Толпа стояла возле них и позади них. Были и такие любопытствующие, которые, увидев Спасителя на форуме, теперь прошли боковыми улицами и встали заранее на пути Его следования, чтобы увидеть еще раз.

При виде орудий казни и палачей, идущих с торжествующим и наглым видом, Богоматерь не могла скрыть Своего страдания. Она сложила руки, как бы прося помощи у неба, и один из участников шествия, видя Ее скорбную и страдающую, спросил у окружающих: «Кто Эта Жена, убивающаяся и страдающая?» И кто-то ответил: «Это Мать Галилеянина». Услышавши ответ, палачи обрушили поток грубых, оскорбительных слов на Божию Матерь. Они показывали на Нее пальцами, один из них взял в руку большие гвозди, которыми должны были прибивать Спасителя к Кресту, и держал их у Нее перед глазами с жестоким и дерзким видом.

Она протянула Свои руки к Сыну Своему, как только увидела Его. Боль и страдание заставили Ее прислониться к косяку двери. Она была бледна, как полотно, Ее губы посинели. Сначала Она увидела проехавших верхом фарисеев, затем юношу, несшего надпись. Наконец, Она увидела Сына Божия, Своего Сына, Святого из святых, Искупителя людей. Он шатался и едва держался на ногах. Глава Его, отягченная терновым венцом, с невыразимой болью на Его лице

склонялась на плечо. Палачи дергали Его за веревки. Господь был бледен, покрыт кровью, изранен, борода стала острой, склеившись кровью. Его взор, остановившийся на Матери, исполнился скорби и сострадания.

В это мгновение Он во второй раз в изнеможении упал на колени, руками опершись о землю. Его Мать в порыве скорби и любви к Нему не видела ни палачей, ни воинов. Она пробежала те несколько шагов, отделявших Ее от Спасителя, отстранила мучивших Его палачей и, упавши пред Ним на колени, обняла Его.

Я слышала слова, которыми Они обменялись: «Сын Мой-й!», «Мать Моя-я!» Но я не могу сказать, произнесли Они их вслух или же про себя.

На несколько мгновений возникло замешательство. Иоанн и святые жены хотели увести Божию Матерь. Палачи богохульствовали. Один из них сказал Ей: «Что делаешь Ты здесь? Если бы Ты Его лучше воспитывала, Он не был бы в наших руках!» Но я видела также, что несколько воинов были глубоко растроганы. Эти воины отвели Пречистую Деву, и ни один палач не прикоснулся к Ней.

Иоанн и святые жены увели Ее, и Она упала на колени на камень в воротах: можно было подумать, что горе убило Ее. Руки Ее коснулись камня, очень твердого, с зеленоватыми жилками и оставили на нем следы. Отпечатки, правда, неглубокие, напоминают складку, которая остается на ткани от прикосновения руки.

Я видела, что в те времена, когда Иаков младший был епископом Иерусалимским, священный камень перенесли и хранили, в первой церкви, возникшей в городе. То была церковь поблизости от купели Вифезда.

Я уже говорила о том, что в особых случаях святые, касаясь камней, оставляют на них подобные отпечатки. Божественная мудрость редко прибегает к запечатлению человеческого для того, чтобы оставить длительные следы воздействия святости!»

В то время, когда стали проходить воины, двое учеников увели Пресвятую Деву в дом, и двери тотчас были закрыты.

Между тем палачи заставили Спасителя подняться и снова нести Свой Крест уже несколько иным образом. Обе перекладины отделились от ствола, и одна из них запуталась в веревках. Спаситель поддерживал эту часть рукой, а главный ствол Креста стал касаться земли, влачиться по ней более, чем до этого.

Среди стоящих группами людей, по большей части оскорблявших Спасителя, были женщины, закутанные в покрывала и едва стоявшие на ногах от скорби и рыданий.

Глава 8 Падения Спасителя

Вскоре шествие прошло под аркой, сделанной в старой внутренней стене города. Перед этими воротами находится довольно большая площадь, к которой сходятся три улицы. Тут Спасителю пришлось пройти по большому камню. Он поскользнулся, Крест упал с Его плеча, и Он упал вместе с Крестом, не будучи в силах подняться... Люди в праздничных одеждах, шедшие в храм, проходя мимо Него, говорили с состраданием: «Горе, Несчастный сейчас умрет».

В шествии произошло сильное замешательство. Как поднять Спасителя и снова наложить на Него Крест? Фарисеи, управляющие шествием, говорили воинам: «Он не дойдет до Голгофы, поищите кого-нибудь, кто бы помог Ему донести Крест».

В это время улицу переходил язычник по прозвищу Симон Киринеянин с тремя сыновьями. В руках у него была связка ветвей (каждый год под праздник он приходил с женой и детьми в Иерусалим, чтобы строить изгороди и работать в садах). Воины по одежде узнали в нем человека низкого происхождения и ремесла. Схватив его, они дали ему понять, что он должен нести Крест Галилеянина.

Прежде чем взять Крест, Симон воспротивился, испытывая огромное нежелание. Он не хотел видеть избитого тела Спасителя, Его одежды, покрытой грязью. Но, встретив полный божественной любви умоляющий взор Спасителя, он почувствовал сострадание. Симон помог Спасителю подняться, и палачи возложили ему на плечи одну из перекладин Креста. Симон пошел позади Спасителя, облегчая таким образом Его ношу. Спасителю сняли с главы терновый венец, и скорбное шествие смогло снова продолжить свой путь.

Симон был крепкий человек приблизительно лет сорока. Он без головного убора, в короткой, плотно облегающей тело одежде. На его детях туники пестрого цвета. Имена старших Руфус и Александр. Все трое стали впоследствии учениками апостолов.

Тут случилось происшествие, которое произвело на Симона глубокое впечатление. Та улица, по которой шли, была очень длинная. Слева она

образовывала колена, и к ней примыкало несколько маленьких улиц. Со всех сторон были видны люди в праздничных одеждах, идущие на праздник в храм. Одни старались держаться в стороне из боязни оскверниться, другие, менее фарисейски настроенные, были склонны к состраданию.

Симон сделал приблизительно около двухсот шагов вслед за Спасителем, когда высокая женщина, по внешности заслуживающая почтение, полная достоинства, держа маленькую девочку за руку, вышла из красивого дома по левой стороне улицы и проникла в шествие.

Женщину звали Серафия, она была женой Сираха, члена синедриона. За ее преданность Спасителю она получила впоследствии имя Вероники (от слова "истинная"). Серафия приготовила у себя дома ароматический, укрепляющий напиток из вина, который хотела поднести Спасителю на Его Крестном пути, чтобы хоть немного облегчить Его страдания. Уже давно она с тревогой ожидала прохождения шествия у ее жилища. Когда шествие приблизилось она, закутанная в покрывало, с платком, переброшенным через плечо, вышла на улицу. Девочка, ее приемная дочь, была возле нее и держала в руках тщательно завернутый сосуд с вином, предназначенный для Спасителя.

Те, кто шел во главе шествия, старались ее отстранить. Но ее любовь и желание утешить Божественного Учителя дали ей сверхъестественную силу: оттолкнув воинов и палачей, она бросилась на колени перед Спасителем и подала Ему платок, расправив один конец его, и сказала: «Позволь мне отереть лик моего Господа». Спаситель взял платок левой рукой и приложил его к Своему лику, покрытому кровью, затем вернул платок благочестивой женщине, поблагодарив ее. Серафия трепетно поцеловала его, спрятала под покрывало возле сердца и поднялась с колен. Тогда девочка робко попыталась поднести сосуд, который она несла, однако стража и воины не позволили передать его Спасителю.

Смелость и решительность Серафии удивили и как бы ошеломили стражу, заставив всю процессию приостановиться, и короткая остановка позволила ей поднести платок своему божественному Учителю. Фарисеи пришли в ярость от задержки и еще более от почести, публично оказанной Спасителю. Чтобы отомстить за это, они стали бить и грубо дергать Господа.

С поспешностью войдя в дом свой, Серафия положила платок на стол и упала без чувств. Девочка встала возле нее на колени и плакала от горя. Один из друзей их дома, войдя в горницу, нашел благочестивую женщину в таком состоянии без движения, а перед ней платок на котором было скорбное, страшное в Своем страдании и подлинно схожее кровавое изображение лика Спасителя! Изумленный, он показал пришедшей в себя женщине святой лик Спасителя. При виде его она преисполнилась скорби и вместе с тем утешения.

Став на колена перед платком. Вероника сказала: «Теперь я Могу отказаться от всех благ мира, ибо Господь мой оставил мне драгоценный залог Своей благодати и любви!»

Шествие было всего в нескольких шагах от довольно крепких и широких ворот, находившихся на юго-западе, и улица шла под уклон к ним. Дорога прошла сначала под аркой, затем под мостом и снова под второй аркой. Налево стены сначала идут к югу, затем к западу. Потом снова направляются к юго-западной части горы Сионской. Направо стены тянутся к югу до следующих врат, затем они идут к востоку от Иерусалима.

Когда шествие приблизилось к юго-западным вратам, стража проявила еще большую жестокость и ярость. Дорога была неровной, с большой лужей посередине. Палачи тянули Спасителя вперед, а Симон Кириинеянин постарался обойти ее. Крест покачнулся, и Спаситель упал в грязную лужу. Это было четвертое Его падение. Симону стоило большого труда удержать Крест.

Господь тогда отчетливо произнес голосом, надорванным от страданий: «Горе, горе тебе, Иерусалим! Я любил тебя, Я хотел собрать чад твоих, как наседка собирает цыплят под крылья свои, а ты изгоняешь Меня со всей жестокостью из стен твоих!»

Спаситель был грустный и страждущий... Фарисеи, обернувшись к Нему, сказали: «Соблазнитель! Все еще не успокоился, все еще возвращается к Своим безумным речам!» Затем они снова били Его, и ударами заставили подняться из лужи. Симон Кириинеянин, возмущенный их жестокостью, сказал им: «Если вы не прекратите ваше зверство, я брошу Крест, хотя бы вы и убили меня за это».

Против ворот от главной дороги ответвляется довольно узкая и крутая дорога по направлению к югу и идет к горе Голгофской. Главная же дорога на некотором расстоянии оттуда разделяется на три различных пути. Один путь налево идет на юго-запад и ведет к Вифлеему через долину Гион; другой - к югу ведет в Эммаус и Иоппу; третий - направо, на северо-запад - в Бетзур, проходя позади Голгофы.

Если посмотреть налево от тех ворот, откуда повели Спасителя, по направлению на юго-запад, то можно увидеть ворота, ведущие в Вифлеем. Эти ворота наиболее близкие друг к другу в Иерусалиме.

Недалеко от ворот, в том самом месте, где дорога к Лобному месту отделяется от главной дороги, был столб. Написанный большими белыми буквами, на нем выделялся смертный приговор Спасителю и двум разбойникам. Недалеко оттуда стояла группа женщин. Они плакали, громко выражая свою скорбь криками и рыданиями. Некоторые из них держали на руках детей. То были девушки и

бедные женщины с детьми, опередившие шествие; среди них - женщины из Вифлеема, из Хеврона и из других соседних мест, пришедшие в Иерусалим на праздник Пасхи.

Дойдя до столба на пересечении дорог, Спаситель едва не упал снова, но Симон, несший Крест за Ним, заметил это и поддержал Его. Спаситель оперся на Симона. При виде Господа в таком состоянии женщины стали еще громче плакать и кричать. Они попытались подать Ему по иудейскому обычаю полотна, чтобы утереть лицо. Спаситель обернулся к ним и сказал: «Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо придет время, когда скажут: счастливы неплодные, счастливы незачавшие чрева и сосцы некормящие! Тогда скажут горам: упадите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если так поступают с зеленеющим деревом, что будет с сухим?»

Затем Господь сказал несколько слов утешения, - рассказывала Эммерих, - которые я плохо запомнила, позабыла, вспоминаю лишь слова: «Слезы ваши не останутся без награды, и пойдете вы путем лучшим, чем шли до сих пор!»

Тут была минутная остановка, передышка. Шествие остановилось. Те, кто были впереди с орудиями казни уже дошли до Лобного места. За ними следовали сто римских воинов из сопровождения Пилата. Сам римский правитель проводил шествие до городских ворот, затем возвратился в город.

Скоро процессия двинулась дальше. Между воротами и Лобным местом пролежала дорога трудная и каменистая. Воины удвоили удары, чтобы заставить Спасителя идти быстрее. В том месте, где гористая дорога поворачивает на юг, Спаситель упал в шестой раз. И это падение было особенно тяжелым и мучительным... И вновь прибегли к побоям, чтобы заставить Его встать и идти. Он упал снова, в седьмой раз, дойдя до скалы, на которой Он должен был умереть...

Симон Кириянин, измученный усталостью и плохим обращением с Господом, был преисполнен благородного гнева и возмущения. Он хотел поднять Спасителя, но стража ударами принудила его отойти, и он тотчас направился к ученикам Спасителя. Тут заставили также уйти детей и тех, которые несли орудия казни.

С горы Голгофской был виден весь город. Вершина горы круглая, она окружена невысокими склонами, перерезанными пятью дорогами.

«Я заметила, - говорила Эммерих, - что в Палестине, часто встречается число пять по отношению к дорогам. Так бывает на целительных источниках, в местах, где крестят (например, в купели Вифезда). Во многих городах - пять

ворот. Христианская эпоха переняла эту приверженность числу пять. В этом есть свой мистический и пророческий смысл. Как все, что происходило в Святой Земле, то было предзнаменование пяти путей спасения, пяти врат милосердия Божия, открытого людям через пять ран, полученных Спасителем на Кресте».

Всадники достигли Лобного места более легкой дорогой с западной стороны горы и остановились на некотором расстоянии от вершины, где спуск более пологий. В противоположной от города стороне спуск крут и местность дикая. Сто римских воинов, все родом из стран, соседних с теперешней Швейцарией, были расставлены в различных местах у подножия горы и у стен. Несколько воинов сторожили двух разбойников, которых еще не довели до вершины. Разбойники лежали на земле, руки у них были привязаны к поперечным частям их крестов. Они ожидали на склоне в том месте, где дорога поворачивает на юг.

Довольно значительное количество разного люда: иностранцев, слуг, рабов, язычников, женщин, не боящихся оскверниться, - толпились вокруг. Многие стояли на соседних холмах. Число любопытствующих все увеличивалось: прибывали из соседних деревень, ведь в Иерусалиме праздник Пасхи!

Глава 9 Лобное место

К югу на горе Гюон расположились лагерем приезжие в Иерусалим на праздник Пасхи. Многие из них наблюдали шествие издалека, другие приблизились к Лобному месту.

Было около двенадцати, когда Спаситель упал вместе с орудием Своей казни на том самом месте, где Он должен был быть распят. Дергая Спасителя за веревки, палачи развязали перекладины и соединили все части Креста. Какое скорбное зрелище - Господь на месте, где Он должен умереть, - бледный, избитый, окровавленный, израненный... Его повалили наземь, осыпая оскорблениями: «Давай, Царь Всемогущий, мы снимем мерку для Твоего Трона!»

Спаситель Сам возлег на Крест! И если бы раны позволили Ему делать более быстрые движения, палачам не пришлось бы употреблять насилия. Растянув Его на Кресте, они обозначили места, куда приходились Его руки и ноги.

Фарисеи продолжали оскорблять Свою Жертву. Заставив Его встать, они отвели Спасителя шагов на семьдесят от вершины к пещере, высеченной в скале и служившей чем-то вроде подвала. Сняв дверь, они грубо и с такой силой втолкнули туда Спасителя, что если бы не помощь свыше, колена Его разбились

бы и сломались о камни. Затем они прикрыли дверь и поставили возле нее стражу.

«Я отчетливо слышала стоны, - свидетельствовала Эммерих. - вырвавшись у Него от сильной боли. Я следовала за Ним по Его пути от Креста к пещере. Мне думается, я видела Ангелов, смягчивших всю силу Его падения! Он стонал и плакал от страданий.

Камень ощутил Его прикосновение, и на нем остались следы колен Спасителя!»

Тем временем палачи приступили к последним своим приготовлениям. Посреди вершины Голгофы круглой формы есть еще другое возвышение, более высокое, чем остальные. Тут-то они и стали рыть ямы, предназначенные для крестов. Измерив их подножия, справа и слева от Креста Господа они подготовили углубления для крестов двух разбойников, которые были более низкие и сделаны грубее, чем Крест Спасителя. Перекладины двух крестов прикрепили к стволам позже: разбойники были привязаны к ним.

Палачи принесли Крест Спасителя. Его предстояло поднять и опустить в предназначенное для него углубление. Они прочно прикрепили перекладины Креста, прибили перекладину для поддержки ног внизу, сделали отверстия для гвоздей, затем несколько углублений для главы и для ног Спасителя. Делалось это для того, чтобы тело опиралось на Крест, а не только висело на нем. Этим могла быть продлена агония осужденного, и руки не раздирались бы под тяжестью тела. Позади Креста вбили для его укрепления деревянные опоры.

Глава 10 Распятие Господа

После скорбной встречи Богоматери со Спасителем, изнемогающим под тяжестью Креста, Она упала без чувств. Иоанна Хуза, Сусанна, Саломия и Иоанн вместе с племянником Иосифа Аримафейского унесли Ее внутрь дома. Богоматерь снова была разлучена со Своим Возлюбленным Сыном, изнемогающим под тяжестью страданий.

Безграничная любовь Божией Матери к Своему Сыну, желание Ее быть с Ним, разделить Его Страдания, не покидать Его, пока Он еще на земле, испросили Ей укрепление свыше.

Скорбная процессия направилась к дому Лазаря, расположенному на краю города. Тут уже находились несколько святых жен вместе с Марфой и Марией Магдалиной, громко рыдавшей от горя. Были здесь и несколько детей.

Из дома Лазаря все святые жены (их было семнадцать) направились по Скорбному Пути, пройденному Спасителем. Молчаливые и серьезные, они оставались чуждыми насмешкам толпы. Впрочем, глубина их горя невольно внушала уважение. Вначале придя к форуму, они целовали землю в месте, где Спаситель взял на Себя бремя тяжести Креста. Оттуда они прошли весь Крестный скорбный Путь Спасителя, с почтением поклоняясь всем местам, где особенно страдал их Божественный Учитель, и стараясь везде отыскать следы Его шагов.

Пречистая Дева Мария духовно всюду следовала за Своим Сыном. Все подробности Страстей Господних были перед Ней как наяву. Разделяя Его страдания, Она могла направлять Своих друзей, окружавших Ее, по Его пути - так совершалось первое поклонение и паломничество. По указанию Пречистой, Ее спутники останавливались в каждом месте, отмеченном Его страданием.

Так Крестный Путь как самое трогательное поклонение христиан был чудесным образом высечен в любящем Сердце Божией Матери тем мечом, о котором пророчески говорил Ей еще старец Симеон.

Поклонение Пути на Голгофу Богоматерь передала всем, кто сопровождал Ее, а они, в свою очередь, передали его последующим поколениям. То был неоценимый дар Спасителя Своей Матери, который перешел из Ее сердца в сердца Ее детей по неизменной преемственности, достойной великого почитания.

С древнейших времен у евреев существовал обычай отмечать места, где происходили значительные события, ставить там камни и ходить к святым местам для молитвы. И поклонение Крестному Пути явилось не по произволу людскому, а покоится на самой природе вещей, на Промысле Божиим о народе Своем. И подала пример для поклонения самая любящая и самая нежная из всех матерей, шествующая вслед за Спасителем по всему Его скорбному Крестному Пути!

Дойдя до дома Вероники, они вошли в него, ибо Пилат с эскортом, сопровождавший до ворот города шествие, пересекал в это время улицу. У Вероники они увидели плат, сохранивший на себе отпечаток лика Спасителя. Они смотрели на него, плача и рыдая, и восхваляя милость Господа к Своей смиренной рабе...

Взяв с собой сосуд с ароматическим напитком, приготовленным Вероникой, они направились к воротам, ведущим на Голгофу. Благочестивые женщины, которых трогал облик Спасителя, и даже мужчины, присоединившиеся к святым женам, увеличили небольшую группу почитателей Господа, шедших на Святую гору.

Невозможно описать горе и скорбь Пресвятой Девы, когда Она увидела место казни. Она переживала в Себе все страдания Спасителя, все Его муки и, кроме того скорбь от того, что Ей не должно было умереть вместе с Ним.

Мария Магдалина, потрясенная вначале и онемевшая от горя, стала затем громко кричать и рыдать; поднимала в отчаянии руки, угрожая палачам. Ее спутницам пришлось поддерживать ее от падения и заграждать собой от гнева врагов Господа.

Святые жены взошли на гору с западной стороны, где подъем более пологий. Тут они разделились на три группы. Пресвятая Дева Мария. Мария Клеопова, Саломия и Иоанн находились против насыпи. Марфа, Мария Хели, Вероника, Иоанна Хуза, Сусанна и Мария Маркова стояли несколько дальше, поддерживая Магдалину. Поодаль находились остальные жены. Пространство между тремя группами заполняли друзья Спасителя.

Фарисеи, верхом на лошадях, расположились в нескольких местах вокруг насыпи, а пять дорог, ведущих на гору, охранялись римскими воинами. Богоматерь не отрываясь смотрела на место казни, на углубление, где должен был быть утвержден в земле Крест, распростертый пред Нею, на молотки, веревки, огромные гвозди. Палачи, ужасные, пьяные, полуголые, непрерывно изрыгали проклятия и богохульства.

Два других креста были подняты, их собирались опустить в заранее приготовленные ямы.

Пресвятая Дева не видела Спасителя, что увеличивало Ее скорбь. Ее Сын был еще жив! Ей так хотелось Его увидеть, и вместе с тем боль сжимала Ее сердце: Она знала, что при виде Его, сердце должно выдержать жесточайшую муку.

С утра и до десяти часов, когда был произнесен приговор, несколько раз падало нечто вроде града. Во время Пути на Голгофу небо немного прояснилось. К полудню красноватые тучи затмили солнце.

Во время последнего пребывания в темнице Спаситель просил у Отца Своего Небесного дать Ему силы отдать Себя в Жертву за грехи Своих врагов.

Дойдя до пещеры, где был заперт Спаситель, четверо палачей вывели Его оттуда самым грубым и жестоким образом. И пока они вели Его к месту казни, осыпая ударами и оскорблениями, толпа смотрела на Жертву и издевалась над Ней. Римские воины оставались холодными, спокойными, равнодушными, занятыми лишь поддержанием порядка.

Наконец, Спаситель взошел на насыпь, отделяющую вершину от остальной горы. Когда святые жены увидели, как вели Господа, они дали денег одному человеку, чтобы он передал Спасителю через палачей сосуд с освежающим напитком, надеясь хоть немного облегчить Его страдание. Однако негодяи сами выпили вино.

У палачей было с собой два сосуда темного цвета. В одном - уксус и желчь, в другом - вино, спирт и миро. Они приблизили к устам Спасителя первый, но Он, попробовав, оттолкнул сосуд.

Наверху насыпи, находилось восемнадцать палачей. Шестеро из них были те, кто бичевал Его: четверо - кто вел Его за веревки, привязанные к поясу; двое - кто держал за веревки Крест во время Пути. Было еще шесть, назначенных распинать Спасителя. Они занимались приготовлениями к распятию и тут же напивались... Палачи имели странную внешность, возбуждающую ужас; что-то в них напоминало диких разъяренных зверей.

«Все это зрелище казалось мне еще ужаснее и страшнее оттого, - свидетельствовала Эммерих, - что у меня перед глазами были жуткие видения, которых не видели присутствующие, видения из ада, устранившие меня с самого начала. Демоны непрерывно возбуждали злобу жестоких палачей, подталкивая их на страшное дело. Бесконечное множество дьявольских исчадий под видом змей, драконов с острыми когтями и самых омерзительных и страшных чудищ, которых можно только себе вообразить, было рассеяно в воздухе вокруг Голгофы. Они затмевали собой небеса, входили в уста и в сердца присутствующих, садились им на плечи, и тотчас люди ощущали особую злобу и ненависть и изрыгали страшные проклятия на Спасителя. И одновременно (и это меня немного утешило) я видела вокруг Господа образы плачущих ангелов и целые сонмы ангельских чинов, покрывающих собой Богоматерь и святых жен, поддерживающих их духовно!»

Вскоре палачи сорвали одеяние, покрывающее плечи Спасителя, сняли пояс, на котором держались веревки, Его собственный пояс и наплечник, надетый на Нем. Так как они не могли снять с Него тунику через голову из-за широкого тернового венца, то грубо сорвали венец с главы, и раны, чуть подсохшие, снова раскрылись. Затем они грубо сорвали с тела тунику через покрытую окровавленными ранами главу.

Сын Человеческий стоял пред лицом Своих врагов с телом, покрытым кровью и глубокими кровоточащими ранами. На Спасителе оставался лишь наплечник и кусок ткани, покрывающий Его чресла. Наплечник был из жесткой от засохшей крови шерсти, раздиравшей Его раны и причинявшей Ему неопишуемые страдания. С Него грубо сорвали и наплечник, и показалась грудь Его, покрытая ранами. Плечи Его были настолько жестоко изодраны, что виднелись кости. Ключья шерсти, пропитанные кровью, остались прилипшими к Его ранам.

Спаситель, истощенный еще и последними страданиями, казалось, готов был снова упасть к ногам Своих мучителей. Тогда палачи посадили Его на большой камень, принесенный сюда. Они снова надели Ему на главу терновый венец и поднесли к устам сосуд с уксусом и желчью, но Он отвернул главу, не отвечая ни слова на новое издевательство.

Палачи, сорвавшие тунику, стали снимать полотно, покрывавшее Его чресла и от большого количества крови присохшее к телу. При мысли о новом оскорблении, особенно тяжком, друзья Спасителя разразились рыданиями.

Богоматерь, воссылая к небу горячую мольбу, хотела уже снять с Себя покрывало и передать его Своему божественному Сыну, но молитва Божией Матери была услышана, и Бог чудесно пришел на помощь Своему Сыну. В то мгновение, как последнее надругательство готово было свершиться, вбежавший человек раздвинул палачей и передал Спасителю полотно. Господь с любовью поблагодарил его, взял полотно и повязал им чресла.

Человек, которому по молитве Богоматери Бог внушил мысль оказать Спасителю подобную услугу, во внешности своей имел что-то такое, что не позволяло противиться его воле. Он несколько раз пригрозил палачам кулаком и внушительно обратился к ним со словами: «Во имя Бога Всемогущего горе вам, если вы еще прибавите и это последнее надругательство ко всему предыдущему и содеянному вами!» Затем, не произнося больше ни слова, он удалился столь же стремительно, как и появился. То был Ионабад, племянник святого Иосифа, сын его брата, жившего в окрестности Вифлеема. Святой Иосиф оставил брату в залог своего последнего осла после рождения Спасителя.

Никогда раньше Ионабад не высказывался в пользу Иисуса, даже в этот день он держался поодаль и лишь справлялся обо всем происходящем. Но издевательства над Спасителем во время бичевания и мысль о том, что Его ожидало еще впереди, возбудили в нем благородный гнев. Когда приблизился час казни, какое-то непреодолимое беспокойство повлекло его к храму, а затем, когда Мать Спасителя стала молиться, он вдруг почувствовал необходимость спешить к Голгофе, чтобы защитить Спасителя от последнего приготовленного для Него тяжкого надругательства.

Ионабад с возмущением вспомнил Хама, надругавшегося над наготой Ноя, и захотел прикрыть наготу Того, Кого лишь прообразовывал Ной... Палачи были потомками Хама. Спаситель же олицетворял вино нового завета, должное искупить человечество.

Благородный поступок Ионабада был исполнением символа Ветхого Завета, - говорила Эммерих, - и за этот поступок он был вознагражден Богом. Я расскажу об этом позже».

Едва удалился Ионабад, как палачи распростерли Спасителя на Кресте. Живое воплощение Страдания, Он Сам лег на него. Положив Его на спину, они грубо, рывками подняли руку Господа, чтобы уложить ее на место и где было отверстие для гвоздя, и привязали ее веревками.

Один из палачей оперся коленом в грудь Спасителя; другой держал раскрытой кисть руки, которая инстинктивно сжималась, третий вбил большой и длинный гвоздь в руку, столь часто благословлявшую и исцелявшую... Сильно заостренный гвоздь вбивали удар за ударом при помощи железного молотка.

Жалобные и сдержанные стоны вырывались из уст Спасителя! Кровь Его брызнула на руки палачей. Веревка, которой была привязана кисть руки, разорвалась, и частицы ее вошли вместе с трехгранным гвоздем в узкую рану.

Пресвятая Дева тихо стонала и казалась почти потерявшей сознание, Магдалина была вне себя.

Коловороты, которыми пользовались палачи, были железные без деревянной оправы, в форме буквы «Г». Большие молотки также железные и сделаны из одного куска, походившие на мушкель, употребляемый плотниками для правки инструмента. Гвозди, при одном виде которых Спаситель вздрогнул, были так длинны, что когда их брали в руки, то они торчали на длину мизинца с каждой стороны.

Шляпка гвоздя была так велика, что почти наполняла собой ладонь руки. Гвозди были трехгранные, одна сторона - в ширину мизинца, другая - в ширину большого пальца. На конце гвозди были очень сильно заострены.

«Я видела, - рассказывала Эммерих, - что, когда их вбили, они прошли сквозь Крест и даже немного выступили с его обратной стороны».

Когда правая рука Спасителя была уже прибита ко Кресту, палачи нашли, что левая рука, крепко привязанная веревками, не достает до намеченного отверстия для гвоздя и что остается приблизительно два дюйма от отверстия до конца Его пальцев. Тогда они привязали веревки к левой руке и, упираясь в Крест, стали тянуть так сильно, что рука, наконец, достигла отверстия...

Стоны Спасителя могли бы, казалось, смягчить и дикого зверя. Обе руки были вывихнуты самым страшным образом. Грудь Спасителя была приподнята, а колени приближены к стволу Креста. Упершись коленами на руку и на грудь Спасителя, палачи веревками привязали левую руку и таким образом вбили в нее второй гвоздь. Кровь брызнула снова, и жалобные тихие стоны Спасителя смешались со звуками от ударов молотка...

Обе руки Его образовали таким образом прямую линию и не следовали точно двум разветвлениям Креста, и видно было пустое пространство между нею и верхней частью рук.

Пресвятая Дева испытывала в Себе все страдания Своего Сына. Она была бледна, как полотно, и часто рыдания вырывались из Ее груди. На той стороне, где находилась Богоматерь, фарисеи не прекращали своих богохульств и издевательств. И Ее пришлось отвести немного поодаль, к месту, где стояли остальные святые жены. Магдалина, как безумная, руками раздирала себе лицо - ее глаза и щеки были все в крови!

Ближе к подножию Креста, приблизительно на треть от его высоты, была прибита большим гвоздем доска для подножия ног Спасителя. Он должен был как бы стоять, а не висеть на Кресте (иначе руки оторвались бы).

В доске было проделано отверстие для гвоздя. Палачи слегка выстругали дерево Креста, чтобы вошли пятки. Если бы не эти предусмотрительные меры, принятые из чувства ненависти, чтобы продлить агонию, казнь Спасителя была бы менее долгой.

Насильственное вытягивание рук Спасителя для того, чтобы довести их до проделанных в Кресте отверстий, сжало Его тело и приподняло Его колени. Палачи вытянули Ему ноги и связали их веревками, но не смогли довести ступни до доски для поддержания ног. Тут они разразились богохульствами и проклятиями! Одни хотели сделать новые отверстия для гвоздей рук, им казалось более трудным менять место доски (подпорки), другие же кричали в ярости: «Он не хочет вытянуться, но мы сумеем Ему помочь в этом!» И привязав веревку к правой ноге, они с дикой жестокостью тянули ее и привязали, вытянув, к самой доске подпорки... Все тело Спасителя было настолько вывихнуто от такого насилия, что грудь Его разодралась, и Он воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой!»

Тогда они обвязали Ему веревками руки и грудь, чтобы не дать рукам и груди разорваться еще сильнее. Невозможно описать Его страданий в это время - казалось, сами кости из тела выходили наружу!

Они привязали веревками левую ногу над правой. Однако левая нога не лежала настолько ровно над правой, чтобы их можно было прибить вместе. Чтобы этого достигнуть, они пробili их острием железа, столь же острым, как гвозди в руках. Затем, взяв гвоздь более длинный, чем остальные, они вонзили его с неопикуемой варварской жестокостью в отверстие в левой ноге, в правую ногу и в доску-подпорку па Кресте. Это было для Господа самое жестокое мучение из всех предыдущих из-за вывихнутого положения всего тела.

«Я насчитала тридцать шесть ударов молотка. - говорила Эммерих, - ударов, которые смешивались с тихими жалобными стопами, вырывающимися из груди Спасителя. А вокруг клокотала ярость и ненависть - все были исполнены дикой злобы!»

Пресвятая Дева Мария вернулась к самому месту казни. Разрывание на части тела Ее божественного Сына, Хруст костей Его, стоны, срывавшиеся с уст, - все глубоко отзывалось в Ней! Она снова лишилась чувств на руках у Своих верных спутниц. Произошло некоторое смятение. Фарисеи приблизились с угрозами к святым женам. Пришлось отнести Пресвятую Деву в сторону.

Страшная жестокость, с которой мучили Спасителя, вызвала у некоторых присутствующих, особенно у женщин, возгласы возмущения и сострадания, слышались доносившиеся с разных сторон слова: «Земля, отчего ты не разверзнешься и не поглотить их! Огонь небесный, отчего не опалишь злодеев!» Но лишь ругательствами отвечали палачи на выражение сочувствия и возмущения...

Острота страданий вызывала у Спасителя слабые стоны, Он не переставал молиться и повторять пророчества и псалмы, исполнявшиеся в эти минуты в Его лице. И эта молитва и воспоминания сбывшихся пророчеств наполняли весь промежуток Его Крестного пути и страданий на Кресте до самой смерти.

«Я слышала, как Он повторял отрывки пророчеств, и повторяла вслед за Ним. Впоследствии я вспоминала их, читая псалмы, но теперь я так измучена, переживая страдания Господа, что не могу их указать.

Во время страшного зрелища распятия Господа и Спасителя я видела Ангелов, плачущих вокруг Него!»

Во время Распятия начальник римской стражи приказал прикрепить к вершине Креста надпись, сделанную Пилатом. Фарисеи выражали по этому поводу свое неудовольствие, а римляне насмехались над евреями в связи с тем, что они распяли своего Царя. Часть фарисеев, скопировав надпись, срочно отправилась в город, чтобы добиться у правителя разрешения заменить прибитую надпись другой.

Во время Распятия Господа продолжали долбить отверстие в скале, чтобы затем опустить в него Крест, но оно все же было еще недостаточно велико, а камень скалы чрезвычайно крепок. Палачи были пьяны. Во всем теле они ощущали жар настолько сильный, что словно обезумели и вымещали злобу на Спасителе, обвиняя Его в колдовстве и надругаясь над Его терпением. Несколько раз они спускались с горы к подошве ее и там покупали молоко у приезжих женщин из соседнего лагеря.

По солнцу было приблизительно двенадцать часов с четвертью, когда Спасителя пригвоздили ко Кресту. В ту минуту, когда подняли Крест, труба в храме затрубила: в это самое время там происходило заклание Пасхального агнца!

После того, как Спаситель был пригвожден ко Кресту, палачи привязали веревки к кольцам, приделанным наверху Креста, и пропустили их через балку, поставленную с другой стороны. При помощи веревок Крест был поднят, и они стали толкать его подножие к отверстию в скале. Вскоре тяжелый Крест упал в это отверстие со страшным сотрясением, и Спаситель испустил возглас страдания. Все тело Господа как бы осело, согнулось от сотрясения, раны вновь раскрылись, кровь потекла еще сильнее, кости расходились и хрустели...

Для укрепления Креста в отверстие вбили пять кусков дерева: один впереди, второй справа, третий слева и два куска сзади. То была торжественная и вместе с тем страшная минута, когда среди надругательств палачей, фарисеев и толпы, стоящей поодаль, Крест, качаясь в воздухе, упал на дно приготовленного ему отверстия. И одновременно благочестивые горестные голоса воззвали ко Кресту. То были самые святые голоса земли: Богоматери, Ее спутниц и всех тех верных, чьи сердца были чисты. Святые голоса с трогательной скорбью приветствовали Слово во Плоти, пригвожденное ко Кресту! Руки их потянулись к Нему, словно в одном стремлении прийти на помощь Святейшему из святых, Жениху душ, живым пригвожденному ко Кресту, Пленнику в руках разъяренных грешников...

Когда же послышалось страшное скрежетание при падении подножия Креста в отверстие, внезапно наступила минута молчания. Все почувствовали какое-то новое впечатление, в чем не могли себе сразу дать отчета, и сам ад с ужасом ощутил это сотрясение орудия казни, и усилились ярость и ненависть, одушевлявшие его приспешников. А бедные души чистилища и те праведные души, задержанные в преддверии рая, как в плену, в ожидании избавления испытали радость, какой не знали ранее. Нетерпеливое ожидание сменялось радостью ликования, им дался знак, что Победитель подойдет к дверям их темницы, чтобы освободить их.

Святое Древо Креста Спасителя восстало среди земли, как некогда древо жизни в раю, а из широких ран Спасителя текли на землю четыре потока Крови, назначенной искупить, очистить, омыть древнее проклятие и дать земле принести обильные плоды спасения.

Когда Крест был воздвигнут, внезапно наступившее молчание снова сменилось разъяренными криками, трубы храма возвестили, что заклание символического агнца началось. И тут снова смолкли крики толпы, собранной

вокруг истинного Агнца Пасхального, и в торжественном молчании многие зачерствелые сердца почувствовали себя, тронутыми. И вспомнили слова Предтечи: «Вот Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира!»

Лик Спасителя на Кресте был обращен на северо-запад. Пока подножие Креста еще не было опущено в отверстие скалы, ноги Спасителя находились на высоте человеческого роста от земли; когда же Крест упал в отверстие, ноги опустились настолько низко к земле, что друзья Его могли их лобызать, приблизившись ко Кресту. Промежуток пути до вершины горы, который им надлежало преодолеть, чтобы подойти, был крутой и трудный, каков всегда путь, ведущий ко кресту.

«Когда распинали Спасителя, оба разбойника с привязанными к перекладинам крестов руками лежали на спине, на восточном склоне горы Голгофы. К ним была приставлена стража. Оба они обвинялись в том, что убили женищину вместе с ее детьми в местности между Иерусалимом и Иоппе. Их задержали на одном дворе, возле которого часто проходили маневры воинов Пилата. Оба разбойника скрывались там под видом богатых купцов. Перед приговором они долгое время сидели в тюрьме.

Разбойник, распятый по левую сторону от Спасителя, был старше второго, закоренелый преступник, матерый злодей, совративший многих людей на путь зла. Я слышала, но позабыла настоящие имена, и потому буду называть, как принято по обычаю, разбойника благоразумного по имени Дисмас, а преступного - Гесмас. И тот и другой принадлежали к шайке, грабившей на границе с Египтом

Во время бегства в Египет Святое Семейство попало в убежище этой шайки и провело там ночь. Сын одного из разбойников, Дисмас, тогда еще ребенок, был тот самый больной проказой мальчик, которого по слову Богоматери выкупали в воде, использованной перед тем Пресвятой Девой для купания Младенца Христа, и в то же мгновение ребенок получил тогда исцеление. Мать ребенка была вознаграждена чудом за свое хорошее отношение к бедным беглецам.

То был лишь прообраз истинного исцеления. Оно произошло на Голгофе, когда Дисмас был очищен Кровью Христа на кресте возле Спасителя.

Дисмас был в достаточной степени преступным, погрязшим во зле, однако не окончательно погибшим человеком. Он не признал Спасителя в Иисусе, но безграничное терпение Христа произвело на него глубокое впечатление, и во время Распятия Спасителя он говорил своему товарищу о необычайном мужестве Жертвы: «Как страшно жестоко обращаются с Галилеянином! Возможно, что новый закон, который Он проповедует, - очень важная вещь. Во всяком случае, терпение Его необыкновенно, и у Него большая, очень большая власть над людьми».

Гесмас же отвечал ему: «Какая там власть? Если бы Он был так могуществен, как о Нем говорят, то сумел бы освободить и Себя и нас!»

Пришли палачи, сказать, что настал час казни разбойников. Наспех стали освобождать их от перекладин крестов, к которым они были привязаны. Спешили оттого, что солнце начало затемняться, и все в природе стало предвещать грозу или бурю. Палачи поставили лестницы к крестам, воткнутым в землю, и приделали поперечные части крестов к главному стволу. Для этого две лестницы были приставлены к каждому кресту.

После того, как разбойникам дали выпить смесь уксуса с вином, с них сняли их жалкие одежды. Затем их привязали за руки веревками, которые были перекинута через перекладины крестов. Подняли их на кресты при помощи подпорок, на которые поставлены были их ноги. Им скрутили руки и привязали к перекладинам крестов веревками, сделанными из древесной коры. Затем укрепили за локти, за колени и возле ступней. Веревками так сильно перетягивали руки и ноги, что жилы их разрывались и кости трещали. Они испускали раздирающие душу крики.

Благоразумный разбойник промолвил: «Как страшно мы страдаем! Однако если бы с нами обращались так, как с бедным Галилеянином, нас и не надо было бы привязывать к кресту: мы бы уже давно умерли».

Закончив казнь, палачи стали делить одежды Спасителя. Верхняя одежда Господа была узкая наверху и очень широкая внизу. Она была подбита другой тканью на груди так, что между одеждой и подкладкой образовались карманы. Они разодрали эту одежду на длинные полосы и разделили ее. Так же поступили они с белой туникой Спасителя, украшенной каймой, открывающейся на груди, с поясом и нижней туникой, пропитанной кровью.

Они не могли договориться относительно одежды без шва, ибо, разорвав ее, мало бы получили пользы. Тогда палачи взяли дощечку с ямками, обозначенными цифрами, и кости вроде фасоли, которые они имели при себе. Так они бросали жребий на одежду Спасителя без шва, кому она достанется. Тут к ним поспешно подошел посланный от Иосифа из Аримафеи и от Никодима. Подошедший сказал палачам, что поблизости есть люди, которые охотно купят у них одежды Спасителя. Палачи, собрав все одежды Спасителя, поспешили их продать. Таким образом христианам удалось завладеть этими драгоценными реликвиями.

При сотрясении, вызванном падением Креста в отверстие скалы, голова Спасителя, увенчанная терновым венцом, покрылась кровью, которая потоками текла с главы Его, также рук и ног. Палачи, приставив лестницы к Кресту, развязали те веревки, которыми они обвязали тело Богочеловека для того, чтобы при поднятии Креста оно не порвалось бы в тех местах, где были вбиты гвозди. Тело, не стесняемое веревками, приняло более правильное положение, но все раны раскрылись.

Господь опустил главу на грудь и оставался в течение семи минут без сознания. Казалось, жизнь покинула Его! Палачи были заняты делением одежд Спасителя; звук трубы в храме раздавался в воздухе. Все присутствующие были подавлены: одни - под влиянием скорби, другие - от ненависти...

«Я видела Иисуса, моего Спасителя, Спасение мое и Спасение всего мира, - неподвижным, безжизненным. Он казался умершим, - говорила Эммерих. - Я смотрела на Него со страхом и с болью бесконечной! При виде этого зрелища мне казалось, что жизнь уходит из меня, что я не живу больше, что я получила смертельный удар. Сердце мое было преисполнено скорби, горести и любви. Голова моя с ранами от терновых уколов не могла соображать, кружилась от страдания, руки и ноги мои были как пылающие огни. Острые боли пронизывали все мои мускулы и нервы как от ранения невидимых стрел. Все боли словно встречались в моих внешних и внутренних органах, борясь между собой, и причиняли мне невероятные страдания.

И несмотря на все, претерпеваемое было для меня отрадой. Среди пожирающих меня страданий я находилась словно среди темной глубокой ночи, где видела лишь моего Спасителя и Жениха, Жениха всех душ, поднимающихся к орудию Его Страданий, к Его Кресту! Глядя на это, я чувствовала, как внутреннее утешение проникает мне в душу и смешивается со страданием».

Кровь наполняла веки Спасителя, Его волосы, бороду и Его божественные уста. Глава упала на грудь, и венец терновый не позволял Ему поднять главу иначе, как с бесконечными страданиями. Грудь Господа была разорвана, плечи, локти, кисти рук были вытянуты и вывихнуты. Из раскрытых ран на руках кровь изливалась потоками и текла по верхним частям рук. Грудь была настолько разорвана, что виднелись обнаженные ребра! Суставы ног были также вытянуты и вывихнуты самым ужасным образом, мускулы же разорваны так, что показались кости. Кровь обильно текла вокруг гвоздей, пронзивших Его божественные стопы, и по стволу креста.

Все тело Спасителя было покрыто синими, черными и желтоватыми пятнами, кровоподтеками и ужасающими ранами. От Его тела отрывались частицы, и из них текла алая кровь. Позднее кровь стала беловатой, все тело Спасителя сделалось более бледным, и Он стал походить на мертвеца, истекшего кровью. Но, несмотря на бесконечное множество страшных ран, которые должны были бы изуродовать Его, тело Господа и на Кресте продолжало сохранять облик благости, достоинства и благодати, умиляющих сердце до слез.

Сын Бога живого, любовь вечная, закланный во времени, был прекрасен, удивителен в чистоте и святости Своей, в теле Агнца Божия, проливающего Кровь Свою, отягченного грехами всех людей от века ...

Цвет кожи Спасителя, как и у Пречистой Богоматери, был светлый и розовый. В последние годы жизни от усталости и постоянного утомительного хождения цвет Его лица изменился и потемнел. Его грудь, выпуклая и широкая, почти не была покрыта волосами, в противоположность Предтече Иоанну. У Спасителя были широкие плечи, сильно развитые мышцы рук и ног. Голени сильны, как у человека, очень много ходившего и много молившегося. Руки были правильны, прекрасны и вместе с тем сильны, как у человека, живущего работой рук Своих; пальцы рук длинные и удивительно совершенны по красоте своей. Голова соразмерная телу, лоб высокий и красивый, лицо прекрасное по своему овалу. Волосы - темновато-белокурые и тонкие, разделялись посредине и ниспадали на плечи. Шея Его довольно длинная, сильная и мускулистая. Короткая борода разделялась под подбородком.

На Кресте у Спасителя почти все волосы были вырваны, а оставшиеся слиплись от крови. Все тело Его представляло одну сплошную рану, вернее, ряд страшных непрерывных ран. Его грудь была вся изодрана, тело утратило свою обычную форму и в некоторых местах из-под кожи виднелись кости... Само тело Спасителя вытянуто настолько, что не везде покрывало собой ширину Креста.

Крест Господень с тыльной стороны круглый, спереди же плоский и гладкий, исключая те места, где были сделаны небольшие углубления. Крест был из дерева неодинакового цвета: желтого и коричневого. Главный ствол темнее остального; похоже было, что дерево, из которого его сработали, долгое время находилось в воде. Кресты разбойников, сделаны намного грубее.

Расстояние между крестом Спасителя и крестами разбойников такое, что даже всадник мог бы проехать между ними. Кресты двух разбойников были обращены друг к другу и были ниже креста Спасителя. Один из разбойников молился, другой оскорблял Спасителя.

Оба разбойника на крестах представляли собой ужасное зрелище. Все члены их тел были вывихнуты, и сами тела покрыты страшными ранами. Их лица были синевато-багрового цвета. Глаза кроваво-красного цвета, казалось, выступали из орбит своих. Их жалобы и крики возбуждали ужас.

Гесмас изрыгал богохульства и проклятия. Его опьянение увеличивало его злобу и ярость. Гвозди крестов задевали их головы, они бились и дергались самым жутким образом. И, хотя ноги их были крепко привязаны, они все же сильно двигали ступнями и приближали колена свои к стволам крестов.

Палачи, распяв двух разбойников и продав одежды Спасителя, собирали свои орудия казни. Затем, надругавшись еще раз над своей Жертвой, они удалились. Фарисеи тоже стали собираться в обратный путь. Они подъехали на своих

лошадях к кресту Спасителя, остановились на некоторое время против Него и, прежде чем удалиться, еще раз осыпали Его оскорблениями.

Примерно половина римских воинов, из размещенных на горе Голгофе и в ее окрестностях, также удалились, оставив стражу из пятидесяти человек. Центуриона, возглавлявшего полусотню, звали Авенадар (араб по происхождению), впоследствии его крестили под именем Клесифон. Под его началом находился начальник отряда офицер Кассий (оруженосец Пилата, позднее получивший имя Лонгин).

В это время вернулась делегация, посланная к Пилату с просьбой разрешить сделать другую надпись на кресте, из двенадцати фарисеев, двенадцати саддукеев, двенадцати законников и нескольких старейшин. Римский правитель принял их очень плохо, и это обстоятельство сильно усилило их злобу и ярость. Они обошли всю площадку места Распятия и оттолкнули Богоматерь, осыпая грубыми и оскорбительными словами. Иоанн, не покидавший Ее, был принужден отвести Пресвятую Деву к святым женам. Магдалина и Марфа приняли Ее в свои объятия.

Приблизившись ко Кресту и став против Спасителя, враги Его качали с презрением головами, говоря: «Ну что, нечестивец? Так-то Ты разрушаешь храм, чтобы воздвигнуть его на третий день? Если Ты Сын Божий, сойди с Креста, и мы поверим в Тебя. Он надеялся на Бога, посмотрим, как Бог Его спасет!»

Воины присоединились к их грубым оскорблениям: «Если Ты Царь Иудейский, - говорили они, - спаси Себя и сойди с Креста!» Спаситель был почти без сознания от испытываемых страданий.

Гесмас, разбойник, распятый слева, сказал: «Его демон-покровитель покинул Его», а один из воинов, прикрепив к трости губку, смоченную в уксусе, поднес ее к устам Его. Оскорбления продолжались, воин повторил те же слова: «Если ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого!»

Тогда Спаситель, приподняв слегка главу, произнес: «Отче, прости им, ибо они не знают, что творят!» - и продолжал молча молиться за них. Тут разбойник Гесмас сказал Ему: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас». Другой разбойник, Дисмас, висевший справа от Спасителя, был глубоко тронут: Спаситель молится за Своих врагов. Оскорбления и надругательства продолжались до первой смены воинов группой Авенадара.

Пресвятая Дева Мария услышала голос Сына Своего, и Ее невозможно было удержать вдали от Него. Она снова приблизилась к Кресту. Иоанн, Саломия, Мария Клеопова последовали за Нею, и центурион не препятствовал им в этом.

Благоразумный разбойник Дисмас по молитве Спасителя получил большие духовные милости и озарения, когда Богоматерь приблизилась ко Кресту. Возвысив голос, он произнес приблизительно следующее: «Вы оскорбляете Его, а Он молится за нас. Как это возмутительно! Он молчит, Он страдает, Он молится за нас, а вы продолжаете оскорблять Его, глумиться над Ним. Он Пророк, Царь наш, Сын Божий!»

Слова упрёка, исходящие от распятого разбойника вызвали некоторое смятение в среде врагов Спасителя. Они подняли камни, чтобы убить Дисмаса, но центурион воспрепятствовал их замыслу. Он рассеял их и заставил держаться спокойно.

Дисмас сказал Гесмасу: «Ты не веришь в Бога и страдаешь наравне с Ним, но мы страдаем справедливо! Он же не сотворил никакого зла. Лучше исповедуй грехи свои и подумай о душе своей!» Сам же Дисмас, совершенно просветленный и растроганный, каялся, говоря: «Господи, если Ты осудишь меня, то будешь прав! Но будь милостив ко мне». И Спаситель отвечал: «Ты узнаешь Мое милосердие!» После этого Дисмас получил благодать полного покаяния и оставался с четверть часа погруженным в самые благие мысли. Это происходило от двенадцати по полудни до половины первого, вскоре после Распятия. Пресвятая Дева чувствовала Себя подкрепленной благодаря молитве Спасителя.

Вскоре внутреннее состояние большинства присутствующих резко изменилось. В природе произошло необычайное явление, наполнившее души всех присутствующих ужасом и смятением!

Глава 11 Усыновление Иоанна

Утром, до десяти часов, когда Пилат произнес смертный приговор, шел небольшой град. Затем, с десяти часов и до полудня, выглянуло солнце. Позднее оно закрылось облаками, плотными и красноватыми. Около полудня или, вернее, половины первого (евреи не исчисляли времени, и день у них начинался с восходом солнца) солнце внезапно затмилось!

Мне было показано затмение во всех подробностях. К несчастью, я забыла часть виденного, а для того, чтобы передать то, что запомнила, не нахожу подходящих слов.

Прежде всего я была приподнята над землей и увидела различные части небосклона и орбиты звезд, скрещивающиеся особым образом. Вдруг я увидела луну, быстродвигающуюся в виде огромного огненного шара! Потом опять очутилась в Иерусалиме и заметила, как луна показалась над Гефсиманской горой. Она была бледная и полная. Солнце же затмили тучи. На востоке от солнца я увидела темное тело, вроде горы, совершенно закрывшее его. Центр тела был темно-желтый, и огненное кольцо окружало его. Небо сделалось темным, появились звезды и светили красноватым светом. Среди людей и животных возникло великое смятение. Вьючные животные на горе Голгофе испускали тревожные крики и во множестве падали.

Враги Спасителя примолкли. Фарисеи, правда, пытались дать естественное объяснение происходившему явлению в природе, но это плохо им удавалось, и скоро их самих охватил ужас. Все присутствующие смотрели на небо. Многие били себя в грудь, ломали в ужасе руки, восклицая: «Пусть Кровь Его падет на Его убийц!»

Многие на горе Голгофе и на некотором расстоянии от нее падали на колена, прося прощения у Спасителя, и Господь среди Своих предсмертных страданий взглянул на них взором, полным милосердия... Между тем тьма сгущалась кругом все сильнее и страшнее! Возле Креста оставались лишь Матерь Божия и Ее верные друзья.

Дисмас, погруженный в глубокое покаяние, смиренно поднял глаза к Спасителю и произнес: «Господи, приведи меня к месту спасения. Помяни меня, когда придешь во Царствие Твое». И Господь сказал ему! Истинно говорю тебе, что сегодня же ты будешь со Мною в раю».

Пресвятая Богородица, Мария Магдалина, Мария Клеопова, Саломия и Иоанн стояли возле Креста, устремив взоры на Спасителя. Повинуясь материнской любви, Пречистая Дева молила Сына Своего позволить Ей умереть вместе с Ним. Спаситель посмотрел на Свою горячо любимую Мать с глубоким сочувствием, затем переведя взгляд на Иоанна, Он сказал Ей: «Жено, се сын Твой он будет Тебе сыном, как если бы Ты действительно дала ему жизнь». Господь сказал еще несколько слов в похвалу святому Иоанну: «Он всегда оставался верным и не поддавался искушению, кроме того дня, когда мать его поддалась честолюбивой мечте». И затем, обращаясь к Иоанну, Спаситель сказал ему: «Вот Мать твоя».

Иоанн как любящий, почтительный сын тут, у подножия Креста Искупителя, почтительно принял свою новую Мать, данную ему Господом. Слова Господа так поразили Пресвятую Деву, что Она почти без чувств опустилась на руки окружавших Ее святых жен, которые отнесли Ее немного в сторону от Креста к склону горы.

Не следует удивляться тому, что Спаситель, обращаясь к Пресвятой Деве Марии, дает Ей в данном случае имя: «Жено», а не «Мать». Господь хотел отметить в Ней Ту Жену, Которой от века суждено раздавить главу змия, и событие это должно совершиться благодаря Крестной смерти Спасителя.

Не следует удивляться и тому, что Та, Которую Ангел назвал Благодатной, приемлет здесь Иоанна как сына, ибо имя Иоанн означает благодать. Апостол Иоанн стал чадом Божиим, и Христос жил в нем. Господь дал Богородицу Матерью всем, кто, подобно Иоанну, принимает Спасителя и, веруя во Имя Его, делается чадом Божиим. И люди те рождаются не от плоти и крови, не от желания мужа, но от Иисуса Христа.

Самое чистое, самое смиренное и покорное Богу создание из всех рожденных на земле, в свое время произнесло слово, обращенное к Ангелу: «Се, Раба Господня, да будет Мне по слову Твоему». А теперь, услышав из уст Своего

умирающего Сына, что должна стать духовной Матерью другого сына, Она в сердце Своем повторила те же слова, выражавшие наивысшую покорность Воле Божией: «Се, Раба Господня, да будет Мне по слову Твоему».

Богоматерь усыновила как Своих детей чад Божиих, всех братьев и сестер Христа Спасителя. Это усыновление стало таким простым и естественным, столь чудесно богатым и плодотворным, что душу охватывают чувства благодатные и радостные, трудно передаваемые словами.

Эммерих вспоминает слова Спасителя, сказанные ей при других обстоятельствах: « Все написано в сердцах чад Церкви Божией. Она же обладает тройным сокровищем: веры, надежды и любви ».

Это случилось, когда однажды, слушая дивную проповедь Спасителя, я обратилась к Нему с вопросом: «Отчего не записывает ученик этих слов, чтобы наш бедный мир узнал?» И Господь ответил: « Я сею любовь, работаю над виноградником там, где он приносит плоды. Если же слова эти были бы записаны, их постигла бы та же участь, что и многие другие слова - забытые, заброшенные или искаженные. Много из незаписанного приносит больше плода, чем записанное. Незаписанный закон соблюдается лучше всего. Все записано в сердцах чад Божиих, обладающих тройным сокровищем: веры, надежды и любви».

В половине второго ангелы повели меня по городу, чтобы показать происходящее. Полный мрак царил в городе. Везде я видела смятение и ужас. На улицах люди сталкивались друг с другом. Многие сидели на земле, закутавши головы в покрывала, и били себя в грудь. Иные, поднявшись на террасы, глядели в небо и рыдали. Животные кричали и старались спрятаться. Птицы, летая, задевали землю и падали.

Я видела Пилата, он отправился к Ироду. Оба смотрели вместе на небо с большим беспокойством, с той самой террасы, откуда утром Ирод взирал на Спасителя, преданного на поругание.

«Все происходящее - сверхъестественно, - говорили они, - слишком далеко зашло по отношению к Иисусу ». Затем Ирод и Пилат вместе прошли к форуму, чтобы вместе достигнуть дворца Пилата. Оба они были сильно взволнованы, их окружала стража, и шли они большими шагами. Пилат не смел поднять глаза на место, называемое Габбата, откуда он изрек смертный приговор Спасителю! »

Форум был почти пуст, лишь несколько человек шли ускоренным шагом, чтобы быстрее оказаться у своих жилищ! Люди пробегали по улицам с тревожными криками и собирались кучками на площадях.

Пилат велел призвать к себе старейшин и спросил их, что они думают о наступлении мрака. Сам он видел в происходящем угрожающее знамение: их Бог

явно рассержен за то, что они требовали смерти Галилеянина, их Пророка и Царя. К нему же происходящее не относится, он умыл себе руки и ему не в чем себя упрекнуть. Старейшины упорствовали в своем ожесточении, заявляя, что не следует видеть в происходящем нечто сверхъестественное, и не обратились душой.

Впрочем, некоторые все же изменились в своем внутреннем состоянии, и среди них те воины, которые присутствовали при аресте Спасителя и которые упали под влиянием Его слов на землю.

Между тем перед дворцом Пилата собралась порядочная толпа. И там, где утром кричали: «Распни! Избавь нас от Него!», теперь раздавались возгласы: «Долой судию неправого! Пусть Кровь Жертвы падет на главы убийц!» Пилату пришлось усилить стражу вокруг себя, опасаясь за свою безопасность.

Садох, который утром в претории свидетельствовал о невиновности Спасителя, теперь так громко кричал у ворот дворца, что правитель хотел даже арестовать его. Пилат, человек холодный и бездушный, обратился теперь к евреям с горькими упреками, что ему не в чем упрекать себя; Тот, кого они заставили казнить, был их Пророк, их Царь, их Святой! Он, Пилат, был не их веры - виновны все они, а он, Пилат, был вынужден уступить их домогательствам.

Ужас царил в храме: происходило заклятие Пасхального агнца, когда внезапно наступил полный мрак и страшное смятение. Со всех сторон раздались зловещие стоны. Старейшины и священники употребляли все усилия к тому, чтобы поддержать порядок. Зажгли лампы, однако смятение все возрастало.

«Я видела, - продолжала Эммерих, - как Анна находился в глубоком страхе, он метался из стороны в сторону, пытаюсь скрыться. Когда я вышла из храма двери и окна качались, хотя ветра почти не было. Я видела на окраине города к северо-востоку место, где было много садов с усыпальницами, где открылись гробницы и земля сотряслась!»

Внезапно наступивший мрак вызвал ужас и на Голгофе.

Шум от орудий палачей, их грубые окрики, жалобы двух разбойников, оскорбительные крики фарисеев, передвижение воинов, уход злобных пьяных палачей с Лобного места - все это как бы заглушило вначале впечатление от внезапно наступившей тьмы. А мрак все усиливался... В задумчивости и смущении зрители стали расходиться. В это-то время Спаситель поручил апостолу Иоанну Свою Мать, и Пресвятую Деву без чувств отнесли на некоторое расстояние от Креста.

И тут наступило несколько мгновений зловещей тишины. Толпа ужасалась наступившей тьме. Все смотрели на небо, в душах чувствовалось пробуждение раскаяния. Многие били себя в грудь и обращались к Богу, и те, кто испытывали одинаковые чувства, невольно сближались и сплачивались...

Фарисеи, втайне встревоженные, громко заявляли, что в происходящем нет ничего сверхъестественного, однако же речи их все больше становились неуверенными, и, наконец, они совершенно умолкли.

Солнечный диск стал темно-желтого цвета, вроде цвета гор при лунном свете. Солнце было окружено красноватым кольцом, от звезд на небе исходил тусклый свет. Множество птиц в смятении упало на гору Голгофскую и на соседние с ней виноградники. Животные дрожали, и слышно было их глухое рычание. Лошади фарисеев жались друг к другу поникшими головами. Темные испарения покрывали всю поверхность земли.

Вокруг Креста царила глубокая тишина. Почти все зрители устремились к городу. Распятый Спаситель испытывал неопишуемые страдания и при этом чувство полной покинутости. Всецело поглощенный мыслью об Отце Небесном, Иисус возвысил к Нему Свою любовь и молитвы за врагов. И как во время Крестного Пути и распятия, Христос повторял те псалмы, которые теперь получали свое исполнение. Ангелы теснились вокруг Него.

Когда мрак достиг своей высшей точки и ужас, охвативший сердца, водворил общую тишину, я видела, - передавала Эммерих, - как Спаситель страдал Один без утешения. Он испытывал то, что претерпевает среди самых горьких страданий человек, совсем оставленный, без утешения небесного и земного. Тут вера, надежда, любовь остаются без облегчения, без утешения и света и они одни поддерживают покинутую душу среди пустыни испытаний и смертельного ужаса. Страдание это поистине невыразимо!

Своими Крестными Страстями Спаситель выстрадал нам милость победоносно переносить неопишуемо тяжкое испытание полной покинутости, ибо Господь Своей бедностью и муками за нас, грешников, присоединил нас к Телу Святой Церкви. И, присоединенные к ней, мы можем не бояться полного отчаяния в наш последний час, когда кругом мрак и нет утешения, нет света... Горе нам, бедным, если бы нам пришлось проходить одним без поддержки и напутствия, пустыню страшной внутренней ночи души. Но Господь по Своей благодати наполнил бездну - страшную бездну внешней и внутренней покинутости - Своей покинутостью, вытерпленной Им на Кресте.

И после Него христиане, лишь бы захотели этого, никогда не останутся одни, покинутые в смертный час при полном оставлении от окружающих. И для христиан, благодаря Спасителю, нет пустыни, одиночества, оставленности и отчаяния в час их последней борьбы. И это благодаря тому, что Господь - Путь, Истина и Жизнь - посеял Свое благословение, освятил Собой мрачный последний путь. Он победил мрак пропасти с ее ужасами и водрузил Свой Крест среди пустыни. Спаситель, покинутый, без помощи, совершил дело Любви, отдал Себя Самого. Свою оставленность, Свое одиночество на Кресте Он превратил в драгоценное сокровище и отдал его нам.

Себя Самого, Свою жизнь, Свои труды, Свою любовь, Свои страдания и горькую нашу неблагодарность - все отдал Он Отцу Своему Небесному, чтобы покрыть нашу слабость и нашу духовную бедность. Он завещал все в присутствии Отца Своего, и по завещанию оставил все, что имел, Своей Церкви и грешникам. В Своем одиночестве и в Своей покинутости Он подумал обо всех и не забыл никого из тех, кому придется жить до конца веков на земле.

Господь молился и за тех безумцев, кои мнят, что, будучи Богом, Он не мучился во время страданий Своих, как страдал бы простой человек на Его месте. Когда я старалась присоединиться к Его молитвам, мне показалось, что Спаситель хотел, чтобы верным проповедовали о том, что Его страдания были сильнее, чем у простого человека в своей покинутости и оставленности. Он страдал так сильно оттого, что был Богом и Человеком одновременно. В Своей оставленности как Человек Он должен был испытать всю горечь одиночества Богочеловека. Этого нельзя передать словами!

Среди Своих жестоких страданий Господь жаловался на Свою покинутость, и тем самым, Своей мольбой и жалобой Он даровал всем покинутым, но верующим в Бога как в Отца своего, право взывать к Отцу, жаловаться Ему с детской простотой Его чад. И около третьего часа Он произнес с тоской: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты оставил Меня?»

Его возглас был слышен среди общего молчания, царящего вокруг, и враги Спасителя, собравшись ко Кресту, говорили: «Он зовет Илию». А один сказал: «Мы увидим, придет ли Илия Ему на помощь».

Пресвятая Дева Богородица, услышав голос Своего Возлюбленного Сына, не могла сдержать Своего горячего желания увидеть Его вблизи, и Она поспешно направилась к самому Кресту, Иоанн, Магдалина, Мария Клеопова, Саломея последовали за Нею.

В то время, как народ трепетал и испускал крики ужаса, подъехали около тридцати всадников. Они ехали в Иудею из окрестности Иоппии и направлялись на праздник. Увидев, в какое страшное состояние страданий приведен Спаситель, а также поразительные явления в природе, они выражали свое негодование, говоря: «Не будь храм истинного Бога в Иерусалиме, надо было бы предать пламени этот город варваров, совершивших столь тяжкое злодеяние!»

Слова эти, произнесенные иноземцами, по-видимому из богатых семейств, послужили поддержкой для народа. Со всех сторон слышался ропот и возмущение. Люди, объединенные одними чувствами, приблизились друг к другу. Все присутствующие разделились на два лагеря: одни роптали и рыдали, другие были полны богохульных помыслов.

Фарисеи, однако, притихли. Зная о возрастающем волнении в Иерусалиме, они решили договориться с центурионом Авенадаром о принятии мер предосторожности. Условлено было, что закроют ближайшие ворота, чтобы прервать сообщение недовольных на Голгофе и в Иерусалиме, и что пришлют пятьсот воинов из охраны Пилата и Ирода, дабы воспрепятствовать всякой попытке восстания. В это время центурион сделал несколько распоряжений для поддержания порядка и запретил фарисеям возвышать голос - их выкрики вызывали гнев народа!

К трем часам мрак несколько уменьшился, однако солнце давало лишь слабый красноватый свет, затмеваемый облаками, луна быстро двигалась, можно было подумать, что она готова упасть на землю. Свет солнца стал понемногу возвращаться, и звезды исчезли с небосклона, однако земля была еще в полутьме. По мере того, как уменьшался мрак, враги Спасителя становились

снова все смелее и победоноснее. В это время они говорили: « Он зовет Илию ». А Авенадар делал распоряжения и поддерживал порядок.

Глава 12 Последние слова Спасителя

Когда дневной свет явился вновь, тело Спасителя казалось еще более бледным и истощенным, чем раньше, так как Он потерял почти всю Кровь.

Я слышала, как Он говорил: «Я словно в точиле и как виноград, который выжимают впервые. Мне подобает отдать всю Мою Кровь даже до последней капли так, что останется лишь Плоть. Но в этом месте уже не будут делать вина».

Спаситель был совершенно истощен. Из Его пересохших уст вырвались слова: «Я жажду!» Его близкие смотрели на Него с тоской и грустью. Он словно просил их: «Не сможете ли вы дать Мне стакан воды?» Если бы они воспользовались мраком, то смогли бы совершить это незаметно. Иоанн же в смущении говорил: «Господи, мы забыли, не успели это сделать». - И Спаситель Ему сказал: « Мои близкие должны были забыть Меня, не подумали даже дать Мне стакан воды. Так должно было быть, дабы исполнилось Писание». Эта оставленность для Него была особенно чувствительна.

Друзья Спасителя подошли к воинам, прося их дать Спасителю стакан воды, и предлагали им за это деньги, но они не отозвались. А один из них намочил губку в уксусе и прибавил туда еще желчи. Однако Авенадар, сердце которого начинало обращаться к истине и смягчаться, взял губку из рук воина, выжал ее и обмакнул в один уксус. Затем он прикрепил губку к тростниковой трубке, которую употребляли, чтобы пить, и поднял ее к Спасителю. Когда губка коснулась уст Спасителя, Он проглотил несколько капель уксуса.

Господь сказал еще несколько последних слов, обращенных к народу. Я помню только, что Он произнес: «Когда Я уже не смогу говорить, тогда мертвые будут говорить за Меня». Многие закричали: «Он еще богохульствует!», но Авенадар приказал им замолчать.

Однако час Спасителя нашего настал! Он боролся со смертью, и холодный пот покрыл Его чело. Апостол Иоанн стоял у подножия Креста и отирал пеленой ноги Спасителя. Мария Магдалина, изнемогшая от скорби стояла,

прислонившись ко Кресту (к более высокой его части). Пречистая Богородица стояла между Крестом Спасителя и крестом разбойника благоразумного. Ее поддерживала Мария Клеопова и Саломия. Очи Ее были устремлены на умирающего Божественного Сына.

И тут Спаситель произнес: «Свершилось!» Затем, приподнявши главу Свою, Он воскликнул громким голосом: «Отче Мой! В руки Твои Я предаю душу Мою!» и возглас сей громкий и одновременно краткий как бы пронзил землю и небеса. Затем Господь опустил главу Свою и испустил дух. Иоанн и святые жены пали, лицом к земле.

«Я видела, - свидетельствует Эммерих, - как душа Спасителя в виде блистающего тела спустилась по Кресту в землю, чтобы проникнуть в преисподнюю!»

С того времени, как Авенадар поднес губку к устам, Спасителя, он оставался возле Креста верхом на лошади. Он был растроган до глубины души. Взор его был неотрывно направлен на лик Спасителя, и глубокие думы наполняли душу. Конь стоял неподвижно, грустно опустив голову. Сам же Авенадар, словно побежденный в своей гордости, не держал поводьев в своих опущенных руках, оставив их.

Последние слова Свои Спаситель, отдавая душу, возгласил громко. И возглас этот пронзил и небо, и землю, и преисподнюю. Земля задрожала, скалы горы Голгофы рассеклись в месте, бывшем между Крестом Спасителя и крестом разбойника благоразумного.

Глас Божий - Глас торжественный и страшный - раздался среди молчаливой природы: «Свершилось!» Душа Спасителя покинула Его тело. Последний возглас Спасителя порастил всех, кто слышал Его, неописуемым ужасом. Земля, разверзаясь, воздала свидетельство Творцу своему, и меч скорби пронзил душу любивших Христа.

Для Авенадара то было часом милости и благодати. Конь его задрожал; сердце Авенадара в эту минуту было тронуту: гордость сломилась, как камень скалы. Он отбросил свое копьё далеко от себя и, ударяя себя в грудь, воскликнул громким голосом, искренним и благородным, голосом преображенного небом человека: «Да благословен будет Всевышний, Всемогущий Бог, Господь Авраама, и Исаака, и Иакова! Поистине, то был Праведник, поистине Сын Божий!» И несколько воинов, тронутых словами своего начальника, обратились, подобно ему, к Богу.

Авенадар, преображенный в нового человека, воздавши всенародно свидетельство своей веры в Сына Божия, не захотел больше оставаться на службе у Его врагов. Соскочив с коня, он передал его Кассию, который принял командование отрядом. Авенадар же, быстро спустившись с горы Голгофской, пересек долину Гиона и направился к долине Хеонской. Он сообщил о смерти Спасителя ученикам, скрывавшимся в тех местах, и сам направился ко двору Пилата.

Последний возглас Спасителя, сотрясение земли, распадение скалы, разверзшейся с шумом, - все это наполнило ужасом присутствующих. Страх и

трепет объял и природу. Завеса храма разодралась! Мертвые вышли из гробов, открывшихся чудесным образом. В самом храме некоторые стены треснули, и во многих местах на земле дрогнули горы и пали здания.

И в то время, как Авенадар воздал свидетельство свое Истине, многие воины последовали его примеру, а также часть из народа, и даже некоторые из пришедших фарисеев обратились в то время к Истине. Одни, испуская громкие крики, били себя в грудь, стремительно возвращались в свои дома, другие раздирали на себе одежды и посыпали главы своим прахом земным - смятение было общим.

Апостол Иоанн встал, некоторые святые жены, отошедшие в сторону, приблизились. Они помогли подняться Пречистой Деве и Ее спутницам. Начальник жизни, Тот, Кто захотел заплатить за грешников, искупив их, отдал Свою душу Богу и дозволил смерти поднять руки на Себя. И святая плоть, обиталище вечного Слова-Логоса, теперь преданная поруганию, приняла мрачный облик смерти.

Тело Спасителя содрогнулось конвульсивно и стало совершенно бледным. Лишь запекшаяся Кровь оставляла на Нем пятна на ранах. Лик Спасителя удлинился, Его ланиты опустились, нос вытянулся, подбородок припал к груди; очи Его, наполненные кровью, наполовину приоткрылись... На одно мгновение Он приподнял Свою голову, отягощенную терновым венцом, и снова уронил ее на грудь под тяжестью страдания. Синеватые губы, израненные и частью разодранные, раскрылись, и виден был язык весь в крови. Пальцы Его рук, ранее как бы сжимавшие головки гвоздей, теперь раскрылись, разжались и повисли без жизни. Сами руки вытянулись, спина прижалась к стволу Креста, и всей тяжестью Своей все тело опустилось, оперлось на ноги. Колени приблизились одно к другому, понизившись. Ноги застыли вокруг гвоздей, пронизывающих их...

В эти минуты руки Пресвятой Девы Марии онемели и похолодели, очи закрылись, смертная бледность покрыла весь лик Ее. Уши уже не слышали, ноги уже не держали Ее, и Она опустилась на землю. Иоанн, Мария Магдалина и остальные жены, закрывши лица покрывалами, также пали на землю в своей невыразимой скорби...

Когда друзья подняли скорбящую Мать, Она снова открыла очи Свои. И тут Она увидела тело Сына Своего зачатого без семени Ею от Духа Святого, Плоть от Ее Плоти, Сердце от Ее Сердца, святой храм, созданный силой Божией в Ее утробе и теперь разрушенный, лишенный всей Своей красоты. Отлученный от души и преданный во власть закону природы, которой Он был Создатель в ее совершенстве, природы, поврежденной грехом человека.

Кто может передать безмерные страдания Богоматери, Той, Которую Церковь по справедливости называет Царицей мучеников, Радостью всех скорбящих и страждущих... Пречистая Богоматерь должна была узреть Его истерзанным, обезображенным, поруганным руками тех, кого Он хотел спасти и возродить, для чего пришел в мир. Униженный, обещанный, презираемый, на Кресте Он был

между убийцами-разбойниками. Он, Спаситель, был подобен прокаженному. Он - воплощенная красота, истина и любовь!

Глава 13 Явления умерших

Было чуть позже трех часов, когда Спаситель предал Свою душу Богу.

Солнце было затуманено, и его лучи еще не достигали земли. После произошедшего землетрясения воздух казался тяжелым и спертым, потом стало свежее. Окровавленное тело Спасителя на Кресте не производило отталкивающего впечатления. Вид же разбойников был страшен; оба хранили молчание. Дисмас молился про себя.

Ужас от землетрясения немного уменьшился, и к некоторым из фарисеев стала возвращаться прежняя злоба и наглость. Они даже подошли к образовавшейся расселине в скале Голгофской, и, связав несколько веревок и привязав к их концу камень стали опускать его, чтобы узнать глубину, и были изумлены, что не могли достать дна. Они снова стали задумчивыми и обеспокоенными. Их пугал народ, с воплями отчаяния бьющий себя в грудь и спешно покидающий Лобное место. У некоторых в сердцах начали пробуждаться угрызения совести. Постепенно народ разошелся с места казни, рассеявшись по городу и по равнине в величайшем смятении. Многие тогда обратились к Богу.

Около пятидесяти римских воинов были приставлены к воротам города до прибытия подкрепления в пятьсот воинов, затребованного сюда для предотвращения восстания. Ворота закрыли, и воинов расставили по всем главным местам города, чтобы разогнать собирающийся в толпы народ и предотвратить волнения. Кассий остался возле Креста, имея при себе всего пятерых воинов (возле прилегавшей стены). Друзья Спасителя у Креста Его со стенанием и плачем предавались величайшей скорби.

Некоторые из святых жен вернулись в город. Тишина, скорбь и безлюдье царили возле тела Господа. А там, в долине, время от времени появлялись ученики Спасителя, устремляя робкие, испуганные взоры по направлению Креста Господа и быстро скрывались при приближении прохожего.

« В то мгновение, когда Спаситель, испустивший громкий возглас, предал Свою Душу в руки Отца Своего, я видела, как Душа Его сверкающей молнией спустилась вдоль Креста в глубь земли в сопровождении Ангелов, блистающих светом. Среди них я узнала Архангела Гавриила, - свидетельствовала Эммерих. - И тут же я увидела, как эти Ангелы низвергли в пропасть множество нечистых духов, наполнявших землю ».

По велению Спасителя некоторые души должны были вернуться из преисподней в свои тела, дабы воздать Ему свое свидетельство и внушить спасительный страх нераскаявшимся грешникам. Когда во время кончины Господа произошло землетрясение и разверзлась Голгофская скала, земля содрогнулась во многих других местах, особенно в Иерусалиме и в остальной части Палестины.

Едва город стал приходить в себя от ужаса внезапной тьмы, помрачения солнца и землетрясения, как вдруг колебания земли повторились и треск рушившихся зданий снова создал панику. Многие с воплями бросились бежать. Каково же было их потрясение и ужас, когда во время бегства на улицах города они сталкивались с призраками, которые останавливали их, обращаясь к ним замогильными голосами со страшными упреками и укорами. В храме священники приступили к прерванной церемонии заклания Пасхального агнца. Они уже торжествовали, радуясь дневному свету, когда внезапно земля дрогнула и раздался глухой подземный шум, затем грохот треснувших и обрушившихся стен. Занавес в храме разодрался надвое.

Немой зловещий ужас охватил громадное скопище народа, заполнившего иудейский храм. В возникшей жуткой тишине раздались крики отчаяния. Огромное здание храма было переполнено народом, однако сохранялся образцовый порядок. Движения священнослужителей были строго согласованы и занимали все внимание присутствующих. Уже приступили к окроплению кровью жертвы, раздавались пение псалмов и звуки труб. Все шло по обычному ритуалу, и городское смятение почти не проникало в храм. Но так было до тех пор, пока в различных частях храма не стали появляться призраки умерших - явление, вызвавшее панику, как бы осквернившее храм и прервавшее само жертвоприношение. И все же среди всеобщего волнения соблюдался некий порядок: народ покидал храм группами. Пока одни стремительно спускались по ступенькам храма, священникам удавалось сдерживать напор следующей массы людей, предотвращая гибельную давку. Но ужас и смятение были неопишуемы. Чтобы представить себе тогдашнюю картину громадного храма, надо вообразить муравейник, в который бросили камень и затем стали шевелить его палкой, тогда как все его обитатели были заняты работой. В одном месте сумятица так сильна, что одни муравьи бросаются на других, чтобы избежать опасности, а в другом работа еще идет, невзирая на происшествие; и даже в тех местах, где более всего нарушен порядок, снова берутся за работу.

Первосвященник Каиафа и его помощники не потеряли присутствия духа и внешне сохраняли спокойствие и уверенность. Прибегая то к угрозам, то к увещаниям и даже шуткам, они все же не сумели предотвратить панику. Благодаря своей дьявольской душевной черствости, они быстро освоились в создавшейся обстановке и не увидели в происходящих явлениях знака гнева Божия как свидетельства невинности Иисуса.

Римский гарнизон крепости Антония также принимал все меры к поддержанию порядка. Ужас в городе был велик, праздник нарушен, но возмущения в народе все же не произошло. Кругом царила жуткая тоска и подавленность, хотя фарисеи всю старались рассеять страхи и тревогу от этих жутких знамений.

Большие колонны у входа в святилище, на которых держалась огромная великолепная завеса, рухнули со своих пьедесталов. Левая колонна упала по направлению к югу, а правая - к северу и огромная завеса разодралась посередине сверху до низу. На завесе были изображены разноцветные рисунки, астрономические сферы и прочие символические фигуры, а также изображение медного змия на кресте. Теперь взор мог беспрепятственно проникать во Свята святых. Большой камень вывалился из стены рядом с молитвенным местом старца Симеона у входа в святилище и свод молельни снизился. В других частях храма вследствие сотрясения земли упали двери, колонны растрескались и разрушились.

В святилище вдруг показался великий первосвященник Захария (убитый между храмом и алтарем, но не отец Иоанна Крестителя, а другой Захария, погребенный под храмом) и произнес угрожающую речь. Явившийся призрак первосвященника Захарии говорил об убиении Захария - отца Предтечи Иоанна Крестителя, об убиении самого Предтечи и насильственной кончине пророка вообще. Появился призрак из отверзшегося (благодаря колебанию земли и падению камня) основания храма возле святилища - места его погребения и старца Симеона. Явились два сына благочестивого Симеона Праведного, одного из предков старца Симеона, и также вещали грозно, обвиняя в убиении пророков, о том, что принятое у евреев жертвоприношение отменяется и призывали всех присутствующих принять учение Распятого. Пророк Иеремия явился возле алтаря и возвестил, что время прежнего жертвоприношения окончилось оно - заменяется новым. Первосвященники всячески отрицали и скрывали явления призраков им и остальным священнослужителям. Под угрозой строжайших наказаний они запретили говорить об этом народу. А эти чудесные явления сопровождалась новыми, не менее удивительными.

Вторые двери святилища открылись сами собой и раздался голос, вопиющий: « Уходите отсюда!» И я видела, что ангелы Господни покинули храм, и в то же время Никодим и Иосиф Аримафейский с друзьями ушли из храма. Алтарь благовонный рухнул, кафельница была опрокинута. Кафедра учителей, стоящая в притворе, также была опрокинута, разбились дощечки со священными писаниями, а сами свитки писаний и пергаменты смешались друг с другом... Смятение достигло своего апогея. Нарушились законы времен, и были утеряны порядок и время служения. Мертвецы являлись непрерывно в святилище, а также на галереях и в укромных местах храма, и обращались с угрожающими речами к народу, находящемуся тут. Затем по гласу ангелов мертвецы вернулись в свои гробницы.

Большая часть из тех тридцати двух фарисеев, которые были посланы на Голгофу последними, возвратилась в храм в момент всеобщего волнения. У

подножия Креста Господня некоторые из них обратились. Необычайные явления, свидетелями которых они стали потрясли их. Они обратились к Каиафе и Анне с горькими и отчаянными упреками, а затем покинули храм.

Анна, самый ярый из всех врагов Спасителя руководивший всей травлей, направленной против Него и наставлявший Его обвинителей, был в ужасе от происходящего. Он бросался в самые укромные уголки храма, бегал из угла в угол, словно выискивал место, чтобы укрыться. Каиафа тщетно пытался приободрить Анну. Сам же он, хотя и обеспокоенный и смущенный внутренне, был настолько ожесточен, что сумел не показать своего состояния и не хотел признавать знамений неба.

Когда дальнейшее продолжение жертвоприношения стало невозможным из-за состояния присутствующих, Каиафа приказал держать в тайне все происшествия, все явления, происходившие в храме. Он повторял сам и приказал священникам говорить, что явления гнева Божия были на приверженцев Галилеянина: они явились в храм, не соблюдая очищения. Он говорил, что лишь враги Закона, который Иисус пытался отменить, могли вызвать происшедшее в храме смятение. Все следует поставить в вину Тому, Кто при Своей смерти, как и при жизни, нарушал покой святого места. Такими речами Каиафе удалось успокоить одних и запугать других. Но многие продолжали волноваться, стараясь скрыть то, что они испытывали.

Празднование было прервано и отложено до тех пор, когда храм будет окончательно очищен. Многие агнцы не были преданы закланию к празднику Пасхи и народ расходился. Все знали, что гробница первосвященника Захария возле стены храма открылась, что сам Захария вышел из своей гробницы (но он не вернулся в нее, и я не знаю, куда он сложил свою смертную оболочку после своего явления; сыновья же Симеона Праведного вернулись в свое подземелье под горой храма в то самое время, когда положили тело Господа во гроб).

Во время мрачных событий, происходивших в храме, не меньший ужас и тревога царили в самом Иерусалиме. В три часа многие из гробниц, особенно в садах северо-западной части города, открылись. В одних гробницах лежали тела, покрытые пеленами, в других - лишь кости и обрывки тканей, а из некоторых гробниц исходил невыносимый запах.

В самом дворце Каиафы рухнули ступени, на которых стоял Спаситель и где Он был предан на поругание. Рухнуло и то преддверие, в котором апостол Петр имел несчастье отречься от своего Учителя. Разрушение здесь было так велико, что войти во дворец можно было лишь через другой вход. Великий первосвященник, один из предков Симеона Богоприимца, явился здесь и произнес грозные слова о нечестивом суде, совершенном на этом месте. При этом присутствовало несколько членов синедриона. Те люди, которые помогли прошлой ночью апостолам Иоанну и Петру войти во дворец, теперь обратились к Богу и ушли к ученикам Спасителя, скрывшимся в уединенных местах долины.

Во дворце Пилата подземный толчок произошел в том месте, где Спаситель был выставлен напоказ народу. Тот камень, на который был поставлен Спаситель, разлетелся на куски. А в соседнем дворе поколебалась земля в том

месте, где были погребены убитые Иродом после Рождества Христова младенцы. В городе стены многих домов были повреждены, но ни одно здание не подверглось полному разрушению. Римский правитель был вне себя и не знал, какие давать распоряжения. Земля колебалась под его дворцом. Пилат бегал из одной комнаты в другую, переходил из одного помещения в другое. Умершие явились и в его дом, упрекая его за несправедный суд. Пилат думал, что то были боги и духи казненного пророка. Он заперся в самой потаенной части своего дворца и стал приносить жертвы своим богам, давая им обеты, дабы они умилоствовали богов Галилеянина. Ирод же был почти помешан от ужаса и велел запереть все двери своего дворца.

Более ста Мертвецов различных эпох покинули свои гробницы и явились в Иерусалиме и в прилежащих окрестностях его. Они являлись в различных частях города и обращались к людям, в ужасе бегущим от них, упрекали народ и говорили о Спасителе. Правда, большая часть гробниц располагалась в окрестностях города, но их было немало и в новой части Иерусалима, в садах между Краеугольными и Голгофскими воротами. Были гробницы и возле храма, забытые и покинутые. Не все поднялись при раскрытии могил, но лишь души, которые были посланы Господом из преисподней. Призраки поднимались из своих гробниц и проходили неслышно по улицам. Они входили в дома своих потомков и в праведном гневе упрекали их за участие в причинении страданий Спасителю. Они чаще двигались по двое; под их длинными одеяниями не было видно движения ног. Казалось, они скользили, едва касаясь земли. У одних руки были еще связаны пеленами, у других - скрыты в одежде. Покрывала окутывали их головы, лица их были мертвенно бледны. Звук их голосов был жесткий и странный. Их присутствие ощущалось лишь по звуку их голосов. Покрывала их различались в зависимости от возраста умершего и эпохи, в которой они жили на земле. Они останавливались на тех местах, где при звуках труб оглашался приговор над Спасителем пред тем, как Его повели на Голгофу. Призраки же воздавали хвалу Господу, предвещая небесную кару Его убийцам. При их появлении люди останавливались и в оцепенении внимали их гласу, дрожа всем телом, а затем бежали при малейшем их движении. Жители прятались в самые укромные места своих жилищ. Велик был ужас во всем городе. Около четвертого часа мертвецы вернулись в свои гробницы. Многие должны были явиться еще раз после воскресения Спасителя. При всеобщем смятении жертвоприношение в храме было нарушено и лишь в немногих домах к вечеру вкушали Пасхального агнца.

Глава 14 Снятие Господа с Креста

Едва в городе стало несколько спокойнее, как на Пилата посыпались докучающие ему заявления и просьбы. После решения, принятого им утром,

Синедрион просил Пилата приказать перебить голени распятым и снять их с крестов, дабы не оставлять их на крестах в день субботний. Пилат послал для этого палачей на место казни. В это же время я видела, как Иосиф из Аримафеи отправился к Пилату. Иосифа известили о смерти Спасителя, и они с Никодимом решили положить тело Господа в новую гробницу, находящуюся в саду и принадлежавшую Иосифу. Сад этот находился недалеко от Лобного места.

Мне думается, я видела Иосифа до того, как он пошел к Пилату. Видела, что он за городом дает распоряжения и несколько слуг чистят гробницу и готовят место погребения. Никодим же отправился в несколько мест, чтобы закупить пелены и ароматы, а затем стал дожидаться возвращения Иосифа.

Иосиф застал Пилата в большом волнении. Без всяких предисловий он просил разрешения снять с Креста тело Иисуса, которое он, Иосиф, хотел бы положить в Гроб в своем владении. Пилата удивило, что такой почтенный в Иерусалиме человек, как о милости, просит тело преданного столь позорной казни. Просьба Иосифа напомнила ему о невинности Спасителя, и тоска сжала его душу. Однако он скрыл свои чувства и с удивленным видом спросил: «Правда ли, что Иисус уже умер?» Всего несколько минут назад он послал своих воинов, чтобы оказать казненным последнюю милость, перебив им голени. Пилат приказал позвать к себе Авенадара, который только что вернулся из пещер, где укрывались ученики Спасителя. Пилат спросил его, действительно ли Царь Иудейский уже умер. Авенадар рассказал ему о смерти Спасителя, о Его последних словах и о Его последнем возгласе, с которым Он отдал душу Свою Отцу Небесному. Рассказал о землетрясении и о том, как рассеклась скала горы Голгофской. Пилат, казалось, был удивлен лишь тому, что Иисус уже умер, ибо обычно распятые живут гораздо дольше. Внутренне Пилат был очень потревожен явлениями, сопровождавшими смерть Спасителя. Возможно, чтобы загладить свою жестокость, он тотчас же выдал Иосифу бумагу (приказ), в которой распорядился выдать ему тело Царя Иудейского, разрешив снять с Креста и немедленно предать погребению.

Пилат был рад случаю поступить наперекор старейшинам и первосвященникам еврейским, желавшим видеть Иисуса Христа погребенным в бесчестии между разбойниками. Он послал одного из своих воинов на Голгофу для исполнения своего приказа. Возможно, это было поручено Авенадару, так как Эммерих видела его присутствовавшим при снятии с Креста. Иосиф из

Армафеи тотчас же покинул дворец Пилата и направился к Никодиму. Тот ожидал его в доме одной богобоязненной женщины, жившей на главной улице поблизости от того места, где Спасителю пришлось перенести столько оскорблений в начале Своего Крестного пути. Никодим купил у этой женщины много ароматов и благоухающих трав для погребения. Другие ароматы, которыми она не торговала, а также пелены для погребения Никодим купил в другом месте. Все приобретенное им он собрал и упаковал в большой сверток. Иосиф купил в лавке прекрасную плащаницу из тонкой шерсти длиною в шесть локтей и широкую. Слуги Иосифа взяли с собой лестницы, молотки, доски, сосуды с водой, тазы и губки и вообще все необходимое для снятия тела с Креста. Многие из этих предметов были ими уложены в закрытые носилки, напоминавшие те, в которых ученики Иоанна Крестителя унесли тело его.

На Голгофе царило молчание, изредка прерываемое возгласами боли и страдания. Народ, охваченный ужасом, постепенно разошелся. Пречистая Богоматерь, возлюбленный ученик, Мария Магдалина, Мария Клеопова и Саломия в слезах стояли возле Креста, покрыв главы свои и плечи покрывалами. Несколько воинов сидели на земле, сложив копья возле себя, переговариваясь с товарищами, стоящими поодаль. Кассий на лошади переезжал с места на место. Облака покрывали небо, скорбь овладела всей природой. В это время на Голгофу пришли шесть палачей, вооруженных лестницами, факелами, веревками, тяжелыми железными трехгранными палицами для раздробления ног распятым. Когда палачи приблизились к Кресту, друзья Спасителя немного отступили. Пресвятая Богоматерь трепетала, страшась надругательства над телом Ее божественного Сына. И, казалось, Ее опасения имели основание. Подойдя к Кресту, палачи сначала подумали, что смерть симулирована, но наощупь убедились в том, что тело уже окоченело. По просьбе Божией Матери Иоанн подошел к ним и сказал несколько слов, после чего они отошли от Креста. Затем они поставили лестницы к крестам разбойников. С обеих сторон два палача, вооружившись трехгранными палицами, перебили разбойникам кости рук выше и ниже локтей. Третий же палач в это время перебил им ноги выше и ниже колен. Дисмас выпускал страшные вопли и чтобы покончить с ним, палачи нанесли еще три сильных удара в голову. Дисмас со стоном тотчас умер и был первым, кто увидел своего Искупителя на том свете. Затем палачи обрезали веревки, которые поддерживали тела разбойников, дав упасть двум трупам на землю. Они поволокли их в долину между горой Голгофой и городской стеной, где и погребли.

Все-таки палачи, казалось, сомневались в смерти Христа. Друзья Спасителя, свидетели происходящего, затрепетали от мысли, что они вернуться к Его Кресту. Но тут Кассий, офицер Пилата, молодой человек лет двадцати пяти, вдруг загорелся каким-то священным вдохновением. Он всегда отличался большой живостью и энергией, товарищи же часто подшучивали над ним, так

как у него было слабое зрение и косые глаза. Кассий видел нечеловеческую жестокость палачей, видел скорбь святых жен, и вот вспыхнувшее в душе его озарение подвигло его совершить чрезвычайное. И поступок этот должен был стать исполнением пророчества. Он выдвинул свое копьё (оно было складное и состояло из нескольких частей), укрепил острие и направил своего коня на узкое пространство пред самым Крестом Спасителя.

Я видела, что ему приходилось осторожно держать коня возле пропасти, открывшейся под его ногами. Кассий стоял по правую сторону Креста Господня, между Его Крестом и крестом доброго разбойника. Он вонзил свое копьё с такой силой в правый бок Христа, что острие копья вошло в Сердце Спасителя. Когда Кассий извлек копьё из раны, из нее хлынули кровь и вода и оросили его лицо, как потоком благодати спасения! И тотчас же, пораженный внезапным и неожиданным озарением свыше, Кассий спрыгнул со своего коня и, бия себя в грудь, громким голосом исповедовал свою веру в Спасителя! Пресвятая Богоматерь и святые жены, неотрывно взиравшие на тело Иисуса, с беспокойством следили за всеми движениями римского офицера. Когда копьё пронзило святейшее Сердце Спасителя, жены с возгласом скорби бросились ко Кресту. Пресвятая Дева Мария упала на руки Своих подруг, словно железо пронзило Ее собственное сердце... Кассий на коленях громко прославлял Имя Господне и благодарил Бога за дважды полученную милость и благодать, так как его телесные очи исцелились одновременно с очами души его.

Между тем кровь Господа, стекая по Кресту, наполняла собой углубление в скале. Пресвятая Богоматерь, святые жены и Кассий, глубоко взволнованные, с умилением и благоговением собирали драгоценную Кровь в сосуды, бывшие с ними, а также промокали пеленами эту Кровь до последней капли. Кассий был совершенно преображен. Глаза его перестали косить, зрение укрепилось, еще более удивительная перемена произошла во внутреннем его. Кассий не был уже прежним человеком - он стал скромным и простым.

Кассий при крещении получил имя Лонгина и проповедовал Евангелие как дьякон. Он всегда имел при себе пелену с несколькими каплями засохшей драгоценной Крови Спасителя. Эту реликвию нашли с ним в его гробу в одном итальянском городе - вероятно, в Мантуе.

Воины, бывшие свидетелями этого чуда, бросились на колени, бия себя в грудь и исповедуя Имя Господне. Кровь и вода продолжали течь из открытой раны вдоль Креста в углубление в скале. Пресвятая Дева Мария и Мария Магдалина, собирая драгоценную Кровь Спасителя, плакали. Палачи получили от Пилата приказ не трогать тело Спасителя, отданное Иосифу из Аримафеи, и вскоре удалились. Все происшедшее совершилось около четырех часов дня.

В это время Иосиф Аримафейский и Никодим были заняты приготовлениями к погребению Спасителя. Святые жены узнали от слуг Иосифа Аримафейского, которые очищали и приводили в порядок гроб, что Пилат разрешил снять и взять тело Господа и положить его в новую гробницу, где до того никто не был положен. Они направились на гору Сионскую, чтобы немного отдохнуть и взять необходимые для погребения предметы.

У Пресвятой Богоматери была небольшая комнатка в пристройках горницы Сионской. Вошли святые жены в город не через ближайšie ворота, а через более южные, ведущие в Вифлеем. Ближайšie же ворота были закрыты и охранялись воинами - этого просили фарисеи из-за боязни возможного возмущения в народе.

Когда возле Креста не осталось никого, кроме воинов, я видела пятерых человек, пришедших из Вифании по долине. Они приблизились к месту казни и смотрели на Крест Спасителя в продолжение нескольких минут. Затем они исчезли. Мне думается, что это были ученики Спасителя.

Три раза я видела Никодима и Иосифа из Аримафеи недалеко от Креста. Они разговаривали друг с другом и казались озабоченными. Первый раз я видела их в то время, когда жестоко распинали Спасителя. Они подходили к воинам с просьбой продать им одежду Спасителя. Второй раз - когда они пришли посмотреть, расходиться ли народ с места казни, и пошли вместе к гробнице, чтобы приготовить ее. Затем от гробницы они снова вернулись ко Кресту и осмотрели все кругом, как бы прикидывая, какие необходимы приготовления. После этого они вернулись в город, взяв на себя все заботы о погребении, и их слуги приносили нужные для этого предметы. Среди них я заметила две лестницы для снятия с Креста тела Сына Человеческого. Лестницы эти находились в сарае возле большого дома Никодима. Они были сделаны из прочных жердей, в которые были вделаны, как ступеньки, очень крепкие куски дерева. Я видела на этих лестницах крючья, которые можно было по желанию поднимать и опускать. Этими крючьями прикрепляли лестницы, а также они служили для подвешивания нужных для работы инструментов. Слуги Никодима и Иосифа Аримафейского принесли на носилках сосуды, тазы, губки и разные инструменты. Кроме того, с ними был огонь в закрытом фонаре. Слуги пошли впереди своих хозяев и пришли на Голгофу через другие ворота (кажется, через Вифлеемские). Проходя по городу они прошли возле того дома, куда удалились Пресвятая Богоматерь, апостол Иоанн и святые жены. Все они присоединились к слугам, идя за ними на некотором расстоянии.

Святых жен было пять, некоторые из них несли под своими покрывалами свертки с полотенцами и пеленами. Жены Иерусалимские, когда им приходилось выходить вечером или исполнить какой-нибудь религиозный обряд, обычно закутывались в очень длинное и широкое покрывало. Это покрывало шло от одной руки к другой, а затем покрывало всю голову - я видела их закутанными

таким образом. Здесь покрывало имело особое значение траурной одежды. Никодим и Иосиф из Аримафеи также были в траурных одеждах: рукава, капюшоны и широкие пояса были черные. Их плащи, покрывавшие головы, были длинные, широкие и темного цвета. Все предметы, которыми они были нагружены, скрывались в этих одеждах.

Глубокая тишина царила на улицах. Страх заставлял жителей оставаться в своих домах. Большинство молили Бога о прощении за свою разъяренность и жестокость. Лишь немногие вкушали пасху.

Подойдя к воротам, Никодим и Иосиф Аримафейский нашли их запертыми: прилежащие к ним улицы и стены охранялись воинами. Это были воины, которых потребовали фарисеи около второго часа, опасаясь возмущения народа. Иосиф показал им бумагу с разрешением Пилата. После этого воины хотели помочь им открыть ворота, хотя уже несколько раз безуспешно пытались сделать это. Они предполагали, что во время землетрясения земля приподнялась и настолько прижала ворота, что невозможно стало их открыть. Палачи, возвращаясь с места казни после того, как перебили голени двум разбойникам, вынуждены были вернуться и пройти через другие ворота. Однако, когда Никодим и Иосиф попробовали открыть ворота, они тотчас же открылись - к великому удивлению присутствующих.

Небо было еще темно и облачно, когда они прибыли на гору Голгофу, где уже находились опередившие их слуги и святые жены (плачущие, сидя на земле у подножия Креста). Тут же они увидели Кассия и еще нескольких обратившихся в веру воинов, которые держались в стороне с почтением пред святыней.

Иосиф Аримафейский и Никодим рассказали Пресвятой Марии обо всем, что они предприняли в верховном совете Синедриона, и как удалось сохранить тело Иисуса от бесчестного погребения. От святых жен они узнали, как трудно было помешать палачам перебить Ему голени. И вот, несмотря на злую человеческую волю, все же ни одна кость Спасителя не была переломлена согласно пророчеству Святого Писания. Святые жены рассказали также и о том, как Кассий пронзил своим копьем Сердце Господа. В это время пришел Авенадар, и все они с чувством глубочайшего благоговения и великой скорби приступили к последнему долгу той любви, которую они еще могли выразить своему Учителю и Искупителю рода человеческого. Пресвятая Богоматерь и Мария Магдалина сидели у подножия Креста справа, между Крестом Спасителя и крестом Дисмаса. Остальные жены занимались приготовлением ароматов, полотен, воды, чаш, губок. Кассий придвинулся к Авенадару и рассказал ему о двойном чуде, происшедшем с ним. Все свидетели этой великой драмы были глубоко растроганы и потрясены, но чувства, наполнявшие их души, не стремились излиться словами. Все хранили сосредоточенное молчание, полное любви. Лишь изредка они прерывали приготовления словами и вздохами глубокой и душевной боли. Особенно выделялась проявлением горя и своего отчаяния Мария

Магдалина: она, казалось, не видела и не слышала никого и словно была чужда всему, что происходило вокруг нее.

Никодим и Иосиф из Аримафеи приставили лестницы сзади Креста и взошли на них, держа большое полотно, к которому в трех местах были привязаны широкие ремни. Они привязали тело Спасителя к дереву Креста у плеч и под коленями и прикрепили руки Спасителя к перекладинам Креста. После того они стали бить по гвоздям, чтобы они вышли обратно. Раны на руках были сильно расширены, ремни, поддерживающие руки, не давали им налегать на гвозди. Удары молотка недолго колебали Святое тело Господа.

Иосиф вынул гвоздь из левой руки и медленно опустил руку вдоль тела с перевязью. То же сделал и Никодим с правой рукой: бережно и осторожно он выпрямил голову Господа, склоненную на правое плечо, укрепил к Кресту, затем вынул гвоздь из правой руки и осторожно опустил ее вдоль тела. В это время Авенадар не без труда вынул большой гвоздь, пронзивший обе ноги Небесного Учителя. Кассий благоговейно поднял все три упавшие на землю гвоздя и передал их Пресвятой Деве Марии. Затем Иосиф и Никодим приставили лестницы спереди Креста почти рядом с телом Господа и отвязали две другие перевязи (ремни), пресвятое тело Господа, не будучи уже больше удержано, отделилось от Креста и медленно было опущено к Авенадару, который стоял на скамье и принял тело в свои руки ниже колен, тогда как Иосиф и Никодим, держа в своих объятиях святейшее тело Спасителя, как поддерживают дорогого раненого друга, боясь доставить ему еще новые страдания, бережно и медленно спускались по перекладинам лестницы. Так было снято тело Господа с Креста.

Иосиф Аримафейский и Никодим предпринимали все меры предосторожности, чтобы не причинить священному телу Спасителя новые страдания. В их действиях были видна все та же любовь и благоговение, какие они испытывали к Святейшему из святых при Его жизни. И при каждом лишнем движении при снятии тела Господа с Креста они протягивали к Небу руки со стенанием и плачем. У всех присутствующих глаза были устремлены на Крест. На тысячи разных ладов они выражали свою скорбь и свою любовь к Нему. Все хранили глубокое молчание. Даже слуги, охваченные невольным благоговейным чувством, что совершают священное действие, говорили шепотом и лишь когда это было необходимо.

Удары молотка разрывали сердца Богоматери, Марии Магдалины и всех любящих и присутствовавших при распятии Спасителя. Им казалось, что они снова слышат жалобные стоны невинной божественной Жертвы. Однако Его уста не раскрылись больше. Его молчание являло то, что Его не было с ними, и

пронзало их сердца скорбью. Иосиф и Никодим, обвернув Его святейшее тело от колен до бедер в пелену, опустили Его в простертые к Нему объятия Пресвятой Девы Марии, принявшей Его со скорбью и любовью великой. Пресвятая Богородица сидела на покрывале, разостланном на земле. Ее плечи слегка опирались на подушку, которую сделали из скатанных плащей, чтобы дать хотя бы немного отдохнуть Ее изнуренному страданиями телу и подкрепить Ее силы за время, в которое Она будет занята скорбными последними заботами о теле Сына Своего. Глава Спасителя покоилась на Ее коленях. Тело Его было простерто на большой пелене, разостланной, чтобы Его принять.

Кто опишет любовь и скорбь, переполнявшие сердце Пречистой?! Она держала на руках горячо любимого Божественного Сына Своего, Которому в продолжение долгих часов Его мученичества не могла выказать Свою Любовь. С невыразимой скорбью рассматривала Она все ужасные поражения Его святейшего тела и не могла оторвать глаз от возлюбленного Сына. Она взирала на широко зияющие раны Его, покрывая лобзаниями Его окровавленные ланиты, в то время как Магдалина не отрывала уст своих от ног Спасителя.

Мужи удалились на юго-западную часть горы Голгофы, в небольшое углубление в скале, где и должно было совершиться намащение тела ароматами и где они приготовили все необходимое для этого. Кассий и обращенные к Господу воины держались почтительно, несколько в стороне, в благоговейном молчании. Воины, не обратившиеся на призыв благодати, возвратились в город; оставшиеся же организовали стражу вокруг Спасителя, чтобы не произошло беспорядка в то время, когда Ему отдавали последний долг. Некоторые предлагали с сочувствием и смирением свои услуги, когда была Необходимость в мужских руках. Святые жены не оставались без дела. Они передавали Пресвятой Богородице один за другим нужные ей предметы: сосуды, губки, пелены, ароматы. Когда их услуги бывали не нужны, они оставались недалеко от Креста в глубоком молчании и почитании. Среди них я узнала Марию Клеопову, Саломию, Веронику, Марию Хели - старшую сестру Божией Матери, уже престарелую (она сидела у подножия Креста на возвышении). Магдалина не могла себя принудить к тому, чтобы хотя ненадолго отойти от тела Спасителя. Апостол Иоанн неотступно находился возле Пречистой Девы Марии. Он был как бы посредником между мужчинами и женщинами: ходил от одних к другим и оказывал и тут и там нужные им услуги. Все необходимые предметы были приготовлены женами. У них были с собой меха с водой, которую они выливали, нажимая на нижнюю часть. Недалеко был разведен огонь, где жены согревали воду для омовения тела Спасителя. Жены передавали Пресвятой Богородице и Магдалине сосуды с водой и выжимали затем в тазы воду с губок, которыми пользовались. В Своих страданиях Пресвятая Богоматерь являла стоическое мужество.

Однажды в Страстную пятницу сестра Эммерих рассказывала, как обычно, свои видения. Она описывала снятие Спасителя с Креста. И вдруг она лишилась чувств. Придя в себя, она сказала: «Когда я смотрела на пречистое тело Господа, покоящееся на руках Пресвятой Девы Марии, я сказала себе самой: «Боже мой, какое мужество! Она всецело владеет Собой, даже не падает в обморок!» И тут же мой водитель (вероятно, Ангел-хранитель) упрекнул меня в том, что я скорее удивлялась и наблюдала, а не сострадала Ей: «Испытай то, что Она испытывает!» И тут же острая боль пронзила мое сердце словно мечом с двух сторон!» Я думала, что умираю». И долго эту нестерпимую боль скорби испытывала после этого сестра Эммерих.

Мать Господа не могла допустить, чтобы тело Ее возлюбленного Сына было погребено, покрытое кровью и грязью. Превозмогши Свои невыразимые страдания удивительной силой души, Она с неопишуемой любовью принималась за омовение Его бесчисленных ран. С величайшей осторожностью Она сняла терновый венец с главы Спасителя, разрезав его сзади из боязни, как бы шипы венца вонзенные в главу Господа, не расширили бы еще раны причиненные ими. Поэтому Богоматерь вынимала тщательно, по одному, эти шипы. Венец был снят и положен возле гвоздей. При помощи закругленных клещей Богоматерь вынула остатки шипов из главы Спасителя. (Щипцы эти напоминали сестре Эммерих орудие бывшие у Юдифи при убийстве Олоферна). Со скорбью Она показала их Своим друзьям, положившим их рядом с венцом. Некоторые из этих шипов сохранились в Церкви как реликвии. Лик Спасителя был неузнаваем, покрытый ранами и Кровью. И волосы, и борода - все слиплось от Крови.

Сначала Пресвятая Дева омыла лик и главу Спасителя: смоченными губками Она снимала кровь, склеившую волосы Его. Полотном, обвитым вокруг Ее пальцев, Она удалила кровь, наполнившую раны главы, глаза, ноздри и уши. Затем Она омыла уста Спасителя, оставшиеся приоткрытыми. Его язык, губы и зубы. Пресвятая Богородица разделила на три части немногие волосы, оставшиеся на главе Спасителя: по одной пряди ниспадали по бокам, а третья - назад. Мать Божия разобрала волосы на висках и убрала их за уши. Когда глава Спасителя была вся омыта, Пресвятая Богородица поцеловала Его Святые ланиты и закрыла лик Его полотном. Затем Она принялась за омовение Его плеч, груди, спины, рук - столь жестоко разодранных. И Пресвятая Дева смогла узреть, в какое страшное, ужасающее состояние все тело Ее возлюбленного божественного Сына привели ярость и жестокость палачей. Все грудные кости были переломаны. Правое плечо, на котором Спаситель нес Крест, представляло из себя сплошную рану. Вся верхняя часть тела была покрыта страшными рубцами от веревок и ударов бичей. На левой части груди виднелась небольшая ранка от конца копья, прошедшего насквозь. На правом боку была широкая рана от удара копьем, пронзившего сердце Господа насквозь (с одной стороны на другую). Пресвятая Богородица омыла все эти раны. Магдалина, стоя на

коленях, помогала Ей, постоянно припадая к ногам Спасителя, омывая их слезами и отирая своими волосами.

Глава Спасителя, Его грудь, плечи и руки был омыты. Пресвятое тело Спасителя было мертвенно бледно и все покрыто синеватыми пятнами на месте ушибов и побоев и красными пятнами там, где кожа была содрана. Оно покоилось еще на руках Богоматери. Я видела, как, взявши левой рукой по очереди руки Спасителя, Она с благоговением облобызала их. Она покрыла омытую часть тела Господня большой пеленой и приступила к помазанию Священного тела. Святые жены держали перед Ней открытый небольшой сосуд, из которого Богоматерь брала двумя пальцами правой руки драгоценное миро и намащала раны Спасителя. Божия Матерь помазала волосы Его. Этот же бальзам Богоматерь положила в широкие раны рук, в уши, ноздри, в рану на боку. Мария Магдалина намастила ноги Спасителя, после чего еще долго орошала их своими слезами и не могла оторвать от них своих уст. Вода, которую употребляли для омовения, не была затем вылита, но выжата губками в меха, где ее тщательно сохраняли. Колодец этот был недалеко, и его было даже видно из сада Иосифа Аримафейского.

После того, как Пресвятая Богоматерь положила бальзам на все раны Своего Божественного Сына, Она спеленала лентами главу Его, но еще не покрывая, закрыла Его очи, дав покоиться на них Своей руке. Она закрыла и уста. Затем еще долго держала Пресвятая Дева святое тело в Своих объятиях и со слезами припадала Своим лицом к лику Господа. Магдалина покрывала ноги и стопы Христа лобзаниями...

Глава 15 Положение во Гроб

Все было приготовлено для погребения. Иоанн подошел к Пресвятой Деве Марии и просил Ее отойти от Господа, чтобы успеть положить Его во Гроб, ибо приближался день субботний. Пресвятая Дева еще много раз лобызала возлюбленное тело и прощалась с ним. Иосиф и Никодим, ожидавшие уже некоторое время, отнесли тело Господа вместе с большой пеленой, на котором Оно лежало, на то место, где должно было быть окончено намащение. Пресвятая Богородица, нашедшая некоторое утешение в материнских заботах о теле Господа, теперь бессильно опустилась на руки Своих подруг. Мария Магдалина простерла в отчаянии руки и последовала некоторое время за Иосифом и Никодимом, как бы пытаясь удержать возлюбленного Господа своего. Затем вернулась к Пресвятой Богородице.

Иосиф Аримафейский и Никодим перенесли тело Господа в углубление горы Голгофской, где был прекрасный, гладкий, удобный для намащения камень. Была расстелена на земле большая пелена, похожая на ту пелену, которую подвешивают в церкви перед Великим постом и большое покрывало рядом.

Пелена была особая - вощенная - для того чтобы вода при омовении могла стекать. Тело божественного Учителя было положено на первую пелену, тогда как покрывало держали простертым над Ним. Никодим и Иосиф, стоя на коленях под этим покрывалом, развязали пелену, обвивавшую чресла Господа при снятии с Креста, сняли пояс, который принес Ионабад Спасителю в момент распятия Его. Затем, под тем же простертым над телом Господа покрывалом, омыли нижнюю часть тела. Подняв тело на полотнах подложенных поперек под чресла и колени, благоговейно омыли Господа, не поворачивая Его. Так они омывали тело губкой до тех пор, пока вода, стекавшая с губок, не стала прозрачно чистой. Тогда возлили на тело ароматы и с благоговейной осторожностью стали выпрямлять Его, ибо ноги в коленах были все еще согнуты, как в час Его смерти. Затем они обвили тело новой пеленой, и поверх нее были положены снопы ароматических трав, похожих на шафран. Сверху они посыпали благовонный порошок (его принес Никодим в особой коробке). Затем они обложили ароматическими травами ноги Господа, положили благовонный бальзам в Его раны и обвили ноги Его во всю длину полосами ткани. После того апостол Иоанн пошел за Пресвятой Девой и святыми женами. Пресвятая Богородица, павшая на колена пред телом Господа, положила под голову Его тонкое полотно, полученное от Клавдии Проклы, которое Она несла под Своим покрывалом на шее. Затем с помощью святых жен Пресвятая Дева Мария заполнила благоуханными травами место между головой и плечами Спасителя и обернула после этого Своим покрывалом Его голову и плечи. Мария Магдалина возлила флакон бальзама на рану в боку от копья, а святые жены обложили благоухающими травами руки и ноги Господа. Мужчины заполнили благоухающими травами впадины на теле, скрестили на груди Его окоченевшие руки и спеленали Его большим полотном, как пеленают маленького ребенка. Затем, начав от подмышек обвертывать пеленой тело Господа, слегка приподняв Его, они обвили ею все тело вместе с Главой, как бы образуя мумию.

Тело Господа положили на плащаницу длиной в шесть локтей, купленную Иосифом, и завернули в нее. Тело было положено по диагонали: нижний угол плащаницы покрывал от ног до груди; верхний угол опускался на голову и плечи, а боковые части покрывали все тело. Все со слезами столпились вокруг тела Спасителя, становясь на колени, чтобы проститься с Ним и воздать Ему последнее поклонение. И дивное явление предстало их очам: все тело Спасителя со всеми ранами проявилось, обозначилось красноватыми чертами на плащанице, покрывавшей Его. Словно, чтобы вознаградить их за все их нежные заботы и хоть немного утешить Своих близких в их великой скорби, Господь захотел оставить им это трогательное воспоминание о Нем. Со слезами и стенаниями они лобызали святое тело Господа и с благоговением прикладывались к чудесному изображению на плащанице. Их удивление и восхищение возросло еще больше, когда они увидели, что полосы ткани, обвивавшие тело Господа, ничуть не утратили своей белизны, и лишь верхнее покрывало носило на себе отпечаток тела Спасителя. Та часть плащаницы, на которой лежало тело Господа, носила на себе отпечаток тела Спасителя со

спины. Это двойное изображение тела Господня не было (как можно подумать) отпечатком Крови, вытекавшей из Его ран. Ароматы и обвивавшие тело полосы ткани не давали Крови проникнуть наружу. То было изображение чудесным образом образовавшееся, свидетельство Самого Господа в Его пресвятом теле, лишенном жизни.

«Я видела много подробностей, касающихся истории этой плащаницы, - рассказывала Эммерих, - но передать как следует этого я не могу. Друзья Спасителя сохранили эту плащаницу после Воскресения Господа, как и остальные пелены, используемые при Его погребении. Однажды я видела, как эту плащаницу отняли у человека, овладели ею, два раза она попадала в руки евреев. Я видела, как христиане воздавали почитание этой плащанице. Однажды ее бросили в огонь, но она осталась цела и попала в руки христианина, присутствовавшего при попытке сжечь ее. Было три чудесных отображения, полученных при наложении верными этой чудесной плащаницы на обычные пелены. (Сам оригинал обветшал и стал нецельным).

После того как верные возблагодарили Господа за посланное им неожиданное утешение, мужчины благоговейно возложили святое тело на кожаные носилки. Они покрыли Его темным покрывалом и продели длинные палки в края носилок. (Глядя на них, я невольно вспоминала перенесение Ковчега Завета.) Впереди шли Никодим и Иосиф из Аримафеи, позади Иоанн и Авенадар несли на плечах драгоценную ношу. Следом за ними шли Пресвятая Дева Мария, Ее старшая сестра Мария Хели, Мария Магдалина и Мария Клеопова. Затем шли жены, которые во время помазания ароматами держались на некотором расстоянии от тела Господа: то была Вероника, Иоанна Хуза, Мария Маркова, Саломия, жена Зеведея, Мария Саломия, Саломия из Иерусалима, Сусанна и Анна, племянница Иосифа, жившая в Иерусалиме. Шествие замыкал Кассий и несколько воинов. Другие жены, как то: Марони из Наина, Дина Самарянка, Мара Суфанитянка - находились в то время в Вифании у Марфы и Лазаря. Двое воинов держали в руках зажженные факелы, необходимые при спуске в гробницу. Во время своего шествия по долине, продолжавшегося минут семь, благочестивые участники его пели тихим голосом псалмы. Я заметила, как с высокого места смотрел Иаков Старший, брат Иоанна, и следил глазами за шествием. Когда шествие прошло, он удалился, верно, для того, чтобы передать остальным апостолам виденное им. Сад Иосифа Аримафейского неправильной, несимметричной формы. Он расположен перед гробницей, частично покрыт газоном и окружен живой изгородью. Эта изгородь у входа заменяется решеткой, части которой скреплены железными крюками. Несколько пальм растут у входа в сад, а также возле святой гробницы. Большая часть деревьев в саду посажена из лучших пород садовых

растений. Я видела, как шествие на несколько минут остановилось у входа в парк и как вынули из решетки несколько палок.

По прибытии ко гробу сняли святейшее тело Спасителя с носилок и положили на узкую доску, на которой было положено наискось большое покрывало. Никодим и Иосиф держали оба конца доски, тогда как Иоанн и центурион держали края покрывала. Гроб был новый, очищен и убран слугами Никодима. Они наполнили ароматами пещеру, она блестела чистотой и была окрашена по бокам. Камень этот был высечен для принятия тела умершего и был шире и выше у главы, чем у ног: глава должна была лежать выше остальной части тела. Святые жены сели на скамье у входа в гробницу.

Иосиф и Никодим с друзьями перенесли в пещеру тело Спасителя и положили Его на несколько минут на землю. Они наполнили ароматами все углубления в камне, который должен был принять тело, и расстелили на нем большую пелену, на которую опустили тело Господа. Пелена закрыла собой все тело целиком. Ушли они из гробницы лишь после того, как слезами и целованием выразили еще раз свою любовь к Спасителю. После того, как они вышли, Пресвятая Дева вошла в гробницу. Я видела, как Она оперлась на камень (высота от земли в два локтя), обнимая тело Сына Своего, орошая Его слезами. За Нею настала очередь Магдалины. Она нарвала в саду цветов и веток, которыми осыпала тело Того, Кого премного возлюбила. Затем она облобызала ноги Спасителя и не могла сдержать своих рыданий и раздирающих душу воплей. Однако ей заметили, что настало время закрывать гробницу, она вышла и села на скамью возле своих подруг. Друзья Спасителя снова пошли в гробницу, покрыли тело Господа и все ложе красным покрывалом и затем закрыли дверь на запор.

Мне думается, что дверь была из меди или бронзы. Когда дверь была закрыта, я заметила на ней изображение креста. (Неизвестно, хотела ли сказать сестра Эммерих, что крест был изображен на наружной стороне двери или же что друзья Спасителя сделали на двери крест из двух кусков дерева).

Большой камень, которым нужно было закрыть гробницу, имел форму гроба и был настолько длинен, что мужчины, возлегши на него, едва бы покрыли его собой. Камень этот был очень тяжел, и чтобы придвинуть его к входу в гробницу, пришлось использовать в виде рычагов несколько палок, взятых из решетки сада. Наружный вход в пещеру был закрыт плетеной дверью. Все свершалось при свете факелов, так как внутри пещеры было очень темно.

В то время, как полагали во гроб тело Господа, я видела на Голгофе у входа в сад несколько человек. Это были, вероятно, ученики Спасителя. Известия, полученные ими от Авенадара, заставили их выйти из убежища, но они не

замедлили снова вернуться в него. Между тем приближалось время, близкое к началу дня субботнего. Никодим и Иосиф вернулись в город через небольшие ворота, находящиеся поблизости сада и закрытые для народа. Они сказали Иоанну, Пресвятой Деве Марии, Магдалине и остальным святым жёнам, хотевшим еще вернуться на Голгофу помолиться, что двери этих ворот, а также двери в горницу останутся открытыми. Марию Хели, сестру Богоматери, отвели в город мать Марка и еще некоторые жены. Слуги Никодима вернулись на Голгофу, чтобы взять оставленные там вещи. Воины пошли к тем из своих товарищей, которые стерегли ворота возле Голгофы. Кассий, все еще не расставаясь со своим копьем, поспешил к Пилату рассказать обо всем происшедшем. Он вызвался рассказывать Пилату и далее обо всем, если тот поручит ему, Кассию, начальствовать над стражей, которую иудеи просили поставить возле гробницы. Пилат слушал Кассия не без тайного страха, но все же назвал его фанатиком, и, поддаваясь овладевшему им суеверному страху, приказал ему оставить за дверью копье, которое тот держал в руке.

Когда Пресвятая Дева Мария и святые жены возвращались с Голгофы, они встретили отряд воинов с факелами. Жены посторонились, чтобы дать им пройти. Воины же шли на Голгофу, вероятно, чтобы снять кресты и успеть зарыть их до того часа, когда наступит день субботний. Пресвятая Богородица со спутницами продолжали свой путь и вошли в город через те частные ворота, которые им были указаны. Иосиф из Аримафеи и Никодим встретили в городе Петра, Иакова-старшего и Иакова-младшего. Все они были в слезах. Петр особенно предавался скорби; он со слезами обнял своих друзей и бил себя в грудь, рыдая и упрекая себя за то, что не присутствовал при кончине Спасителя. Их же он благодарил за все, сделанное ими для Спасителя, за достойное погребение Его. Никодим и Иосиф сказали им, что для них будут открыты двери гробницы, если они туда придут. И трое апостолов пошли искать остальных.

Тем временем Пресвятая Богородица и святые жены пришли к дверям дома с горницей. Они постучали, и их впустили. Следом за ними пришли Авенадар, апостолы и несколько учеников. Святые жены удалились в помещение Божией Матери. Они вкусили немного пищи и с горькими слезами вновь предались своей скорби. Мужья, сменившие свои одежды на праздничные, исполняли обряды дня субботнего при свете ламп. Они вкушали агнца в большом зале этого помещения, но без обычных обрядов: это не был Пасхальный агнец, его ученики Спасителя вкушали с Ним накануне. Невыразимая скорбь наполнила все сердца, Пресвятая Богородица и святые жены молились тоже при свете лампы.

Позднее, к вечеру, пришли из Вифании Лазарь с Марфой, Марони, вдова Наинская, Дина Самаритянка и Мара Суфанитянка. Они праздновали субботу в Вифании и затем пришли сюда. Говорили обо всем происшедшем на Голгофе, и от этих рассказов еще больше усилилась скорбь друзей Спасителя. Вечером, уже довольно поздно, Иосиф Аримафейский вышел из помещения Сионской горницы вместе с некоторыми учениками и святыми женами, возвращавшимися к себе домой. Печально шли они по улицам Сионским, как внезапно несколько воинов выскочили из засады у судилища Каиафы, набросились на Иосифа и

схватили его, тогда как сопровождавшие его бежали. Каиафа поручил языческим воинам, не праздновавшим субботу, арестовать Иосифа Аримафейского. Я видела, как доброго Иосифа заточили в башню возле судилища Каиафы, примыкающую к городскому валу. Он хотел уморить Иосифа голодом в тюрьме и скрыть его исчезновение. В великую субботу Господь вывел Иосифа из заточения.

Глава 16 После Погребения

Ионабад - тот человек, который, повинувшись внезапному небесному озарению, покинул храм, чтобы на Голгофе избавить Спасителя от последнего надругательства (он подал Спасителю пояс, чтобы спасти Его от полной наготы). После этого он возвратился в храм. Однако обряд заклания Пасхального агнца был нарушен наступившим внезапно мраком, землетрясением и явлением мертвецов. Тогда он вышел из храма и поспешил к себе домой, так как его жена и мать были больны, а с ними оставались малолетние дети. По дороге в Вифлеем он почувствовал, что сердце его совершенно преобразилось. Оно наполнилось любовью, хотя ранее он был равнодушен и к учению, и к чудесам Спасителя.

Каково же было удивление Ионабада, когда на полпути от Иерусалима в Вифлеем он увидел свою жену и мать, идущих ему навстречу.

Обе были совершенно здоровы. Он не верил своим глазам, так как оставил их в очень плохом состоянии.

Я видела, как женщины бросились к нему в объятия и стали рассказывать о том, как они обе исцелились чудесным образом. В их дом вошла Жена величественного вида, подошла к их ложу и сказала: «Вставайте и идите навстречу Ионабаду. Он только что совершил большой подвиг любви». И они почувствовали себя вполне здоровыми: они встали, чтобы возблагодарить эту необыкновенную Жену и воздать Ей честь. Но пока они собирались предложить Ей угощение, Она исчезла, оставив дом наполненным благоуханием, а обе женщины почувствовали себя насыщенными, не вкушивши пищи. Они тотчас же пустились в путь, чтобы исполнить Ее повеление.

«Но какой же подвиг любви совершил ты?» - спрашивали они. Ионабад, плача и рыдая, рассказал им все подробности Распятия Спасителя. Он поведал им о том, что Иисус, Сын Марии и Иосифа был действительно Пророк, Мессия, Святой Спаситель Израиля. И тут же все вместе они стали предаваться самой жгучей скорби, разрывая на себе одежды. В то же время они благодарили Небо за великое благодеяние, которое им было послано в награду за то небольшое, что

совершил Ионабад. Он говорил о страшных знамениях, которые явились в этот день на небе и на земле, и они возвратились домой, исполненные священного трепета.

Когда жена Ионабада рассказывала ему о своем чудесном исцелении, я увидела сама, словно на картине, то видение, которого она удостоилась. Кто была Та Жена, что явилась ей?

Мне кажется, это была Пресвятая Дева Мария. Я видела, как Ионабад, после того как устроил свои домашние дела, пошел и присоединился к ученикам Спасителя. Когда Пресвятая Дева в горячей мольбе просила Бога избавить Ее Сына от страшного посрамления, которое Ему готовили Его враги, я видела, как Ее молитва была услышана и исполнена!

Мои взоры обратились на Ионабада, я видела, как его словно невидимая сила заставила стремительно покинуть храм. Он бежал по городу, рассекая собравшуюся толпу людей, и оказал Спасителю нужную помощь. И затем, когда Пресвятая Богородица, благодарная Ионабаду за его сострадание, снова молилась, чтобы привлечь благословение Божие Ионабаду и всему его дому, я увидела исполнение Ее молитвы - я увидела Ионабада, внезапно просвещенного свыше, поверившего в Спасителя, и его семью, исцеленную небесным видением.

Нередко бывает, что особые милости посылаются нам по нашим молитвам или молитвам других за нас. Эти особые милости часто передаются через Ангелов. Поэтому лица, одаренные созерцанием тайн жизни Спасителя и Богоматери, часто говорят так: «У Пресвятой Богородицы было в Ее распоряжении столько-то Ангелов, и Она их посылала по таким-то делам». Эти слова удивляют лишь тех, кто идет мирскими путями.

Для созерцателей духовных также естественно видеть Царицу Небесную, окруженную Ангелами, служащими Ей, как видеть царей земных, окруженных слугами подвластными им. Если взирать на Бога в простоте сердца своего как на Отца, то не удивляешься при виде слуг Отца Небесного вокруг себя. Не колеблясь, поручаешь им все дела, совершаемые во славу нашего Господа и Учителя. Часто, когда я молюсь за кого-нибудь, то я настойчиво прошу своего Ангела-Хранителя, чтобы он нашел Ангела того человека, за которого я молюсь, и передал бы ему мои молитвы. И мне кажется, что я даю поручение другу или верному слуге, и я вижу, как он идет и исполняет поручение.

В детстве моем я была уверена, что все христиане так же поступают; когда же я узнала, что большая часть людей не видят того, что я вижу, то я не подумала о себе, как о более просвещенной, но вспомнила слова Учителя: «блаженны не видящие и верующие». Милости, которые Господь посылает человеку, являются ему по тайным путям Господним, которыми Он ведет человека.

Ионабад с сердцем, преисполненным тайной скорбью и неудержимым состраданием, почувствовал непреодолимое стремление бежать на гору Голгофскую. Таким образом люди, тронутые небесным явлением, побуждаются Ангелами совершить то или иное дело. И в случае с Ионабадом можно думать, что Пресвятая Богородица явилась и сказала ему: «Пойди на Голгофу и избавь Моего Сына от поношения, которое приготовили Ему враги Его». Так же точно Пресвятая Дева явилась его семье, чтобы вознаградить Ионабада, и исцелила дорогих ему лиц.

Я видела однажды Пресвятую Богородицу, опиравшуюся на колонну. То было в Испании, возле Сарагоссы, и явилась Она апостолу Иакову, который просил Ее помощи. И в это же время я видела Ее в Эфесе, в Ее комнатке, где Она молилась за апостола, взывающего к Ней. И явилась Она ему опирающейся на колонну, оттого что он видел в Ней поддержку - колонну, поддерживающую Церковь на земле! И этот символ соответствовал его молитве о поддержке.

Далее сестра Эммерих говорит о названии горы «Голгофа», что означает череп. Происхождение этого названия было показано ей в глубоком созерцании. Вот что она запомнила об этом видении от Адама до Спасителя.

Она видела Адама, изгнанного из рая и оплакивающего свое падение в гроте на Масличной горе в том самом месте, где Христос плакал и страдал до кровавого пота. «Я видела, что было обещано Еве рождение Сифа в гроте Вифлеемском, и там же она родила его. Затем я видела окрестности Иерусалима, как бы вывороченными после потопа. Они были черные и скалистые. В глубине горы Голгофской я увидела погребенные тела Адама и Евы. Одного черепа не было, он находился глубоко под водой возле скелета, принадлежащего не ему. Еще ранее я видела останки Адама и Евы - их кости Ной брал в ковчег, а патриархи после потопа передавали их из поколения в поколение. Я видела, как Ной и Авраам клали при жертвоприношении эти кости на алтарь, чтобы напомнить Господу об обещании, данном прародителям. Затем я видела, что Иаков дал часть этих костей сыну своему Иосифу вместе с разноцветной одеждой. Иосиф носил их всегда на груди как талисман. Их положили с его останками в ковчег, который дети израильские унесли из Египта.

Затем я видела гору Голгофу во время пророка Елисея. Она была обнесена стенами в ней было несколько пещер, похожих на гробницы. И вот пророк Елисей взял в руки череп в одной из каменных гробниц. Некто (мне думается, это был ангел) приблизился к нему и произнес: «Это череп Адама». Пророк хотел унести череп, но ангел не позволил ему этого. И пророк дал горе ее имя, которое осталось и поныне. Я видела, что Крест Спасителя был водружен прямо над местом (мистически - центром земли), где лежал этот череп. Отсюда я видела духовно всю землю со всеми морями, горами, странами.

Размышляя о словах Спасителя на Кресте: «Я буду весь исходить Кровью, «выжат» как виноград, выжимаемый в первый раз. Я должен отдать всю Свою Кровь до последней капли, чтобы осталась одна кожа! И на этом месте уже не будут выжимать сока для вина!» - Эммерих имела другое видение относительно

горы Голгофы. То было много времени спустя после потопа. Страна не была уже столь дикой и пустынной. На твердой земле зацвели виноградники и пастбища. «И вот под вечер увидела я на этом месте патриарха Иоафета. То был высокий старец с длинной бородой, в кожаной одежде, окруженный своей многочисленной семьей и своими стадами. У них были хижины, вырытые в земле (землянки), покрытые травой, цветами и другими растениями. Я видела кругом кисти винограда - их выжимали тут в присутствии патриарха в каменных сосудах с большим гнетом.

В этот день пробовали способ выжимания с новым точилом, которое очень напоминало собою крест: был вкопан вертикально ствол дерева, выдолбленный по всей длине и под ним подвешен мешок, полный винограда, из которого вытекал сок, когда на него давили. Тяжелый ствол упирался в мешок и с обеих его сторон, словно руки, были вделаны в нем упоры, давившие виноград в мешке («руки» эти можно было поднимать и опускать) Сок вытекал из ствола через пять отверстий в каменный чан, откуда по берестовой трубе стекал в тот самый погреб или пустой колодец, где был заперт Спаситель накануне распятия. Тогда, при Иоафете, это был резервуар, который содержался в порядке и чистоте. Иоафет был очень стар. Он с радостью смотрел на новое приспособление. Был праздник, и на каменном жертвеннике заклали животных, бывших в винограднике.

Из всех вышедших из гробов в этот день в Иерусалиме и его окрестностях (а таковых было около ста) ни один не был кровно связан с семьей Божией Матери. Я видела некоторых восставших из гроба в других частях святой земли: они являлись своим родственникам и свидетельствовали о делах Господа. Среди них я заметила Задоха, человека большой праведности. При жизни своей он раздал свое имущество бедным и основал в окрестностях Хеврона общину иессеев.

Этот праведник жил за целый век до прихода Христа. Его можно считать одним из последних пророков, предсказавших приход Спасителя. Свое призвание он исполнял с большим рвением. Ему было дано много откровений, он был в сношениях с предками святого Семейства. Я видела, как вышедший из гроба, он проходил по стране Хевронской. Он был одним из первых, восставших из гроба. Затем его душа снова покинула свое тело и присоединилась к тем избранным душам, которые сопровождали Спасителя в Его торжествующем шествии. Я видела также, как многие умершие являлись ученикам Спасителя и ободряли их. Необычайные явления, сопровождавшие смерть Спасителя в Иерусалиме, - землетрясение, затмение солнца - происходили и в других частях святой земли, а также в более отдаленных местностях. Везде эти явления вызывали ужас и изумление.

В ночь с пятницы на субботу я видела Каиафу и других старейшин, державших совет, как им поступать в связи с чудесными явлениями, имевшими всюду место и угрожавшими вызвать волнение в народе. Они направились к Пилату и сказали ему, что обманщик Тот при жизни Своей говорил, что воскреснет на третий день, - вот они и пришли к Пилату просить поставить

стражу у гроба до третьего дня, чтобы помешать ученикам украсть Его тело и затем распространить весть о Его воскресении из мертвых, ибо второй обман будет хуже первого. Пилат, не желавший больше вмешиваться, резко ответил: «У вас есть свои воины, пойдите и охраняйте гроб как знаете». Однако он приказал Кассию следовать за ними и доносить обо всем происходящем ему. Я видела, как они направились к гробу перед восходом солнца: их было двенадцать человек. Их сопровождали телохранители, служившие при храме. Они несли фонари на длинных шестах, чтобы освещать темную пещеру. По приходе в гробницу они убедились в том, что тело Господа находится во Гробе. Затем укрепили веревку на двери в гробницу, другую - вокруг камня, приваленного ко входу в пещеру, и приложили к обеим веревкам печать крестообразной формы. После того они удалились, оставив стражу у внешней двери в гробницу.

Постоянно дежурили пять или шесть стражников, сменявшихся по очереди. Один Кассий не покидал своего поста. Он либо стоял, либо сидел при входе в пещеру. Со своего места ему была видна та часть гробницы, где покоились ноги Спасителя. Он получил за это время большие духовные милости. Бог озарил его душу, явил ему много тайн. Непривычный к таким необычным милостям, Кассий был как бы вне себя, в непрерывном восхищении и озарении. Он совершенно преобразился. То был новый человек. Все время он проводил теперь в молитве, в покаянии, в благодарности за полученные им милости.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Глава 1

Ожидание Воскресения

В горнице святые жены привели в порядок все вещи, которые они употребляли при погребении Спасителя. Затем одна из жен зажгла лампу, подвешенную в середине большой комнаты, и все собрались вокруг Пресвятой Девы. Преисполненные великой скорби, они молча молились, затем приняли легкую трапезу. В это время пришли Марфа, Марони, Дина и Мара, которые были до сего часа в Вифании. Лазарь привел их сюда, чтобы все были вместе. С глубокой скорбью и печалью святые жены рассказали пришедшим подробности смерти и положения во гроб Спасителя. В другом зале двадцать учеников Господа, одетые в белые одежды и препоясанные поясами, справляли субботу. Они тихо читали и молились, бесшумно приветствуя приходящих к ним. Поздно вечером кое-кто из учеников вместе с Иосифом Аримафейским зашли за святыми женами, чтобы проводить домой тех, которые собирались на ночь вернуться к себе. Когда они шли в Иерусалим, то недалеко от трибуны Каиафы Иосиф был арестован.

Те святые жены, которые остались в горнице, уединились по маленьким комнаткам, отделенным от большой коврами и плетеными перегородками. Сняв

сандалии и верхние одежды, закутавшись длинными покрывалами для сна, жены сиротливо и грустно опустили на постеленные у стен одеяла. В полночь, после короткого отдыха, они встали, по своему обычаю скатали одеяла и вновь собрались вокруг Пресвятой Девы для молитвы. Ученики с апостолом Иоанном тоже молились в другом зале. Окончив общую молитву, они постучали к женам. Тотчас Пресвятая Дева и святые жены закутались в свои плащи и пошли за ними к храму. Было около трех часов - то самое время, когда священники накладывали печать на гроб Спасителя.

У евреев был обычай после вкушения Пасхального агнца отправляться в храм еще до зари. Храм открывался после полуночи и служба начиналась очень рано. Но на этот раз праздник был нарушен, храм осквернен явившимися призраками, и многие не последовали вековому обычаю. Храм был открыт, огни зажжены, но кругом было пусто и дико. Все напоминало о грозных явлениях накануне. В том месте, где преддверие примыкает к святилищу, стены настолько сильно разошлись, что каждую минуту можно было ожидать их падения. Архитрав, к которому была прикреплена завеса святилища, упал. Колонны, поддерживавшие прежде архитрав, подкосились и тоже пали. Разодранная надвое завеса упала. Кругом были разрушенные стены, камни, разверстая земля и шаткие колонны.

Потомки Симеона Богоприимца, служившие в храме, и племянники Иосифа Аримафейского встретили учеников и святых жен с Богоматерью. Все шли по храму, с ужасом созерцая следы Божьего гнева. Трепетное молчание временами прерывалось короткими рассказами о подробностях печальных событий. Казалось, что Богоматерь со Своими спутниками пришла проститься с этим храмом, где Она выросла, поклоняясь святому святым до того дня, когда Сама понесла в Себе Святое святым всего мира. Кого заклали теперь со страшной жестокостью! Пресвятая Мать со спутниками обошла все места, освященные прежде присутствием Спасителя. Она преклонялась до земли, смиренно целовала камни и объясняла друзьям, почему эти места были святы и дороги Ей. Ученики вслед за Богоматерью тоже склонялись и лобызали камни святого храма. Пресвятая Дева показала, где Она младенцем была принята в храм. Показала помещения в южной части, где протекли годы Ее юности. Богоматерь показала и место своего обручения с Иосифом, и место, где услышала пророчество Анны и Симеона, когда принесла в храм Младенца Иисуса. И Богоматерь не смогла сдержать слез, ибо пророчество сбылось и меч скорби пронзил Ее сердце. Пресвятая Дева показала тот зал, где Она нашла двенадцатилетнего Сына, поучающего законников, и поцеловала кафедру, где Он восседал. Потом все смотрели на место, где бедная вдова опустила свою лепту, драгоценную перед Господом: где Спаситель простил женщину-прелюбодейку.

Огромный храм, молчаливый, разрушенный и оскверненный, печально внимал прощальным словам Богоматери, свидетельствуя своим скорбным видом о нечестии и виновности еврейского народа. Богоматерь вспомнила, как Спаситель оплакивал этот храм и говорил Своим врагам: «Разрушьте этот храм, и Я в три дня возведу его». Теперь Богоматерь поняла, что люди разрушили храм

души Ее Сына - Его тело. И Она воздыхала о том третьем дне, когда должно будет исполниться обетование Воскресения.

В горницу вернулись перед рассветом. Наступила великая суббота. Пресвятая Дева и святые жены направились в комнаты по правую сторону. Иоанн и его друзья направились в дом к остальным ученикам. Я видела их числом около двенадцати, видела, как они провели ночь в том месте, где ими справлялась Пасха. Они предавались печали, молились при свете ламп. С радушием встречали они друзей, приходивших повидать их, и беседовали с ними, а глаза их были полны слез. И все они испытывали какое-то особое уважение и восхищение пред Иоанном, имевшим мужество присутствовать при смерти Спасителя. Иоанн же, любвеобильный и открытый душой, был прост и смирен как дитя, и старался уклониться от почитания. Говорили все время вполголоса, и двери были закрыты. Их не трогали, так как дом принадлежал Никодиму, и они сняли его на праздник Пасхи.

Святые жены оставались до вечера в своем помещении с закрытыми дверями и с завешанными окнами, в полутьме, при свете одной небольшой лампы. Иногда они собирались вокруг Пресвятой Богородицы для молитвы и опять уходили в свои кельи. Там, закутав свои головы длинными черными покрывалами, они ложились на пол или молча молились, прислонившись к стене. Выходя из своих келий для молитв, они оставляли в них свои длинные покрывала. Наиболее немощные вкусили немного пищи, остальные же соблюдали строжайший пост.

Несколько раз в продолжение этого дня мои взгляды останавливались на них. И всегда я видела их в полутемном помещении, либо исполняющих обряды благочестия и молитвы, либо предающихся скорби, делясь друг с другом своим горем. В духе я переносилась от Пресвятой Девы Марии к Ее Божественному сыну, и несколько раз видела святую гробницу Спасителя и шестерых или семерых стражей, стоящих при входе в нее. Иногда они сидели. Кассий не оставлял вход в пещеру - стоял, опираясь на камень. Он был молчалив и глубоко сосредоточен в себе. Внешняя дверь была закрыта, и камень прислонен ко входу. Я видела сквозь дверь божественное тело Спасителя, окруженное небесным светом и блеском, и двух ангелов, поклоняющихся Ему в немом почитании.

Глава 2 Сошествие во ад

Однажды в этот день, перенесшись духом ко Господу я увидела, что душа Его сошла в преисподнюю. Я увидела сошествие Его в подробной и богатой картине,

но запомнила из нее лишь очень небольшую часть. Когда Спаситель, воскликнув, предал Свою душу в руки Отца небесного, я увидела, как святейшая душа Его, спустившись вдоль Креста, как молния проникла в землю в сопровождении множества ангелов, среди которых я узнала Архангела Гавриила. Божественность Спасителя оставалась с Его душой, но также и с Его телом, еще пригвожденным ко Кресту. Пространство, в которое сошел Спаситель, разделялось на три части, как бы на три мира, отделенных друг от друга. В преддверии ада было пространство, все залитое светом, покрытое зеленью, где воздух был совершенно чист. Здесь пребывают души, которым уготовано небо после чистилища, перед тем, как поднимутся в небеса. Место в преддверии ада, где находились души, ждавшие искупления, было окружено густой облачной пеленой и разделялось на несколько кругов.

Спаситель, сияющий светом, окруженный и несомый торжественно Ангелами, прошел по двум этим сферам. В отделении направо - души всех патриархов от Авраама до Иоанна Крестителя. Души их еще не знали Спасителя, однако все были исполнены радости, надежды и упования. Казалось, что росло и увеличивалось то узкое пространство, которое занимали надежда и упование. Спаситель наполнил их местопребывание, как воздух, как свет, как роса искупления. И прохождение Господа было столь же быстро, как дыхание легкое и благодатное. Пройдя эти две сферы, Христос достиг того темного места, где обитали души наших прародителей Адама и Евы. Он обратился к ним, и они преклонились пред ним в неопишемом благоговении.

Далее Спаситель последовал вместе с прародителями туда, где были души патриархов, живших до Авраама. То место походило в некотором роде на чистилище, ибо виднелись подчас и злые духи, мучившие души разными способами. Сюда не было свободного входа, и ангелы постучали, возвещая благую весть спасения: «Откройте врата! Радуйтесь!» И Спаситель вошел в славе, а злые духи отпрянули от Него, восклицая: «Что Ты пришел сюда! Не распинать ли нас явился?» Ангелы сковали их и погнали перед собой. Бедные души, обитавшие тут, лишь смутно представляли себе своего Искупителя. Господь явил Себя им, и они восхвалили Его в торжественных песнопениях.

Затем Христос перешел в левую сферу, где была сама преисподняя. Он встретил душу благоразумного разбойника, которую ангелы несли в лоно Авраамово. Душу же другого, злого разбойника, злые духи пронесли в ад. Спаситель обратился и к ним. Затем, сопровождаемая ангелами и избранными Божиими, душа Спасителя вошла в лоно Авраама. Место это было как-то выше других мест. Мне казалось, что я сначала спускалась как бы в катакомбы, а теперь поднялась в церковь, находящуюся, над этими катакомбами.

Злые духи старались разорвать цепи, которыми их сковали, дабы не входить сюда. Однако ангелы принудили их войти и подгоняли их там. В этом месте обретались все праведники и святые Ветхого Завета; по правую руку - патриархи, Моисей, судьи, цари (праведные из них); по левую руку находились пророки и предки Спасителя и их родственники, среди них - Иоаким, Анна, Иосиф, Захария, Елизавета и Иоанн Креститель. В этой части преисподней не

было ни злых духов, ни мучений: все, находящиеся здесь со времени своей смерти, вздыхали лишь об одном - об исполнении обетования, которое теперь совершилось! Блаженство радость и ликование объяло эти святые души! Они преклонились пред Спасителем и принесли Ему почитание. А злые духи, влекомые вслед за Господом, принуждены были исповедовать пред Ним свой позор и свое поражение. Некоторые из душ праведников получили повеление от Спасителя войти в свои тела, дабы воздать Господу своему торжественное и очевидное всем свидетельство. И, действительно, в этот момент множество умерших явилось в Иерусалиме. Это не было воскресением, ибо, воздав свидетельство Истине, они скоро опять упокоились телами в гробницы.

Торжественное шествие Спасителя достигло более глубокой сферы чистилища, где находились благочестивые язычники, которые предчувствовали истину и вздыхали о ней. Я видела, как злые духи, находящиеся здесь вынуждены были открывать свой обман, исповедовать себя как соблазнительей, а души бедных язычников с трогательной радостью преклонялись пред своим Искупителем. И здесь демоны были скованы и выгнаны вон. Торжественное шествие Спасителя-Победителя быстро обошло те пространства, где находились души, получившие освобождение.

Наконец, и то было великое мгновение, - Господь с грозным видом Судии приблизился к пропасти преисподней, к геенне. Преисподняя представилась мне в форме необъятного свода, высеченного в гранитной скале, совершенно ужасающего вида. Тьма царствовала там, и только этот черный гранит отсвечивал чем-то металлическим. При входе - врата великие, черные и страшные, с огромными замками. Слышались глухие стоны рычание и крики ужаса. Двери подняли - и стал виден мир страданий, мир мрака преисподней.

Жилище праведников я всегда видела в образе небесного града, состоящего из красивых замков, расположенных среди благоухающих садов с плодами богатыми и прекрасными, цветами необычайной красоты, - и все это как символы различных степеней блаженства обитающих в них. Так и ад я увидела в образе града со зданиями, домами и полями. Только тут все являет символ, противоположный счастью, все здесь указывает на скорбь и страдание. Тогда как в обители праведных все подчинено порядку совершенного блаженства, вечной гармонии и преисполнено нескончаемым миром, счастьем, блаженством, то в аду, напротив, царил хаос, все возвещало гнев без прощения и милосердия, разделение, отчаяние.

В райском граде - дивно красивые сооружения: прозрачные, самые разнообразные по своей форме обители радости и поклонения Богу. В граде адском - устрашающие тюрьмы, страшные обители страдания, проклятия, отчаяния. В граде небесном дивные сады, наполненные плодами, которыми Сам Господь питает Своих избранных. В граде тьмы - выжженные пустыни, зловонные болота, порождающие отвращение, ужас и отчаяние. И здесь, в этом страшном месте, я увидела храм проклятия, алтарь ненависти и злобы, обитель страдания, чертог отчаяния, сады смятения, озера угрызений совести, поток слезный. На небе все - благодать, любовь, согласие, мир - полное и беспредельное

блаженство! В аду - глубокая вражда, полное разногласие осужденных. В раю общение в святой любви и единении всех снятых. В аду - все виды развращения и заблуждения представлены в самых устрашающих мучениях. Все внушает ужас; ни одна мысль не облегчает сердце, исключая ту, что вечная справедливость Божия, беспредельно совершенная, посылает осужденным лишь те страдания, которые ими заслужены. Все ужасы зла и порока как бы собраны воедино, грех виден обнаженный без прикрытия и маскировки. В мире грех и зло прикрывают себя, здесь же они являют себя во всем своем безобразии. Здесь адский змий оборачивается против тех самых, кто вскармливал его на груди своей. Ад - образ ужаса и смятения, тогда как Царствие Божие - храм мира и счастья. Понять это легко, но невозможно передать и описать весь облик этого града зла.

Когда ангелы сокрушили врата геенны, послышался страшный рев и шум, крики, проклятия, вопли жалобы и отчаяния! Спаситель обратился со словами к душе Иуды. Ангелы повергли ниц все воинство ада. И все демоны, все темное, дьявольское - принуждено было признать Христа и поклониться Ему - это было для них самым тяжким и самым страшным из наказаний... Большое число демонов ада было сковано в круг, концентрически окруженный другими сферами. А посреди ада была пропасть ужасной тьмы. Люцифер был низвергнут туда, скованный цепями, черный густой дым окутывал его со всех сторон. Участь Люцифера определена законом, означенным Самим Господом. И я видела, что за пятьдесят или шестьдесят лет до двухтысячного года Люцифер должен выйти на некоторое время из бездны. И другие злые духи должны были быть освобождены в более или менее отдаленные времена, чтобы искушать людей.

Невозможно передать то, что мне было показано! Я сильно страдаю! Когда я говорю о подобных вещах, то все виденное мною встает пред глазами, а этого достаточно, чтобы заставить умереть от ужаса и боли столь слабое создание, как я!

Множество искупленных душ избранников Божиих, избавленных от мучений преисподней, поднялось за душой Спасителя в блаженную обитель, находящуюся под небесным Иерусалимом. Туда же была перенесена и душа разбойника благоразумного. Душа эта увидела своего Спасителя в раю согласно обещанию, данному Господом на Кресте. Души эти по желанию Божию должны были насладиться тогда же счастьем и божественной Трапезой. Я видела Спасителя во многих местах на земле и даже на море. Казалось, Господь освящал и искупал все Свои творения, и злые духи всюду бежали пред Ним и бросались в пропасть. Душа Спасителя проникла в гробницу Своих прародителей, Адама и

Евы, на Голгофе. Он говорил с ними. Господь посетил гробницы святых и пророков, куда к своим мощам пришли их души, и Господь разъяснил им непостижимые тайны.

Я видела затем Господа в сопровождении избранных пророков, среди которых узнала Давида, посещающего места, которые были освящены Его чудесами и страданиями. С неизреченной милостью Он излагал им символы и прообразы Ветхого Завета и их исполнение Своей жизнью. Так я видела Спасителя вместе с этими душами святых в месте Его крещения. Задолго до этих времен то место было промыслительно отмечено многими символическими событиями, и Он объяснил им тайное значение их. Меня глубоко растрогало, с каким безграничным милосердием Господь приобщал эти души к благодати Своего святого крещения. Каким счастьем было созерцать душу Спасителя в сиянии света, окруженную душами святых! Блистающим лучом душа Его проницала землю, воду и воздух и торжественно, плавно и мягко плыла над землей по рекам, над скалами.

Наряду с этими картинами. Спаситель показал мне всю полноту Его милосердия, которое проявляется и по сей день к бедным душам в преисподней. Каждый год, когда Церковь празднует Сошествие во ад, Господь обращает в преисподнюю Свой взор, полный милосердия, и освобождает в этот день несколько душ. В день видения Спаситель освободил несколько душ, причинивших Ему обиды в час Распятия.

По сошествии Своем в преисподнюю Господь исполнил многие образы и пророчества Ветхого Завета. Он совершил искупление и освобождение избранных душ. Искупление есть реальность, продолжающаяся постоянно в течение веков. По сошествии Своем во ад Господь насадил в Церкви Своей древо Своих заслуг и страданий, плоды которого предназначаются для бедных душ умерших христиан, не получивших блаженства и не могущих уже ничего для себя стяжать. И если по сей день эти души обладают возможностью спасения, то это от древа жизни, не перестающего нести плоды в духовном саду еkkлезиастического года. Задача Церкви воинствующей выращивать плоды древа сего, дабы передать их Церкви страдающей, не могущей самостоятельно действовать и спасаться. Так же обстоит дело с тем, что дано нам от заслуг нашего Господа. Человек должен присоединить свои усилия к делу Спасителя, чтобы получить плоды. Таким образом, и мы должны питаться хлебом, добываемым в поте лица своего. Все, что Господь сотворил во времени, приносит плоды в вечности, но необходимо собирать эти плоды во времени, иначе мы не сможем наслаждаться ими в вечности.

Церковь самая разумная и заботливая из матерей. Год церковный - это великолепный сад, громадный и чудесный. В этом саду все вечные плоды собраны и даются во времени. И каждый церковный год заключает в себе все нужное для всех. Горе садовнику неверному и ленивому, если он дает погибнуть хоть одному плоду, отданному ему на хранение, - милость, которая могла бы вернуть здоровье больному, силу слабому, насытить голодного. А в день суда

Хозяин сада спросит с него отчет за каждый стебелек и за каждый плод в Его саду!

Глава 3 Воскресение

Вечером в великую субботу апостол Иоанн пришел навестить святых жен. Он плакал вместе с ними и пытался их утешить. Спустя некоторое время Петр и Иаков-старший также пришли к ним. Затем святые жены удалились в свои кельи и, закутавшись с головой в свои траурные покрывала, предались скорби. Пресвятая Дева непрерывно молилась с горячим желанием как можно скорее увидеть Своего божественного Сына. Вдруг Она увидела ангела. Он приблизился к Ней и сказал, чтобы Она следовала к воротам Никодимовым, через которые Она со святыми женами вернулась в город, ибо Господь скоро будет там. При этой вести Святая Дева затрепетала от радости! Она закуталась в свой плащ и, не сказав никому куда идет, поспешила в назначенное место. Было приблизительно девять часов утра, когда я увидела Пресвятую Деву недалеко от ворот в уединенном месте. Внезапно в каком-то восторженном озарении Она обратила взор к высокой стене, окружавшей здесь город. Душа Спасителя, блистающая светом и окруженная патриархами, спускалась к Марии. Указывая на Нее, Господь сказал сопровождавшим Его: «Вот Мария. Мать Моя!» Казалось, Он нежно обнял Ее и стал невидим. Пресвятая Богородица пала на колени и целовала землю в том месте, где Господь явился Ей. Ее колени и ступни отпечатались на камне. Преисполненная неизреченного утешения, Она вернулась к святым женам и нашла их занятыми приготовлением ароматов. Пресвятая Дева не сказала им о полученной Ею милости, но вся Она была полна силы, и утешала Своих подруг, и укрепляла их в вере.

Святые жены стояли вокруг длинного стола. Стол этот покоился на ножках в форме креста и был покрыт пеленой, ниспадавшей до земли. Они отбирали ароматные травы, собирали их из разных сортов и смешивали в определенном порядке. В руках у них были флаконы с пахучими маслами, нардом, а также живые цветы. Все это они закутали в пелены. Во время отсутствия Богоматери Магдалина, Мария Клеопова, Саломия, Иоанна Хуза и Мария Саломия ходили в город для закупки всех этих необходимых предметов. Они предполагали отправиться к гробнице на следующий день еще до восхода солнца, чтобы возлить эти ароматы и возложить цветы и травы на тело божественного Учителя.

Едва я увидела возвращение Пресвятой Девы к Своим подругам, как перенеслась духовным взором к Иосифу Аримафейскому. Он молился в своем

заточении. Внезапно вся тюрьма наполнилась светом, и я услышала, как Иосифа называли по имени. Крыша дома приподнялась и блистающий образ явился пред взором его. Он протянул ему пелену, форма которой напоминала мне плащаницу, в которой был погребен Спаситель, и сказал, чтобы тот ухватился за нее. Иосиф ухватился двумя руками за пелену и по камням, выступавшим в стене, достиг потолка камеры, которая была около десяти футов высотой. Таким образом он вышел в отверстие, которое закрылось за ним. Когда Иосиф вышел, его избавитель исчез.

Никем не замеченный, Иосиф дошел до дома с горницей, расположенного недалеко от горы Сионской. Спустившись со стены, Иосиф постучал в двери. Ученики, со скорбью узнавшие об исчезновении Иосифа, думали, что его сбросили в клоаку. Когда же они открыли двери и увидели его, радости их не было предела. Позднее апостол Петр, чудесно освобожденный из тюрьмы, также порадовал верных своим неожиданным возвращением в то же помещение с горницей. Иосиф рассказал о видении и о чуде, происшедшем с ним.

Все собравшиеся здесь были утешены его рассказом. Они дали ему поесть и возблагодарили Бога... В следующую ночь Иосиф тайно покинул Иерусалим, чтобы направиться к себе на родину в Аримафею. Однако узнав, что ему не грозит больше опасность, он поспешил вернуться в Иерусалим.

В тот же день под вечер я увидела Каиафу и несколько старейшин и священников, собравшихся у Никодима. Со всеми признаками внешнего благожелательства они задавали ему вопрос за вопросом. Я не могу передать, что именно они говорили. Никодим горячо защищал Спасителя. Затем они расстались.

Я снова увидела Гроб Спасителя. Все было тихо и спокойно вокруг него. Шесть или семь стражников сидели или стояли против входа во гроб. Кассий находился все в том же положении у входа в пещеру, в каком был в течение всего дня. Он был в постоянном созерцании небесных озарений и, казалось, ожидал великого события. Глубокое умиление владело его сердцем.

Была ночь. Светильники, прикрепленные возле гробницы, озаряли ее скорбным светом. Духовными очами я с благоговением перенеслась к телу Господа и Спасителя моего. Оно продолжало находиться все в том же положении. Священное тело, обернутое плащаницей, светилось, и два ангела (при главе и в ногах) от самого положения во гроб пресвятого тела Господня непрерывно воздавали Ему поклонение в немом обожании и трепете. Ангелы эти в одеждах священников напомнили мне своей позой со скрещенными руками херувимов, которые находились на ковчеге завета, только у этих не было крыльев. Вообще момент положения тела Господня во гроб и подробности относительно гробницы Христа часто напоминали мне различные периоды истории ковчег завета.

Кассий мог заметить свет, окружавший гробницу, и ангелов, находящихся возле гроба. В то время, как я смиренно преклонялась пред телом Господним, душа Спасителя, сопровождаемая душами патриархов, только что освобожденными Им, проникла сквозь скалу к гробу и показала окружавшим Его

душам все раны поруганного тела Своего. И мне показалось, что пелены были как бы приподняты, и священное тело Господа явлено со всеми ранениями. И было дано тем душам таинственным образом видеть все, происходившее при Его страданиях. Все муки Спасителя до малейших подробностей были показаны им. Души праведников были проникнуты благоговением, изумлением, признательностью и великим состраданием.

Потом мне было видение, подробности и смысл которого - таинственный и глубокий - мне вряд ли удастся передать. Душа Спасителя по соединении Своем с пречистым телом была поднята из гробницы, хотя телу не была еще возвращена жизнь. Мне показалось, что оба ангела, поклоняющиеся телу, подняли Его, сохраняя то положение, которое оно занимало в гробу, и поднялись с ним ввысь. И казалось, что Господь пред престолом Отца Своего Небесного и пред сонмами ангелов представил тело Свое, покрытое стигматами Своих страданий. Тут камень от гроба заколебался и упал. Четверо из стражников ушли в город, трое оставшихся упали в оцепенении. Они приписывали все происходящее землетрясению, не подозревая истинной причины. Кассий был весь охвачен священным трепетом, втайне, хотя и неясно, осознавая происходящее вокруг. Он, однако, оставался на своем посту и ожидал в глубоком духовном сосредоточении великих событий, предвещанных небесами. Воины, уходившие в Иерусалим, не замедлили вернуться.

Взор мой перенесся к святым женам. Они приготовили ароматы, которые собирались нести ко Гробу, положили их в несколько свертков и разошлись по своим кельям, но не ложились спать, а лишь сели, прислонившись к свернутым одеялам и коврикам. Они собирались идти ко Гробу еще до восхода солнца, и это предстоящее посещение Гроба наполняло их души беспокойством: они боялись, что враги Спасителя помешают им дойти до Гроба. Божия Мать, исполненная смелости веры, успокаивала святых жен, предлагала отдохнуть и потом безбоязненно идти ко Святому Гробу, ибо ничего худого с ними не может случиться. После всех успокоительных слов святые жены решили хоть ненадолго предаться покою.

Было около двенадцати часов, когда Пресвятая Дева, преисполненная любви и ожидания, решила покинуть дом. Она встала, закуталась в большое траурное покрывало и одна вышла из помещения горницы. Видя Ее, я сказала сама себе: «Как может Пресвятая Мать, убитая горем, одна идти по улицам города?»

Я видела, как Она шла мимо дома Каиафы, затем возле дворца Пилата, достаточно отдаленных друг от друга. Далее Она шла по Крестному скорбному пути молчаливыми, пустыми улицами, останавливаясь во всех местах, отмеченных страданиями Христа. Можно было думать, что Она ищет утерянный Ею предмет. Часто Она нагибалась, касаясь рукой камня, затем покрывала эти камни лобызаниями, оттого что находила на них самое драгоценное из всех сокровищ мира - Кровь Своего Сына! В это время Господь посылал Ей особую силу и благодать. Она без труда обретала предметы Своего почитания, вся погруженная в любовь и поклонение Христу. Наконец, Она направилась к горе Голгофе. Когда приблизилась к ней, то вдруг внезапно остановилась: душа

Спасителя с Его святым телом явилась Ей. Ангел Божий шествовал впереди, двое ангелов, стоявших на поклонении у гроба, были по сторонам, а сзади во множестве следовали души, освобожденные Господом.

Тело Спасителя не походило на живое: точно сверхъестественная сила вела его. Я слышала голос Его, Он сказал Своей Матери о чудесах, совершенных Им во аде. Сказал, что воскреснет в Своем теле и явится Ей: Она должна ожидать Его у скалы Голгофской в том месте, где Он упал, неся Свой Крест. Затем Спаситель направился к городу.

Богородица, закутавшись в покрывало, простерлась ниц на том месте, где только что явился Ее Сын. Было за полночь. Ее путь по скорбному Крестному шествию занял час времени. В городе это шествие Спасителя проходило Его Крестным путем. И святые души, сопровождавшие Его, увидели все страдания, все муки, испытанные Им. Ангелы благоговейно собирали все частицы тела Господа, оторванные во время надругательств. Избранные души видели пред своими глазами все действия великой драмы Голгофской: видели Спасителя, пригвожденного ко Кресту, поднятие Креста. Видели, как копье пронзило Его тело, снятие тела с Креста, положение во Гроб. Все это видела в духе и Божия Мать, погруженная в молитву, и воздавала Богу Свою любовь и Свои моления. Затем я увидела тело Господа снова во Гробе, на прежнем месте. Ангелы вернули священному телу все частицы материи, отторгнутые во время Его Страданий. Я снова увидела тело Господа в пеленах, в сиянии, и оба ангела, поклоняющиеся Ему, заняли свои места в голове и в ногах у Гроба.

Когда только начала заниматься заря, я увидела Марию Магдалину, Марию Хузу и Саломию. Покинув помещение горницы, они шли, закутанные в широкие покрывала. В руках у них были свертки, приготовленные ранее. Одна из них несла зажженный фонарь. Все это было скрыто под покрывалами. У них были и живые цветы, которые им хотелось положить во гроб, а также ароматы и благовонные масла. Не без тревоги они направились к воротам никодимовым.

То, что я увидела затем, непередаваемо. Подобного рода вещи не подчиняются естественному закону, и наше сознание не может объять их. Но что сейчас кажется мне непосильно трудным для передачи, тогда казалось совершенно ясным и понятным.

Душа Спасителя как большой и яркий свет в сопровождении двух ангелов в одеждах воинов и душ праведников вошла сверху в святой гроб и соединилась с телом. Члены до того неподвижного тела стали двигаться, и светлое блистающее тело Господа в полноте божества вышло из пелены, окутывающей его. Вся пещера наполнилась небесным светом. В то же мгновение страшное чудовище, походившее на змея или дракона, вылезло из земли под святым гробом и с

яростью бросилось на Спасителя. Воскресший Господь, держа в руке белое копьё с развевающимся знаменем, наступил на голову чудовища и трижды пронзил его хвост копьем. И всякий раз чудовище как бы съеживалось, точно уходило в себя, и, наконец, исчезло в пропасти...

Это же чудовище я видела и при Благовещении, Его черты напоминали мне того змия, который искушал прародителей в раю, только этот был много ужаснее, страшнее! Видение это относится к словам книги «Бытия»: «Семя Жены раздавит главу змия» (Быт.3:15) и символизирует победу Христа Спасителя над смертью (в ту минуту, когда Спаситель раздавил главу змия, гроб исчез у меня из глаз).

Затем я видела, как воскресшее тело Господа прошло сквозь камень гробницы. Земля содрогнулась! Ангел в одежде воина молнией сошел с неба ко гробу. Он откинул камень направо от входа и воссел на него. Сотрясение было настолько сильно, что фонари погасли и опрокинулись. Стражники упали и остались лежать на земле. Кассии был поражен небесным светом, наполнившим всю пещеру. Однако, скоро придя в себя, он подошел к гробнице, открыл дверь и увидел, что пелены более не покрывали святого тела. Он думал, что следует оповестить Пилата о происшедшем, но медлил уходить в надежде увидеть Спасителя. От Кассия и стражников ученики узнали первые подробности воскресения Христова.

В то мгновение, когда, задрожала земля и ангел сошел с небес, я увидела воскресшего Спасителя, в славе явившегося Своей Матери на Голгофе. Дивен и прекрасен был Он небесной красотой, радостен и пресветел в сиянии торжественном и победном. Его широко открытые зияющие раны блистали, как солнце. Одевание Его, ослепительно белое и широкое, развевалось при Его движениях. Отсветы от ран Господа отражались от одеяния и были подобны играющим лучам солнца. Можно было вложить два пальца в отверстия раны Его рук. Лучи света из них шли по направлению пальцев.

Души патриархов преклонились пред Матерью Спасителя. Господь говорил с Ней о тайне воскресения. Он показал Ей Свои раны. Пречистая упала на землю, чтобы поцеловать Его святые стопы. Он взял Ее за руку, поднял и исчез. Снова зажглись фонари у гробницы. К утру длинная полоса света стояла в небе над Иерусалимом.

Святые жены подошли к воротам никодимовым, когда Спаситель вышел из гроба. Они даже не знали, что была приставлена стража, т.к. из уважения ко дню субботнему ни один ученик не ходил ко гробу. Жены спрашивали с беспокойством друг друга: «Кто отодвинет нам камень от гроба?» До сих пор, помышляя лишь о том, чтобы воздать последнее почитание телу Господа, они не подумали о камне.

В пятницу все заботы по погребению Учителя взял на себя Никодим. Теперь святые жены несли Спасителю все самое дорогое, драгоценное, что было у них. Они хотели вылить в гроб ароматы и масла, насыпать его цветами и пахучими травами. Саломия купила особенно дорогие ароматы (то была не мать св.Иоанна, а богатая вдова из Иерусалима, дальняя родственница св. Иосифа). Они решили положить свертки свои у камня и читать молитвы в ожидании, пока кто-нибудь из учеников придет и отвалит камень от гроба. И с этим намерением они подошли к саду.

При виде горящих фонарей святые жены испытали ужас и несколько отступили назад. Одна Мария Магдалина не почувствовала ни страха, ни робости. Вся поглощенная горем, она бросилась внутрь сада, а Саломия робко на некотором расстоянии последовала за ней (они обе особенно много приложили стараний, приготавливая ароматы и масла для тела Господа). Остальные жены, менее смелые, удержались у входа. Когда Мария Магдалина приблизилась к пещере, она в испуге отпрянула назад к Саломии.

Стражники, опрокинутые на землю, конвульсивно дрожали - так велик был их страх. Камень, закрывающий до сих пор вход в пещеру, был отброшен направо так что, слегка толкнув дверь, можно было войти в гроб. Оправившись, Мария и Саломия прошли стражников, распростертых на земле, и подошли к пещере. Они увидели отваленный камень, но дверь в гроб была закрыта Кассием. Магдалина быстро открыла дверь в гроб. С волнением и беспокойством она взглянула на погребальный камень и увидела пустые пелены. Небесный свет озарял все помещение. Ангел с правой стороны сидел на камне.

Мария Магдалина была как бы вне себя. Я даже не знаю, слышала ли она слова ангела, обращенные к ней. Она тотчас вышла из сада и через те же ворота, какими вошла, побежала к апостолам в помещение горницы, где они все были собраны. Саломия же не входила в гроб. Я видела, как она вслед за Магдалиной поспешно выбежала из сада к остальным женам, чтобы сообщить им о происшедшем. Все это совершилось очень быстро, словно духи, а не люди передвигались тут. Святые жены слушали Саломию с радостью и изумлением и колебались, входить ли им в сад.

Кассий, покинувший свой сторожевой пост у гробницы, держался некоторое время недалеко, надеясь увидеть Спасителя, думая, что Он явится, если не ему, то женам. Затем он направился к месту распятия, чтобы оттуда поспешить к Пилату. Проходя мимо святых жен, Кассий в нескольких словах сообщил им то, чему был свидетелем и пригласил их самих убедиться в истине его слов. Тогда они ободрились и прошли в сад.

При входе в гроб они окаменели от страха, увидав двух ангелов в длинных белых одеждах, подобных одежаниям священнослужителей. Не будучи в состоянии овладеть собою, они жались друг к другу, низко склоняя головы и закрывая руками свои лица. Один из ангелов обратился к ним со словами, чтобы они не боялись и не искали тут распятого Спасителя: «Он жив! Он воскрес! И нет Его во гробе смерти». И он указал им на пустой гроб и велел идти к ученикам, сказать им о всем виденном и слышанном. «Спаситель, - прибавил он, - предварит вас в Галилее. Вспомните, что Он говорил: «Сын Человеческий должен быть предан в руки грешников, распят на Кресте и воскреснуть в третий день». И в то же мгновение ангелы стали невидимы. Святые жены, преисполненные радости и вместе с тем страха и трепета, созерцали пустые пелены и камень. Они долго плакали, затем направились к месту распятия. Волнение мешало им идти, они оглядывались в надежде увидеть Спасителя или хотя бы встретить Магдалину.

В это время Мария Магдалина добежала до помещения с горницей и громко и настойчиво постучала в дверь. Некоторые ученики еще спали, другие встали и тихо разговаривали между собой. Дверь открыли Петр и Иоанн. Мария произнесла лишь слова: «Тело Господа унесли, и мы не знаем, что с Ним стало». И едва произнеся эти слова, она быстро побежала обратно в сад. Петр и Иоанн сообщили остальным услышанное от Магдалины и поспешили следом за ней ко гробу. При этом Иоанн опередил Петра.

Я видела, как Магдалина бежала по саду ко гробу. Быстрая ходьба и горе привели в беспорядок ее одежду. Она вымокла от утренней росы, покрывало упало с ее головы и длинные волосы развевались по плечам. Она была одна и не решалась войти во гроб. Некоторое время она стояла у входа в него. Затем наклонилась к двери и заглянула внутрь помещения, двумя руками подбирая растрепавшиеся волосы.

Я увидела двух ангелов в лучезарных одеждах, сидящих у главы и у ног, где лежало тело Иисуса. И услышала одного из них, говорившего: «Жена, о чем плачешь ты?» Разразившись рыданиями, т.к. ее единственным помышлением было горе о том, что тело Господа исчезло из гроба, Мария ответила: «Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его». Произнеся эти слова она отошла от гроба, осматриваясь и ища Господа, как бы ощущая Его близкое присутствие. И даже слова ангела, сам вид его не могли изменить хода ее мыслей. Она будто и не замечала их, думая лишь о Иисусе Христе и непрестанно говоря самой себе: «Господа моего нет здесь! Где же Он?!» Она металась по саду, словно в поисках утерянного пути. Длинные волосы ее ниспадали справа и слева на плечи, она собирала их двумя руками и откидывала назад; ее взгляд блуждал вокруг.

Вдруг она заметила шагах в десяти к востоку от гроба, за пальмовыми деревьями, высокую фигуру, одетую в белое, и не без страха услышала слова: «Жена! Что плачешь ты? Кого ищешь?» Думая, что говорящий с нею - садовник (тело Спасителя в это время не было блистающим и плохо виднелось в предрассветных сумерках), Мария тотчас ответила: «Господин, если ты взял Его, скажи, где положил, и я возьму Его». Она смотрела по сторонам, продолжая

искать. Спаситель сказал Своим обычным голосом: «Мария». Она узнала этот превыше всего любимый голос! Позабыв о распятии Спасителя, Его смерти и положении во гроб, чая видеть Его живущим так же, как до Его страданий, она воскликнула, как раньше: «Раввунни», т.е. «Учитель». И пала ниц, простерши руки к ногам Спасителя. Но Господь удержал ее жестом, сказав: «Не касайся Меня, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему. А пойдя к братьям Моим и скажи им, что Я иду к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему». И стал невидим.

Слова: «Я еще не восшел к Отцу Моему». - думается, означают, что Спаситель еще не являлся к Отцу Небесному после Своего воскресения, дабы возблагодарить Его за победу над смертью и за искупление людей. Спаситель как бы указывал Марии, что надо воздать благодарение Богу, что Магдалина должна прийти в себя и воздать хвалу Всевышнему за великую тайну искупления, только что совершившуюся, за победу над смертью, которую Он только что одержал. Если же она, как в былые дни, стала бы лобызать Его ноги, то думала бы снова лишь о своем горячо любимом Учителе и во власти горячей своей любви к Нему забыла бы о великих событиях, возрадовавших в тот день небеса и землю.

По исчезновении Спасителя, Магдалина быстро встала. Ей казалось, что она видела сон. Не пришедши еще в себя, она снова побежала ко гробу. Там она увидела двух ангелов в молитве, услышала от них те же слова, какие были сказаны остальным святым женам, увидела пелены во гробе. Тогда, убедившись в подлинности и чуде воскресения и своего видения, она поспешила к Голгофе, чтобы присоединиться к своим спутницам. И они были еще там: то ли ожидали ее, то ли и не уходили в надежде увидеть Господа.

Все, что я описываю относительно Магдалины, продолжалось всего несколько минут. Явление Спасителя Магдалине было в три с половиной часа утра. Она выходила из сада, когда встретила спешащих Иоанна и Петра.

Иоанн, опередивший Петра, остановился у входа в гроб и, наклонившись, смотрел на покрывала внизу на камне. Вслед за ним подошедший Петр вошел в гроб и увидел одни только пелены лежащие да плат, который был на главе Его. Тогда и Иоанн, войдя во гроб, приблизился к погребальному камню и увидел то же, что и Петр. И с той минуты они поверили в воскресение и без труда поняли теперь слова Спасителя, сказанные Им, но которые до сего времени были непонятны для них. Петр взял пелены под свой плащ, и они поспешили в город через врата никодимовы.

Я не думаю, что Петр видел ангелов сидящих у гроба. Иоанн видел их и, возможно, устранившись при виде ангелов, пропустил Петра впереди себя. Может быть, по своей скромности он не говорит об этом в своем Евангелии, не желая показать себя больше, чем Петр.

Стражники, наконец, пришли в себя и поднялись. Они взяли свои копья и фонари, висевшие у входа в гроб и продолжавшие светиться слабым огнем. Воины были растеряны и объаты страхом. Они вышли из сада не без усилия, большими шагами направляясь к городу через врата Распятая.

Магдалина же, присоединившись к святым женам, поведала им, что видела Самого Господа и ангелов! Они, со своей стороны, сказали ей, что тоже видели ангелов. Затем Магдалина вернулась в город, пройдя соседними вратами Распятая. Остальные жены повернули в сад в надежде увидеть двух апостолов, о которых им сказала Магдалина. Стражники встретили жен и несколько минут разговаривали с ними.

За несколько шагов перед входом в сад Спаситель, облаченный в длинную белую одежду, закрывавшую руки Его, явился женам-мироносицам. Он сказал им «Радуйтесь!» Объаты страхом, они упали к ногам Господа. Казалось, что они хотели лобызать ноги Его, но не сделали этого. Спаситель сказал им еще несколько слов и исчез. Они тотчас побежали к вратам Вифлеемским, чтобы сообщить ученикам, собравшимся в помещении горницы, что они видели Господа, и передать им то, что Он им сказал. Ученики же не поверили ни им, ни Магдалине, считая их слова плодом воображения. Так думали они до прихода Петра и Иоанна.

Последние вернулись смущенные и встревоженные. После великих событий, виденных ими, Петр и Иоанн были задумчивы и молчаливы. На своем обратном пути они встретили Иакова младшего и Фаддея, хотевших следовать за ними ко гробу. Оба были взволнованны, т.к. Спаситель явился и им недалеко от их жилища.

Я видела, что Христос прошел возле Петра и Иоанна. Мне показалось, что Петр заметил Его, т.к. был охвачен внезапным трепетом. Не могу сказать, видел ли Спасителя ап. Иоанн. Во всех подобных видениях я часто вижу Спасителя и других лиц и не могу при этом понять, видят ли эти лица то, что вижу я. Вижу, как одни как бы вздрагивают, трепещут, кажутся удивленными, другие остаются спокойными, даже равнодушными. Так, с того самого времени, как тело Господа было положено во гроб, я видела внутри гроба двух ангелов в немом поклонении, одетых в одежды священнослужителей, а между тем святые жены либо совсем их не видели одно время, либо видели одного.

Ангел, что сошел подобно молнии с небес и отодвинул камень от гроба, был одет как воин в битве (Кассий и стражники тотчас заметили его на камне). Ангелы же на поклонении имели другой вид. Когда я видела их, я ничуть не удивлялась. Все показанное свыше кажется ясным и согласованным, в таком небесном порядке, что ничто не удивляет и не смущает.

Кассий отправился к Пилату приблизительно через час после воскресения Спасителя. Правитель еще не встал с постели, когда Кассий вошел к нему.

Взволнованный и потрясенный Кассий рассказал Пилату, как сошел ангел с неба и открыл пещеру, отбросив камень, как сотрясена была скала и как он, Кассий, обнаружил лишь одни пелены. Наконец, он объявил, что, конечно, Иисус был истинный Мессия, Сын Божий, и Он воскрес из мертвых. Он передал Пилату еще и другие подробности события, свидетелем которого сподобился стать.

Пилат слушал донесение с тайным страхом. Кассию он ответил так: «Ты просто болтун. Для тебя великое несчастье, что тебе пришлось дежурить у гроба Галилеянина. Его боги овладели тобой и прельщали тебя фантастическими видениями. Советую тебе ничего этого не говорить книжникам и первосвященникам, чтобы они не сделали тебе худого». После предупреждения Пилата спутанный и несколько смущенный Кассий удалился.

Тут четверо из воинов, охранявших гробницу, пришли к Пилату с аналогичными сообщениями. Про себя Пилат решил, что тело Иисуса похищено Его учениками. Стражники же рассказывали о всех этих чудесах, по мнению Пилата, чтобы оправдать себя, т.к. дали себя подкупить, не выполнили свой долг, а также сделались жертвой дьявольского наваждения. Он не стал объясняться с этими четверьмя стражниками, а поспешил принести жертвы своим богам.

Тем временем оставшиеся трое стражников отправились с необычным известием в большой двор вблизи храма, где собралось много почтенных иудеев. Посоветовавшись между собой, они стали подзывать стражников порознь друг от друга и с помощью денег и угроз принуждали их заявить, что ученики Иисуса похитили тело Его, пока они спали. Стражники возражали на это, что четверо из них уже пошли к Пилату, и эта ложь будет в противоречии с их донесением, однако фарисеи обещали им уладить все дело с римским правителем.

В это время пришли те четверо стражников, которые ходили к Пилату, и никто не смог помешать им сообщить всю правду.

Этих четверых фарисеи обвинили в сговоре с учениками и с угрозой потребовали вернуть похищенное тело Иисуса. Стражники отвечали, что это для них так же невозможно, как страже тюрьмы невозможно было удержать в камере и заставить возвратиться в нее Иосифа Аримафейского. (Уже распространился слух, что Иосиф чудесным образом был выведен из тюрьмы, при чем двери остались закрытыми.) Они продолжали мужественно отстаивать истину, и никакие обещания и подкупы не могли заставить их молчать. Они говорили о клевете, возведенной на Спасителя, о зверском обращении с Ним, о казни, помешавшей всем спокойно встретить праздник Пасхи.

Этих храбрецов заключили в тюрьму. Остальные стражники согласились говорить, что тело Иисуса было похищено Его учениками. Фарисеи, саддукеи и иродиане распространили эту ложь по всему свету, присоединяя к ней множество самых грубых оскорблений и гнусных вымыслов на Иисуса Христа, однако эти измышления мало преуспели. По воскресении Спасителя души многих умерших явились своим потомкам, еще способным обратиться. Эти души явились также ученикам, поколебленным в вере и рассеянным по окрестностям города. Они утешали их и утверждали в вере, возвращая им надежду и упование.

Несколько дней иудеи очищали и омывали храм, посыпали везде пеплом, благоухающими травами, приносили искупительные жертвы. Покрыв досками и коврами следы разрушения, они приступили к выполнению праздничных обрядов, нарушенных в предыдущую пятницу.

Фарисеи старались подавить слухи, ропот и волнение народа, объясняя срыв праздника в храме землетрясением и присутствием нечестивых людей на жертвоприношении. При толковании явления умерших они ссылались на видения пророка Иезекииля. Они угрожали тяжкими карами и отлучением от храма всем, кто будет распространять ложные слухи. Однако им удалось успокоить лишь наиболее развращенную и ожесточенную часть народа. Те же, в ком еще сохранились добрые чувства, в глубине сердца обратились. В день сошествия Святого Духа, после проповеди апостолов на всех языках они открыто засвидетельствовали свою веру.

Успех этой проповеди сильно встревожил священников и книжников. Они были смущены быстрым распространением христианства. К тому времени, как Стефан сделался диаконом, Опель и восточная часть Сиона уже не могли вмещать всех верных, и христиане Иерусалима вынуждены были покинуть город, чтобы поселиться в долине Кедронской вплоть до Вифании...

В это время я видела Анну в неистовстве, одержимого дьяволом. Его пришлось запереть. Что касается Каиафы, то его словно пожирала скрытая ярость... Пилат тщетно пытался разыскать свою жену, скрывавшуюся в доме Лазаря в Иерусалиме. Никому не пришло в голову искать ее там, т.к. в доме этом не было жен. Лишь молодой Стефан, еще мало кому известный в то время, приносил ей пищу, сообщал об интересующих ее событиях и поучал в вере. Стефан приходился родственником ап. Павлу.

На следующий день после субботы Симон Кириянин пришел к апостолам и просил у них наставления в вере и крещения.

Глава 5

В день воскресения Христова

1 апреля Апостолы, святые жены и ученики были собраны в горнице у Никодима, остальные верные у Лазаря в Вифании. Никто из них еще не успел

осознать только что произошедшее величайшее в мире событие - Крестную искупительную смерть Господа Иисуса и Его Воскресение... Ученики еще слабо верили в реальность воскресения, были потрясены ужасами Голгофы, расстроены, растеряны, как овцы, потерявшие пастыря. В их памяти была еще свежа прощальная трапеза Иисуса в четверг, в их ушах еще звучали последние слова Учителя: «Вскоре вы Меня увидите», «Да не смущаются ваши сердца в тот скорбный час». Ученики старались исполнить то, что заповедал им Господь, прощаясь с ними. Все происходило теперь среди них согласно воле Иисуса.

Никодим приготовил у себя богатую трапезу, как бы исполняя заботу Господа об укреплении телесных сил учеников, подорванных душевными переживаниями. В вестибюле был накрыт длинный стол, выходящий даже во двор, усаженный деревьями и обнесенный оградой. Мужчины возлежали у стола в начале его, жены сидели на небольших скамейках на другом конце, а посередине, друг против друга, возлежали Петр и Иоанн. Все были в белых одеждах; женщины - под покрывалами, но с открытыми лицами.

Трапеза совершалась в строгом порядке. Под конец трапезы перед Петром был поставлен плоский хлеб с нанесенными разрезами. Петр отделил намеченные части, а затем каждая была разделена на несколько долей. Положив их на две тарелки, он передал их направо и налево. Когда все вкусили хлеба, была передана большая чаша с вином, из которой пили все. Хотя апостол благословил хлеб, это не была святая Евхаристия, но «агапа» - как бы символ союза и любви. И передавая блюдо и чашу, Петр сказал возлежащим, что все они должны быть едины, как едины хлеб и вино, которые они вкушали. После этого они встали и запели псалмы.

Я видела, как ученики протянули друг другу руки, говоря, что отныне хотят иметь все общим, всецело жертвовать друг для друга, быть одним неразрывным целым.

В тот день ученики ловили слова Петра и Иоанна, ища в них поддержки и утешения. Им, возлежавшим на тайной вечери по правую и по левую руку Иисуса, Спаситель открыл тогда глубокие тайны, касающиеся святой Евхаристии. Этим Иисус как бы посвятил апостолов Петра и Иоанна первыми в сан священников, поручив им открыть остальным апостолам сообщенные Им тайны в день, когда Его уже не будет с ними.

Когда стол был убран, жены собрались в полукруг в одном конце помещения. Апостолы, переходя от одной группе учеников к другой сообщили давно испытанным соратникам то, что знали сами о тайнах святой Евхаристии. Апостолов было десять, т.к. Фома отсутствовал.

В день воскресения даже одежды Петра и Иоанна несколько отличались от праздничных одежд других апостолов. С плеч Петра и Иоанна спускался широкий омофор, скрещивающийся на груди. На остальных апостолах были как бы диаконские орари, свисающие с одного плеча через грудь и спину, где полосы перекрещивались друг с другом и застегивались пряжкой под рукой.

После трапезы восемь апостолов окружили Петра, который передавал им то, что Спаситель на тайной вечери доверил ему и Иоанну. Петр говорил о

правилах, которых следует держаться при совершении Евхаристии, при раздаче святыни и при подготовке других к этому таинству. Во время речи Петра Иоанн был в другом зале, где поучал о той же Евхаристии семнадцать наиболее испытанных учеников, дольше других следовавших за Иисусом. Среди них были Нафанаил, Варфоломей и Закхей. По особому Промыслу Божию Иоанн слово в слово повторил сказанное Петром перед восемью апостолами.

Апостол Петр преподнес это учение и святым женам, собравшимся в горнице, среди которых была и Богоматерь. Взаимное общение и слово о таинстве подняло дух собравшихся в горнице.

После наставления Петра и Иоанна Матфей был послан в Вифанию, чтобы и там преподавать первый урок о таинстве Евхаристии. (В Вифании были собраны ученики, не подготовленные еще к восприятию тайны в той степени, как те, что были в Сионской горнице).

Особенное духовное явление произошло с ними. Учеников озарил свет. Я видела их утопающими в свете, переливающимся из одного в другого. Все вместе они составили блистающий храм, одну светносную пирамиду, центром и вершиной которой была Пресвятая Дева. Я видела волны света, шедшие от Марии к апостолам, а от них к Спасителю от Которого свет изливался на Богоматерь. Это видение показало соединяющую их внутреннюю связь.

Глава 6 Явление Господа Луке и Клеопе

Святой евангелист Лука был сыном знатных язычников из Антиохии. Он писал картины, много путешествовал ради приобретения знаний, был в Египте и славился как знаменитый странствующий врач. Он ревностно лечил больных: перебарывая себя, высасывал гной из ран, а затем прикладывал лечебные травы.

После знакомства с учениками Иисуса и Его учением, Лука стал гораздо хладнокровнее относиться к светским наукам. Он давно принял Иоанново Крещение, но к обществу учеников примкнул лишь за несколько недель до страданий Спасителя.

В день воскресения Лука присутствовал на трапезе у Лазаря и слышал от апостола Матфея слово о таинстве Евхаристии. Однако душа будущего евангелиста оставалась в сильном смятении, сомнения теснились в его сердце, вера в Иисуса была сильно подорвана.

Лука решил идти в Эммаус, а пока пошел ночевать в дом Иоанна Марка, в Иерусалим. Здесь среди знакомых учеников Лука разговорился с Клеопой (племянником отца Марии Клеоповой, товарищем юности Иисуса в Назарете). Клеопа, как и Лука, сомневался в воскресении Господа и находился в великом

недоумении по поводу происшедшего с Иисусом. Услышав о преследованиях, которым первосвященники решили подвергнуть всех последователей Иисуса, Лука и Клеопа спешно покинули учеников. Один пошел направо, огибая город с севера, другой пошел в противоположную сторону, пробираясь вдоль стен к воротам. Они как будто не желали, чтобы их даже видели вместе, но на холме за Иерусалимом Лука с Клеопой снова сошлись и вместе продолжали путь - с посохами в руках и с дорожными сумками на боку. Лука часто сходил с дороги, чтобы собрать в свой кожаный мешок целебные растения, которые встречались на пути.

Лука уже не однажды бывал с учениками. Он был в Махеронте, но последователем Господа до последних недель не считался, хотя горел желанием пополнить свои знания об учении Иисуса. Хотя в последний месяц Лука и присоединился к ученикам Его, однако самого Господа Лука уже давно не видел. Он не присутствовал на последних проповедях Господа в доме Лазаря, но находился в гостинице для учеников в Вифании.

Клеопа, как и Лука, был сильно взволнован; сомнения мучили обоих, и им хотелось говорить обо всем, что случилось и о чем они слышали. Особенно их смущала позорная крестная смерть их Учителя и Господа. Они никак не могли понять, как Спаситель и Мессия мог подвергнуться таким оскорблениям и унижениям.

Окрестности вокруг были прекрасны. На половине пути я увидела Господа, шедшего другой дорогой к ученикам. Заметив Его, и они пошли медленнее, как будто желая дать Ему пройти вперед чтобы Он не помешал их задушевной беседе. Но Спасатель тоже замедлил шаг и вышел на их дорогу только тогда, когда ученики уже прошли вперед. Некоторое время Он шел вслед за ними, потом догнал их и спросил, о чем у них речь. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его.

Господь сказал им: «О чем это вы рассуждаете между собою и отчего так печальны?» Клеопа сказал Ему в ответ: «Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?» Он спросил их: «О чем?» Они сказали Ему: «Что было с Иисусом Назарянином, Который был Пророк, сильный в деле и в слове пред Богом и всем народом! Как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распятие Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиль! Уже третий день ныне, как это произошло. Но некоторые из жен наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, пришедши, сказали, что видели ангелов, которые уверили, что Он жив! И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как говорили жены: Его не было там».

Тогда Он сказал им: "О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» И, начав от Моисея, из всех Пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, к которому шли; и Он сделал вид, что хочет идти далее, но они удерживали Его,

говоря: «Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру». И Он вошел и остался с ними.

Красивое, чистое селение тянулось в два ряда домов, еще сохранивших украшения недавнего праздника. В доме, куда вошли путники, казалось, ждали пришельцев. В квадратной комнате был накрыт стол, около него стояли ложа для отдыха. Человек в фартуке принес в плетеной корзине соты с медом, большой четырехугольный пирог и маленький, тонкий и прозрачный пресный пасхальный хлеб, который положил пред Спасителем как пред гостем. Принесший еду был поваром, он тотчас удалился.

Помолившись, путники стали вкушать мед и пирог. Иисус возлежал и ел вместе с ними. Потом Господь взял маленький хлебец, нарезал его и отломил кусочек в три дольки. Положив его на тарелку, Господь благословил хлеб, встал, поднял тарелочку с хлебом двумя руками и начал молиться, глядя на потухающее вечернее небо. Лука и Клеопа стояли напротив Господа, растроганные до глубины души, не осознавая происходящего!

Господь отломил им по дольке, и ученики, открыв уста, наклонились над столом и приняли хлебцы из рук Спасителя. Кусочки хлеба, благословленные Спасителем, светились небесным сиянием. Третий кусочек Господь поднес к Своим устам и... исчез! Оба ученика некоторое время стояли как бы в оцепенении, пораженные чудом. Потом они бросились в объятия друг другу, проливая слезы умиления.

Это была трогательная встреча. Во всех движениях и действиях Господа изливалась Его нежная любовь. Тихая радость охватывала все естество учеников, когда они еще не узнавали Спасителя.

Каков же был их восторг, когда они узнали Его!.. Но Он уже исчез. Несмотря на поздний час, Лука и Клеопа поспешили обратно в Иерусалим.

Они не чувствовали усталости, сердца их горели верой и любовью. Неутолимая потребность поделиться своим счастьем, влекла учеников к друзьям. На небесах сверкали звезды. Не чуя под собой ног, ученики не шли, но будто летели по каменистой дороге сквозь мглу южной ночи.

Глава 7 Явление Господа апостолам

Вечер 1 апреля. В этот день справлялось окончание еврейской Пасхи, поэтому в горнице собрались для молитвы. С апостолами среди учеников были и Никодим с Иосифом. Апостола Фомы не было. С середины потолка свешивалась зажженная лампа, под которой становились в круг на время молитвы. Все были в белом, препоясанные. Впереди всех встал Петр, за ним - Иоанн и Иаков Алфеев. В передней, в которую были открыты двери, стояла Пресвятая Дева с Марией Клеоповой и Магдалиной.

Я удивляюсь, что несмотря на то, что Спаситель уже являлся Петру, Иоанну и Иакову с его братьями, большинство учеников колебалось, сомневалось еще. Самые странные мысли владели ими: почти все отказывались верить в воскресение - им думалось, что Спаситель являлся не в теле, но что у них было что-то вроде видения, как бывали у пророков в прежние времена.

Послышался сильный стук в дверь. Открыли, впустили Луку и Клеопу и снова заперлись. Все окружили вошедших, радостно возвестивших им о явлении воскресшего Спасителя. С трепетом выслушали ученики Луку и Клеопу, и многие поверили тогда в реальность воскресения. Обсудив происшедшее, все вновь встали на молитву. И тут я увидела апостолов просветившимися, как будто погруженными в неземное счастье... За закрытыми дверями стоял Спаситель, и сердца учеников почувствовали близость Господа. Он прошел сквозь толщу двери через ряды учеников, и встал среди них под лампой. Изумление и воодушевление охватило всех при виде Господа.

Спаситель был в длинном белом одеянии, стянутом поясом. Он показал изумленным апостолам Свои руки и ноги, приоткрыл одежду и показал Свою рану в боку. Спаситель говорил ученикам, они же были так потрясены, что радость их смешалась со страхом и смущением, они будто впали в оцепенение. Тогда Господь, желая убедить всех в действительности Своего воскресения в теле, попросил дать Ему пищи. И тотчас лучи света, исходящие из уст Господа, разлились на присутствующих.

Петр подошел к помещению, отгороженному ковром, взял со стола глубокую тарелку, покрытую белым платком, подал ее Господу. Иисус воздал благодарение, благословил рыбу и соты с медом и стал вкушать. Он подал куски некоторым из стоящих рядом, но не всем. Спаситель подал также Своей Матери и другим женам. Затем я видела, как Он поучал Своих учеников и как они получали Его благодать.

Ученики стояли вокруг Господа в три ряда, десять апостолов - ближе всех к Нему. Удивляло меня то, что часть Его слов и поучений воспринималась только апостолами. Я не говорю «была услышана», т.к. я не видела, чтобы Он шевелил губами. Я не знаю, как это происходило, но я прекрасно помню, что Он передал им власть не словами. Он не говорил им устами. Он передал это им особым воздействием, общением света. Он был сияющий! Лучи света исходили из Его рук и ног, из раны в боку, из Его уст, изливались на апостолов и пронизывали все их существо. Преисполненные им, они поняли, не слыша этого телесными ушами, что имеют власть прощать грехи, исцелять, крестить, возлагать руки, пить ядовитое без вреда для себя.

Я не уверена, что они осознавали это. Может быть, им казалось, что Господь говорил с ними. Я уверена лишь в том, что Он передал все лишь апостолам, составившим внутренний круг возле Него. Мне казалось это какой-то внутренней беседой без движения губ и колебаний воздуха. Остальные этого не восприняли.

Спаситель объяснял им слова Священного Писания, относящиеся к Нему и святой Евхаристии, говорил о таинственном благословении, которым отныне будет святая Евхаристия; дал некоторые обряды святого Причащения. Он говорил, что вместо тайны ковчега завета Он оставляет им тайну Своей Плоти и Крови, которые останутся с ними до конца мира. Он говорил о Своих страданиях, объяснял что-то относительно царя Давида. Господь говорил о значении святых мощей и других останков мучеников и святых, которые должно чтить, чтобы получить их предстательство. Затем Спаситель велел им идти в окрестности Сихара и там свидетельствовать об Его воскресении. После этого стал невидим, оставив учеников опьяненных счастьем пребывания с Ним.

Они открыли двери, входили и выходили потом снова собрались под лампой, пели псалмы и благодарственные молитвы.

Глава 8 Первая Евхаристия

Понедельник, 2 апреля. Рано утром Петр, Андрей и Иоанн вышли в зал, где в великий четверг была тайная вечеря. Здесь они облеклись в священнические одежды; остальные апостолы переоделись в соседнем зале. Раздвинув завесу посередине, трое апостолов вошли в святилище. То было боковое помещение, где находился стол, на котором Спаситель установил таинство Евхаристии, а на столе стояла дарохранительница со Святыми Дарами. Перед ними горела лампада. Довольно значительная часть хлеба, освященного Спасителем, оставалась еще в дарохранительнице. Она лежала на Святой Чаше и была покрыта металлическим колоколом. Чистое белое полотно покрывало сверху все.

Апостолы, среди которых был и Фома, встали вокруг престола. Петр стоял впереди, Андрей и Иоанн - за ним. Они читали молитвы. Петр и Иоанн наклонились и вкусили святое Причастие. Потом Петр передал сосуды, и каждый причастился сам. В Чаше оставалось еще несколько капель освященного Спасителем вина, и они прибавили в него вина и воды и вкусили. Потом, прочитав молитвы и псалмы, они покрыли священные сосуды и отнесли их и стол на прежнее место.

Глава 9 Апостолы собираются вместе

4 апреля. В понедельник вечером апостолы разошлись по городам, указанным Господом. Ученики также разделились на группы: одни пошли в дом Вероники, другие в Вифанию, где старейшие ученики укрепляли в вере молодых и где находилось теперь большинство святых жен. Апостолы же продвигались по направлению к Сихару разными дорогами. Лука был среди апостолов и вместе с ними возвещал о воскресении Господа, заходя в гостиницы и собирая вокруг себя людей по городам и селам. Происходила подготовка людей к тому массовому обращению, которое должно было совершиться в день Пятидесятницы.

Симеон из Кириanei присоединился в эти дни к находящимся в Вифании. Этот благочестивый человек имел обычай посещать по праздникам Иерусалим, где знакомые люди давали ему работу на своих участках. Симеон жил то у одних, то у других, не подозревая, что сыновья его давно примкнули к ученикам Господа, и был приятно удивлен, увидев своих детей в общине в Вифании.

Пилат 2-го апреля покинул Иерусалим, ибо тайные угрызения совести не давали ему покоя. Ирод уехал в Махеронт, а оттуда в Мадану. Иосиф Аримафейский и Никодим открыто примкнули к общине Спасителя. У них были свои дома в Иерусалиме, но раньше эти друзья встречались чаще всего в горнице, а теперь пребывали вместе у Лазаря в Вифании. Никодим был вдовцом, его взрослые сыновья учились в школах Иерусалима.

4-го апреля апостолы снова собрались вместе недалеко от города Сихар, в большой гостинице, принадлежавшей отцу Сильваниуса, ученика Спасителя.

Господь, вернувшись из дальнего путешествия в феврале третьего года служения, совершил в этих местах, вблизи Тенаф-Силома, множество исцелений. С тех пор прошло около двух месяцев. Теперь апостол Петр, войдя в синагогу, возвестил всему народу о том, как в дни Пасхи пострадал, умер на Кресте и воскрес возлюбленный Учитель. Петр призывал всех примкнуть к друзьям Господа, оставить все и следовать Христу. Петр звал всех любивших Иисуса, а теперь подавленных скорбью и павших духом, идти с апостолами в Иерусалим: «Там у нас будет все общее: последователи Иисуса разделят с пришедшими все, что имеют! Не следует бояться фарисеев. Никто не причинит вреда друзьям Господа, потому что враги Спасителя в страхе и трепещут пред Ним!»- говорил Петр.

Во время трапезы в гостиницу пришел Фома с двумя учениками. Он не видел еще Воскресшего Господа и вера его ослабела. Апостолы с воодушевлением стали повторять Фоме рассказ о явлениях Спасителя, но Фома отмахивался и, наконец, решительно взмахнув руками, горячо заявил: «Пока не увижу на руках

Его ран от гвоздей и не вложу мои пальцы в Его раны, и не вложу мою руку в ребра Его, - не поверю!»

В первых числах апреля посланники от первосвященников обошли все дома Иерусалима, владельцы которых имели дело с общиной Иисуса. Им было объявлено, что они лишаются городских должностей и отлучаются от иудейского общества.

Никодим с Иосифом уже порвали всякую связь с врагами Иисуса. До тех пор Иосиф был старший в городском совете. Неоспоримые заслуги и постоянная полезная деятельность его заставляли даже злых людей уважать и ценить его. Муж Вероники тоже отказался от занимаемой им должности. Жена заявила ему, что скорее расстанется с ним, чем отречется от распятого Иисуса!

Я часто видела Спасителя во многих местах и отдаленных частях Галилеи за Иорданом, где было много сомневавшихся в Его воскресении и говоривших о Нем. Он неожиданно являлся среди них, обращался к ним с речью и внезапно становится невидимым.

В эти дни враги Господа постарались сделать недоступными дороги и горные тропы, ведущие на Голгофу и ко Гробу Спасителя, - столь много людей посещали эти святыни. И обращались в веру! Поставили заборы, выкопали канавы, однако народ пробирался в святые места, обогранные Кровью Господа. И совершались чудеса - открывались самые окаменелые сердца, и грешники обращались к покаянию. В Вифании же ученики продолжали проповедовать спокойно.

Глава 10 Проповедь Петра в Тенаф-Силоме

5 апреля. Находясь в городе Тенаф-Силоме, апостолы исцелили многих больных, лунатиков, одержимых. Они поступали при исцелении так же, как действовал Господь: возлагали руки на больных, исцеляли дуновением, прикосновением, брением... В большинстве своем больные были людьми, мимо которых Иисус прошел во время Своего посещения этого края. Ученики не только исцеляли, но служили больным, принося, приводя и поднимая их. Лука, пылающий верою после встречи с Господом, с усердием служил здесь всем болящим как врач.

Петр проповедовал в синагоге весь вечер и даже часть ночи. Он открыто свидетельствовал о том, что сделали с Иисусом. Он рассказал, что в последнее

время Иисус предсказывал все, что произойдет с Ним. Петр передавал учение Христа, говорил о Его беспредельной любви, о молении Господа в Гефсиманском саду, о предательстве Иуды и о судьбе последнего. Падение Иуды удивило и огорчило жителей Тенафы, ибо они любили Иуду. Приходя вместе со Спасителем, Иуда был очень услужлив и многим помогал, даже творил чудеса.

Петр не пощадил и себя. Он с горючими слезами поведал о своем отречении, о своем бегстве! И слушатели его плакали вместе с ним. С болью и горечью Петр говорил о жестокости фарисеев (и поверивших им) к Спасителю, о лютых страданиях, причиненных Иисусу. Наконец, Петр возвестил о воскресении Христа, о явлении Его женам, ему самому, собравшимся вместе апостолам и ученикам и многим другим. Петр призывал всех присутствующих, видевших воскресение Господа, засвидетельствовать его. Около сотни людей подняли руки! Фома застыл и не присоединился к свидетелям.

Петр говорил долго, снова призывая всех идти в Иерусалим. Народ был растроган, сердца многих обратились ко Господу. Апостолов просили не оставлять Тенаф, но Петр отвечал, что им предстоит уйти уже на следующий день.

В пятницу многие встали до рассвета, чтобы проводить апостолов. Утренняя заря освещала дорогу к Иерусалиму, по которой быстро двигалась небольшая группа уверовавших в Воскресение.

Глава 11

Святые жены в Вифании

Святые жены провели неделю Воскресения в доме Лазаря в Вифании, куда вернулись и мироносицы из горницы в доме Никодима. Марфа все время оставалась верна делу Господа, даже в те часы, когда Господь был схвачен и страдал, а ученики Его разбежались. Горе не сломило Марфу, хотя сердце ее и разрывалось от скорби и страдания. Она неуклонно продолжала нести свою тяжкую обязанность: заботилась обо всех и помогала каждому, питала и снабжала всем необходимым павших духом и скрывающихся учеников Господа. Марфе помогала Иоанна, вдова Хузы, усердно и ловко распоряжаясь на кухне.

Мария Клеопова не оставляла Богоматерь и с великой любовью и нежностью утешала скорбящую Мать. Пресвятая Дева была грустна, но тиха и спокойна. Ее скорбь не была человеческим горем. Было что-то торжественное в печали Богоматери, какое-то величественное достоинство.

Мария Магдалина, несмотря на явление ей воскресшего Господа, больше других продолжала терзаться душой и не находила себе места. Она как бы лишилась рассудка от любви и горя, охватившего все ее естество. Ей стало безразлично все земное. Она не знала покоя, ни о чем не заботилась. Она выбегала на улицу с распущенными волосами, бежала к людям, смело заходила в дома и обвиняла палачей Спасителя в их нечеловеческой жестокости. Ломая

руки от сострадания, Магдалина рассказывала всем и каждому о том, что перенес Спаситель. Когда же Марии некому было излить свое сердце, она делилась своими переживаниями с деревьями, с цветами, со всем, что ее окружало. Вокруг Магдалины часто собирался народ. Одни выражали ей сочувствие, другие оскорбляли ее за прежнюю жизнь. Проявление ее горя многих раздражало. Несколько мужчин, выведенных из себя ее поведением, хотели было даже схватить Магдалину, но не смогли ее задержать. Она прошла среди них, продолжая изливать свои чувства, забыв обо всем на свете и видя перед собой лишь своего возлюбленного Господа.

Пресвятая Дева неизмеримо глубже и сильнее переживала все происшедшее с Ее Сыном, но выражала Свои чувства иначе. Когда смеркалось, а иногда даже ночью, Святая Мать тихо и одиноко обходила места страданий Спасителя. Она молилась в продолжение всего Крестного пути, вновь и вновь созерцая муки и падения Господа. Богоматерь не могла пройти на многие места, ибо дороги были перерыты и поставлены заборы. Тогда Она шла неподалеку садом или полем, созерцая Крестный путь. В душе Матери было точно отсчитано количество шагов, отмечены все расстояния. Она вновь воскрешала в Своем сердце все подробности страданий Сына, созерцала их, орошая слезами и трепетно целуя камни, свидетельствующие о недавно случившемся!

Ночь. Тишина. Нигде ни души. Богоматерь часто вздыхала, и тихий стон вырывался из груди Ее... Пресвятая Дева молилась. Да, ради спасения всего мира страдал Ее Сын...

Глава 12

Второе явление Спасителя в горнице

6 апреля. Иоанна Хуза и Вероника проводили в горницу Деву Марию. Вероника теперь не скрывала свою принадлежность к Христовой общине и открыто ходила со святыми женами по улицам Иерусалима. Апостолы поспешно прошли через Вифанию, призвав с собой некоторых уверовавших в Иерусалим, чтобы справить там наступавшую субботу. Как ни торопились святые апостолы, однако пришли так поздно, что не успели до субботнего часа вкусить приготовленный для них обед. Наскоро омывшись с дороги, они облеклись в праздничные одежды и вошли в горницу.

В ритуале божественной литургии у апостолов произошли некоторые изменения. Прежде всего отодвинули завесу, отгораживающую алтарь, установили и покрыли скамью, на которой возлежал Спаситель во время тайной вечери. Положив на скамью свитки «Закона», Петр, Иоанн и Иаков преклонили колена, став впереди, за ними - другие апостолы с учениками. Горели светильники. В открытой нише перед апостолами на престоле стояла Чаша под белым платком. Здесь были только посвященные в тайну божественной Литургии. Склоняясь ниц, все предали усердной молитве, углубились в

созерцание страданий Господа и Его святых наставлений, принося тем самым в глубине души тайную духовную жертву Всевышнему. Затем началась обычная субботняя служба.

Ужинали не в горнице, но в переднем зале, так как после установления Господом таинства, горницу почитали как храм и не вкушали в ней ничего, кроме хлеба и вина.

На следующий день, 7 апреля, апостолы продолжали справлять субботу. Под конец была предложена праздничная трапеза. Фома справил субботу где-то в другом месте и пришел к апостолам, когда все уже встали из-за стола и снова вернулись в горницу. Фома, чувствуя, что опоздал, торопливо пробирался среди учеников, уже одетых в праздничные белые хитоны и готовящихся к молитве, завершающей субботу. Но апостолы заметили Фому и, не обращая внимания на его поспешность, стали живо доказывать ему воскресение Господа, жестикулируя и хватая Фому за руки. Апостолы говорили с жаром с убедительностью, хором утверждая воскресение Спасителя. Однако Фома отказывался верить и делал вид что занят переодеванием.

Зажгли лампу. Прибыло много учеников. Вошла Пресвятая Дева с Магдалиной и ее высокого роста служанкой. Петр, Иоанн и Иаков поспешили приветствовать Святую Мать, и все тут же встали на молитву. Двери в передний зал и боковые помещения, где находились многие, закрылись. Ворота и уличные двери были уже заперты. Скрестив руки на груди, Богоматерь и Магдалина благоговейно стояли справа и слева от входа в горницу. Петр встал под светильником лицом к алтарю.

По обе стороны от Петра - Иоанн и Иаков, одетые, как и Петр, в особые священнические одежды. Поились звуки псалмопения.

Молитва закончилась. Началось обсуждение предстоящих дел. Вдруг всех охватил священный трепет, и земная радость озарила лица собравшихся в горнице: сердца учеников почувствовали приближение Господа... и не ошиблись. Блестящий, в белом одеянии, Он прошел через двор к дверям переднего зала, которые сами перед Ним отворились. Ученики расступились в стороны. Господь быстро прошел через первый зал и, войдя в горницу, встал между Иоанном и Петром, уступившим свое место Спасителю. Нельзя сказать, что поступь воскресшего Господа напоминала походку земного человека, но она и не была схожа с парением бесплотного духа.

Все помещение стало как-то светлее и просторнее! Господа окружало сияние, и ученики отступили назад, как будто так им было легче смотреть на Него. Прозвучал знакомый голос: «Мир вам». Господь начал беседовать с Петром и Иоанном. Он упрекнул их в том, что в одном случае при исцелении они поступили по своему, человеческому, разумению, а потому потерпели неудачу. Ибо, раз они действовали от себя (а не от Господа), у них не доставало силы веры. Господь указал апостолам, как исправить дело.

Фома был настолько потрясен, видя Господа, что с ужасом подался назад. Спаситель же, взяв Своей правой рукой указательный палец правой руки Фомы, вложил его в Свою рану, сияющую неземным светом на Его левой руке. Потом,

взяв левой рукой ту же руку Фомы, Господь вложил его пальцы в рану правой руки. Спаситель провел рукой апостола под Своей одеждой на груди и, вложил пальцы Фомы в рану правого бока, сказал: «Поддай твой палец и вложи в раны Мои, поддай руку и вложи в ребра Мои. И не будь неверующим, но будь верующим!»

«Господь мой и Бог мой!» едва слышно произнес Фома и упал на руки поддерживавших его апостолов. Иисус все еще держал Фому за руку и поднял его (помощь Спасителя имела особое значение для души апостола Фомы). Все были сильно взволнованы и потянулись вперед, чтобы видеть раны Господа, однако не теснили Его. Тело Спасителя стало совершенно светлым, когда Он взял руку Фомы. Раны Его были не как кровавые стигматы, но как сияющие лучи солнца.

Одна только Богоматерь оставалась тихой, неподвижной, с выражением глубокого внутреннего переживания, как бы застывшей от прилива нахлынувших чувств. Волнение Магдалины было более заметным, но менее бурным, чем у апостолов. Спаситель попросил пищи, чтобы еще раз доказать Свое воскресение в теле, и Ему подали рыбу на длинной тарелочке. Господь благословил ее, вкусил Сам и подал сначала Фоме, потом некоторым апостолам.

Господь беседовал с учениками еще некоторое время. Он объяснил, почему явился им, покинувшим Его в момент Его страдания, а не тем, которые оставались Ему верны. Господь поручил Петру укреплять своих братьев и пояснил остальным, почему Он дает им Петра в руководители, хотя тот и отрекся от Него: у стада Христова должен быть ревностный пастырь, а этого у Петра нельзя отнять.

Зайдя в алтарь, Иоанн вынес священническое облачение - белое с красными полосами, которое только что сшила Пресвятая Дева со святыми женами. Он передал Господу облачение, а также высокий блестящий посох. Петр преклонил колена, и Спаситель вложил ему в уста что-то светящееся. При этом Петр почувствовал необычайную духовную силу. Господьдохнул на Петра, давая ему этим решительность и особую власть. Спаситель приблизил Свои уста к устам Петра, изливая этим Свою благодать на апостола. Однако это еще не было даром Святого Духа, но благодатью, которая должна была ожить на Петре в день Пятидесятницы.

Возложив руки на Петра, Спаситель дал ему главенство над всеми, одев апостола в новое облачение и вручил Петру апостольский жезл. Господь указал что это облачение включает в себе духовную силу и власть, данную Им апостолу, что одевать это облачение Петр должен в тех случаях, когда этой власти надлежит быть проявленной.

Потом Спаситель говорил о многотысячном крещении, которое произойдет после сошествия на апостолов Святого Духа. Спустя восемь дней Петр передаст и другим ту силу, которую он получил от Господа. Спаситель указал, кто из учеников должен облачиться в священническое одеяние. По повелению Спасителя ученики разделились на семь групп. Во главе каждой стояли апостолы. Иаков младший и Фома остались в группе Петра. Так поставил всех Сам Господь, как будто отобразил этим семь церквей.

Апостол Петр, исполненный новых сил, обратился к ученикам со словом, стал совсем другим человеком, и все внимали ему с трепетом, удивлением и слезами умиления. Он утешал собравшихся, говорил о том, что Господь предсказывал произошедшие в последние дни. Апостол сказал, что за эти восемнадцать часов Своих страданий Господь принял на Себя оскорбления и унижения всего мира!

Во время проповеди Петра Спаситель незаметно исчез. Никто не выразил удивления, никто не испугался. Речь апостола не прерывалась, внимание всех было сосредоточено на Петре, исполненном новой, неведомой прежде силой. В конце Петр передал повеление Господа идти с проповедью к Тивериадскому озеру. Вечер закончился пением благодарственного псалма.

Глава 13 Явление Господа на озере в Галилее

9-11 апреля. Оставив в стороне города, апостолы пошли к озеру несколькими группами. С Петром были сыновья Зеведеевы, Фома, Нафанаил и Иоанн-Марк. Не доходя до города Тивериада, апостолы спустились к берегу, где Петр в прежние годы имел свое рыболовное хозяйство. Теперь здесь хозяйничал некий Аминодав с сыновьями Исааком и Иосафатом. После ужина эти юноши охотно согласились составить компанию прежнему владельцу судов, и апостолы, захватив сети, отплыли от берега в двух больших лодках. Петр, не терпевший сидеть без дела, энергично взялся за весла. Несмотря на то, что Господь выдвинул Петра из числа всех апостолов, он оставался по-прежнему смиренным, деловым и скромным. Это особенно бросалось в глаза, когда теперь рядом с Петром был Нафанаил - человек тонкий, образованный, с изящными манерами.

Ночь была теплая и тихая. Факелы ярко освещали лодки, между которыми то и дело забрасывали сеть. К удивлению всех, сеть неизменно вытаскивали совершенно пустою. По временам ловля прекращалась, и по гладким водам далеко разносилось апостольское пение псалмов и молитв. Но вот небеса на востоке начали светлеть. Чувствуя сильную усталость, апостолы направили суда к восточному берегу озера. Они собирались бросить якорь и отдохнуть. Стали одеваться, ибо во время работы сняли с себя верхние одежды. В предрассветных сумерках апостолы неожиданно увидели среди прибрежных кустов силуэт высокой человеческой фигуры. С берега донесся волнующе знакомый голос: «Дети, есть ли у вас какая пища?» - «Нет», - растерянно и смущенно ответили апостолы. «Закиньте сеть по правую сторону», - прозвучало с берега.

Этим словам нельзя было не повиноваться, и Иоанн, тотчас же обогнув лодку Петра, скомандовал опустить сеть. Еще несколько мгновений - и апостолы почувствовали, что сеть тяжела. Иоанн первым узнал Иисуса и крикнул Петру: «Это Господь!» Петр, будто очнувшись, схватил свою одежду и кинулся к берегу. Раздвигая руками камыши, Петр не плыл, но шел по крепкому дну, которое виднелось сквозь прозрачную воду, ибо уже наступило утро. Иоанн

приплыл к берегу в маленькой одноместной лодочке. Таких лодочек на судне было две. Ими пользовались там, где у берегов было мелко.

С судна крикнули, чтобы находящиеся на берегу помогли тащить сеть. Она была полна множеством разносортных больших рыб. Петр вынимал их из сети и считал, складывая рыбу рядами у ног Иисуса, - в знак признания Его чудодейственной помощи. Попалось 153 рыбины. Это число соответствовало количеству душ, которое в ближайшем будущем Петр обратит ко Христу, проповедуя у Тибеца.

Фома был третьим из тех, кто еще в лодке почувствовал сердцем близость своего Господа. На всех напал страх. Видя сверхъестественный улов, никто не смел сомневаться, что Стоящий на берегу был воскресшим Иисусом. Рыбаки остались при судах, апостолов же Господь позвал с Собою. Зайдя за береговую насыпь, они с удивлением увидели огонь в очаге, огромную запеченную рыбку и хлебцы с медом.

Усадив учеников на балки, Господь начал их обслуживать. Он дал каждому по куску рыбы и хлеба, оделил всех медом в сотах и лишь тогда воссел Сам и начал вкушать вместе с апостолами.

Я не видела, чтобы Спаситель возжигал огонь, брал рыбу или что-нибудь другое. На берегу под навесом был очаг, сложенный пастухами. Огонь и рыба и все необходимое для трапезы появилось в присутствии душ патриархов в тот момент, когда Господь только помыслил, что рыба должна быть приготовлена.

Царила благоговейная тишина: оробевшие ученики не смели что-либо спрашивать у Господа. На этот раз в Нем было еще больше неземной высоты. Длинная одежда закрывала Его раны. Свет утренней зари придавал всему какую-то таинственную торжественность. Эта трапеза навсегда запечатлелась в сердцах присутствующих.

Но вот Господь встал, и все пошли за Ним. Некоторое время Спаситель тихо бродил с учениками вдоль берега. Затем остановился, повернулся к Петру и спросил его: «Симон, сын Ионин, любишь ли ты Меня больше, чем они?» Петр застенчиво ответил: «Да, Господи. Ты знаешь, что я люблю Тебя». Иисус говорит ему: «Паси овец Моих».

«В этот момент мне было видение молодой Церкви и верховного пастыря. Петр поучал и вел первых христиан, еще слабых, которых он крестил и омывал, как нежных ягнят, в воде крещения».

Иисус продолжал молча идти по берегу, останавливаясь и поворачиваясь к ученикам. Тогда все взоры обращались ко Господу. Он же спросил вторично: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?» Петр отвечал еще смиреннее, ибо вспомнил свое неоднократное отречение: «Да, Господи, Ты же знаешь, что я люблю Тебя». – «Паси овец Моих», - торжественно сказал Спаситель.

Я увидела разросшуюся Церковь во времена преследования. Глава Церкви собирал рассеявшихся христиан, защищая свое стадо, и управляя им, ставя над ними подвластных ему пастырей.

Через некоторое время Иисус спросил в третий раз: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?» Голос Господа звучал сочувственно. Петр опечалился. Ему подумалось, что Господь сомневается в нем, а потому повторяет Свой вопрос. И снова пред мысленным взором апостола промелькнуло его троекратное отречение. А Иоанн подумал: «До чего же велика любовь Господа к Своим чадам! Прежде чем передать пастырю Свое стадо, Господь трижды вопрошает его о любви!» Петр отвечал с горечью и жаром: «Господи, Ты все знаешь! Ты знаешь, что я люблю Тебя». – «Паси овец Моих! Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и шел, куда хотел. А когда состаришься, то прострешь руки, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Иисус повернулся, сказав: «Иди за Мной», - и пошел дальше. Иоанн пошел рядом, и Господь что-то сказал ему. Тогда Петр, обратив внимание на Иоанна, спросил Спасителя: «Господи, а он что?» Иисус укорил Петра за любопытство: «Если Я хочу, чтобы он оставался, пока приду, что тебе до того? Ты следуй за Мной!»

В это мгновение я видела церковь разросшейся, видела апостола Петра в Риме, закованного в цепи и распятого, видела мученичество многих христиан. Я видела, что Петру в момент беседы с Господом было дано Духом узнать свой конец. Было также дано видеть Иоанна среди тяжелых испытаний и страданий. И Петр подумал: «А Иоанн, которого Иисус так, сильно любит, будет ли он распят?» Поэтому Петр и задал Господу вопрос.

Пройдя с апостолами еще некоторое расстояние, Господь дал им наставление на ближайшие дни и стал невидим. Двадцатилетний Исаак и восемнадцатилетний Иосафат были потрясены всем случившимся и с разрешения отца примкнули к ученикам Господа. Апостол Петр взял юношей с собой для поручений. Их отец сподобился увидеть воскресшего Спасителя, когда Господь явился пред великим множеством народа на горе у города Тибец, о чем будет рассказано дальше.

Глава 14 Господь с душами праотцов

В течение первых сорока дней после воскресения я видела Господа если не с учениками, то с душами праведных всего рода Своего от Адама и Евы. Спаситель обходил с этими душами места, знаменательные для Его жизни. Они посетили Назарет, Вифлеем и другие места. Он показывал им, что сделал для них и что выстрадал за их освобождение, и души возгорались пламенем благодарности, что и завершало их очищение. Спаситель открывал им тайны нового завета, через которые произошло их освобождение. Хотя души не имеют пола, все же в них более нежное или более энергичное указывает на принадлежность их в земной жизни к мужчинам или женщинам. Я видела их всегда в длинных узких одеждах с ниспадающими складками, колеблющимися и блистающими. Их волосы казались лучами. Лучи указывали также на бороды мужчин. Без всяких внешних признаков я различала царей и особенно священников; тех, кто шел рядом с ковчегом завета, тех, кого выделил Моисей. Они всегда окружают Господа в путях Его. Движения их величественны и благородны, исполнены смирения и благодати. Они будто плывут, не касаясь земли.

С этими душами Господь пришел к озеру, когда апостолы ловили рыбу. Их присутствие имело какую-то символическую связь с приготовленной трапезой - похоже обозначало связь земной церкви со страждущей (с душами, требующими очищения). Насытив рыбой Своих апостолов, Господь как бы вложил в них понятие о единстве воинствующей церкви со страждущей. Пребывание Ионы в чреве кита обозначает пребывание Спасителя в подземном мире.

Расставшись с апостолами, Господь продолжал Свой путь с душами праотцев. Они двигались в сторону Гергезы, где Господь освободил от уз многие души, искупленные Им, которые раньше были осуждены скитаться по пещерам, болотам, пустыням. Спаситель рассказал им, что потеряли прародители с падением, и какое блаженство быть искупленным Им. Я видела, как томились и вздыхали эти души по Спасителю, но никто не понимал, каким образом произойдет их искупление. Я видела, что Спаситель поучает и ведет их способом, наиболее подходящим к их состоянию, служа преобразению их так же, как людям в земные Свои дни.

Господь проходил с душами над полями сражений, объясняя, каким образом Бог вел их к святости. Были показаны моменты из жизни Ноя, Авраама и многих других пророков. Я узнала, что человек был создан, чтобы занять на небесах места падших ангелов. Не будь грехопадения Адама, человечество размножалось бы, пока не возместило количество отпавших. Тогда творение было бы закончено. Но с падением Адама началось самовольное, хаотическое размножение рода человеческого, что-то нечистое втеснилось в него. Поэтому последовало наказание людей смертью, как вынужденным следствием греха, но это было и благодеянием Божиим человечеству.

Конец мира не настанет, прежде чем пшеницу отделят от плевел, урожай будет сжат, места падших ангелов займут Души святых людей.

Я никогда не видела, чтобы на земле люди испытывали страх, когда вблизи проходил Спаситель с душами праотцев. Напротив, там разливалось радостное веяние божественной благодати, вся природа ликовала.

Спаситель прошел по всем странам, где апостолы вскоре должны были проповедовать Его учение, и благословил эти места. Он освятил Своим присутствием и благословил всю природу нашей земли.

Глава 15 Господь является пятистам (1Кор. 15:6)

13 апреля. Когда Господь стал невидим, апостолы и ученики вернулись в Тивериаду. На другой день на рассвете они пришли в большую синагогу, находившуюся на поле между селений к югу от Тивериады. Там собралось немалое число учеников и множество народа с больными и одержимыми. Петр исцелял именем Иисуса, остальные апостолы поучали и служили больным.

Все любящие Иисуса, Его последователи и сочувствующие Его делу были созваны учениками в синагогу, Петр выступил перед ними, проповедуя воскресение Господа, рассказывая о Его страданиях, о том, что они видели. Рассказал, как Иисус явился им на озере, как чудом имели небывалый улов рыбы. Петр говорил о необходимости следовать Господу.

Слыша от Петра о явлении Господа, многие ученики, не видевшие еще воскресшего Спасителя, глубоко опечалились. Они любили Иисуса и им тоже хотелось видеть Его. И Господь исполнил их желание - Он явился более пятистам человек при следующих обстоятельствах.

После полудня апостолы с учениками и множеством народа из окрестностей отправились за несколько верст на запад к уединенной горе, куда должны были прийти из Галилеи все последователи Иисуса. То был холм на возвышенном плоскогорье, откуда берет свое начало капернаумский ручей. На вершине холма была площадка, вмещающая несколько сот людей. С нее открывался прекрасный вид на окрестности и сияющее вдали озеро. Между садами землевладельцев на

вершину холма вели пять дорожек. На них апостолы поучали людей, ибо из-за большого наплыва народа невозможно было всем разместиться на вершине холма. Там, посредине зеленого луга, была ступенчатая ложбина, на откосах которой удобно разместились слушатели Петра. Сюда пришли почитатели Господа из многих городов. Из Вифсаиды пришли жена Петра с дочерью, жены Андрея и Матфея, а из Иудеи - все остальные святые жены, кроме Богоматери и Вероники.

Кафедрой апостолу служила старая каменная колонна, поросшая серым мхом (Малахов столб). Иисус не раз проповедовал в этом самом месте, теперь же внимание сосредоточилось на апостоле Петре. Со времени двух последних явлений Господа, Петр был совершенно преображен и привлекал все сердца. Он с жаром рассказывал о событиях последнего месяца и призывал народ присоединиться к их общине.

Вечерело. Спаситель появился на одной из дорожек. Он восходил на гору, и святые жены, бывшие на пути пали ниц перед Господом. Он же, сказав им несколько слов, пошел к старой колонне. Видя сияющего воскресшего Спасителя, многие галилеяне пришли в ужас и, пораженные Его неожиданным появлением, они поспешно удалились с холма. То были слабые натуры, которые впоследствии не остались верными. Оставшихся же было великое множество, и они слушали Его дивную речь. Господь говорил, что необходимо отрешиться от себя, чтобы следовать за Ним. Он предупредил, что общину Его ждут большие испытания и жестокие гонения... Услышав это, многие изменили своим намерениям вступить в общину и удалились. Таковых оказалось более двухсот человек. Дав им уйти, Спаситель продолжал Свое слово. Он сказал, что в присутствии слабых духом Он говорил еще мягко. Теперь же откроет Своим друзьям все, что их ждет. И Господь нарисовал яркую картину будущих преследований, гонений и великих страданий за веру первых христиан. Он сказал, что Его последователей ждет вечное блаженство и воздаяние в Его небесном Царстве.

Речь Господа походила на Его наставления апостолам и ученикам в храме в последние дни Своей земной жизни. Спаситель велел им оставаться в Иерусалиме, а затем, когда Он пошлет им Святого Духа, крестить народ во имя Отца и Сына и Святого Духа и основать там Христианскую общину. Потом Господь указал, как им разделиться, чтобы организовать подобные общины и в отдаленных странах. Он указал день и место, когда все должны будут вновь собраться вместе и потом отправиться в страны еще более удаленные, и там, наконец, принять каждому крещение собственной кровью.

Когда Господь говорил, души праотцев окружали все собрание, но оставались невидимыми. Господь исчез так же внезапно, как и появился. Будто погас свет в ночи, народ пал ниц.

Петр вышел на место Господа. Он произнес молитву, и все стали расходиться. То было самое большое и торжественное явление Спасителя в Галилее. Остальные Его явления были более сокровенными, личными.

Глава 16

Апостолы исцеляют и проповедуют

14-го апреля, возвращаясь в Вифанию, апостолы снова проходили мимо больницы, где на первой неделе после Пасхи они тщетно пытались исцелять. Спаситель, явившись апостолам 8-го апреля, указал Петру и Иоанну причину их неудач: недостаток любви и смирения. Подражая внешнему обращению Господа с больными, апостолы тогда не приняли их в сердце свое, остались чужды их горю. Пользуясь преимуществом, дарованным Господом, апостолы действовали как бы от себя, забыв об уповании на Бога, давшего им силу исцелять. Они отнеслись тогда к своему делу слишком просто, забыв значение искупительной жертвы Иисуса. Теперь, вновь посетив тех же больных, апостолы вставали перед ними на колени, смиренно, в любви прося прощения за то, что не смогли исцелить их раньше. На сей раз были исцелены и больные водянкой, и лунатики, и прокаженные, лежащие отдельно. Фома, пришедший сюда впервые, тоже исцелял. Апостол Петр больше исцелял, а Иоанн врачевал душевные раны человека.

В Вифании собралось около трехсот человек, среди которых было не менее пятидесяти женщин. Все они, последовавшие за апостолами, отдали свое имущество в общее пользование.

15-го апреля во дворе у Лазаря состоялась большая общая трапеза. Преломляли хлеб и пили из круговой чаши, но то не было таинством, а лишь символом уз агапической любви. Столы стояли в открытом зале, все двери на улицу были открыты. Когда Петр обратился к народу, стоявшему кругом, с призывом оставить все и присоединиться к их общине, обещая дать людям все необходимое, то последовали насмешки следящих за ними фарисейских шпионов: «Нищий рыбак! Бродяга! Жену-то свою сможешь дома прокормить?» Однако Петр продолжал проповедовать тут и на следующий день. Когда стечение народа увеличивалось, он поручал апостолам проповедовать в других местах Вифании.

После того, как Спаситель облек Петра в священническую одежду и после вкушения чудесной таинственной рыбы на озере, Петр стал совершенно преображенным человеком. Его, наделенного божественной силой, все признавали теперь главой, устами и руками всего общества.

После пророчества Христа о кончине Петра и слов Господа ему: «Паси агнцев Моих», - мне было показано, что до конца мира Петр в лице своих последователей должен охранять и вести Христово стадо, тогда как Иоанн приставлен к источнику живой воды, которая орошает пастбища, омывает и оживляет овец. Мне думается, что дело Петра - утверждение внешней Церкви.

Дело Иоанна - во вдохновении, в направлении внутренней жизни Церкви. Первый - камень, здание! Второй - дыхание, облако, глас, эхо которого раздаётся по земле. Петр созидает лиру, натягивает струны, а совершенной гармонии Иоанн - дуновение ветра, которое заставляет струны звучать.

Глава 17

Апостолов призывают к ответу

16-го апреля в Вифанию пришли пятнадцать воинов, подвластных священникам храма. Солдаты появились у дома Лазаря вместе с чиновниками местного совета. Апостолов потребовали к ответу. От них выступили Петр, Иоанн и Фома. Им предъявили обвинения в том, что они устраивают собрания и волнуют народ. Прибывшие из Иерусалима допрашивали апостолов публично на площади. Апостолы держались смело, без страха и малодушия отвергая возводимые на них обвинения. Тут выступил староста селения и сказал служителям храма, что если апостолы в чем-то виновны, их следует задержать. Он же просит не нарушать покой жителей приходом солдат, не нарушать его и учиняемым допросом.

Апостолы не нарушили никакого закона, поэтому их отпустили, и воины ушли назад в Иерусалим. Петр же, собрав у Лазаря всех близких, порешил с ними распустить на время по ближайшим селениям тех, кто уже передал общине свое имущество. Так, во избежание неприятностей, по окрестным домам расселили 123 человека, из них 15 женщин. Однако Петр, чувствуя сердцем близость великих событий (вознесение Господа и сошествие Святого Духа), просил уверовавших собираться почаще в Вифании и держаться на виду у апостолов.

Глава 18

Прославление Богоматери

На следующий день, 17-го апреля, апостолы отправились в Иерусалим. Дорога к горнице через город была испорчена иудеями, поэтому им пришлось идти тем путем, каким шли Петр и Иоанн в великий четверг (слева от храма). Повсюду были привольно разбросаны гостиницы для приезжающих; коренные жители Иерусалима там не поселялись.

В горнице собралось около семидесяти учеников, Лазарь и святые жены из Вифании. Богоматери в зале не было. После общей молитвы присутствующие разделились на две группы. Апостолам говорил Иоанн, а остальным Петр. Апостолы наставляли своих близких о значении для верующих Божией Матери, передавая то, о чем повелел им сказать Спаситель. Они открывали, Кем таинственно является теперь для них и для церкви Мать воскресшего Спасителя.

Я не могу передать слова апостолов, но я видела: Богоматерь как бы парила над всеми в сияющем широком одеянии, покрывающем всех, как светлое облако. Небо отверзлось над головой Пресвятой Девы, и от Престола Святой Троицы на главу Ее опустилась царственная корона. Смысл этого видения был таков: « Дева Мария должна стать во главе церкви, ибо Ей дана власть и сила. Она является храмом и покровом для всех христиан.

После проповеди апостолов состоялась большая трапеза, во время которой Богоматерь сидела уже не среди женщин, а во главе стола между Иоанном и Петром. Никодим и Иосиф, как хозяева, заботились об угощении и служили возлежащим. Петр нарезал ягненка точно так, как это делал Господь. Под конец всех обнесли преломленным хлебом, и всех обошла круговая чаша. Однако это не было Евхаристией, а лишь благословением вечера любви.

Ночью, собравшись вместе для молитвы, все снова надели свои праздничные платья. На Деве Марии был Ее свадебный наряд, а сверху - белая риза и покров на голове. Богоматерь стояла теперь в центре зала, под светильником, между Петром и Иоанном. Алтарь был открыт, и все молились перед ним, преклонив колени.

Глубокой ночью Петр впервые причастил Пресвятую Деву. В этот момент перед взором Богоматери предстал Ее божественный Сын (невидимо для других). Спаситель тут же исчез, исполнив Пречистую неземным счастьем и озарив Ее небесным сиянием. Сердца апостолов почувствовали торжественность происходящего. Они обращались теперь к Богоматери с благоговейной почтительностью, как к Спасителю, - доверчиво, серьезно, сосредоточенно.

Пресвятая Дева вернулась к Себе домой еще до рассвета. Ее провожали святые жены (Она проживала в те дни у Иоанна Марка). Оставшись одна, Мария встала на молитву. Она читала благодарственную молитву трех отроков в печи Вавилонской, потом псалом: «Из глубины души взываю к Тебе, Господи. Господи, услыши глас Мой. Господи, сердце Мое не было надменно, не возносилась Я взором Моим, Я не вникала в великое и недостижимое... Я усмиряла душу Мою, Я успокаивала ее, как дитя, отнятое от груди матери... Душа Моя ожидает Господа от зари до зари...»

Все спали. Дом был заперт. Начинало светать. Вдруг воскресший Спаситель предстал пред Матерью. Они не обнялись, как при жизни, не дотронулись друг до друга. Их общение было духовным и таинственным. Господь долго беседовал со Своей Матерью. Он говорил Ей, Кем Она теперь является для Его церкви и что Она должна стоять теперь наравне с апостолами... Спаситель давал Матери власть над церковью. Давал силу охранять Его церковь. Свет Христов вливался в Деву Марию, пронизывая все Ее естество. Господь ушел так же, сквозь запертые двери, а Мария легла отдыхать.

Глава 19 Рост церкви Христовой

В последние дни апреля в Вифанию продолжали прибывать последователи Спасителя, особенно много из Галилеи. С поклажей на ослах они останавливались сначала у Вифанской гостиницы, где неизменно находились ученики, занятые размещением и устройством вновь прибывших. Лазарь в окрестностях Иерусалима и в самом городе имел много помещений, куда теперь заселяли народ по его указанию.

Многих расселяли в районе Сионской горы и около башни Давида - старинного заброшенного здания. Знатные евреи не проживали в этих местах, только беднота ютилась там кое-где у стен города. В этом отдаленном, заброшенном уголке было много постоянных дворов для чужеземцев. На зеленых лужайках могли свободно пастись ослы, а к старым гигантским каменным стенам города было нетрудно пристроить легкие хижины и шалаши, крытые плетеными коврами. Апостолы и ученики усердно помогали приезжим, используя каждый уголок заброшенных прежде строений.

Приезжие привезли огромные рулоны материала тонкого и грубого, светлого и темного; привезли ковры, циновки и всякие другие вещи, которые были отданы в общее пользование. Никодим и Иосиф заведовали всем хозяйством, распределяли, кому что требовалось, заботились о питании, об одежде, распорядились шитьем одежд для священнослужителей и белых платьев для крещаемых. Лазарь являлся как бы казначеем всей общины: он распределял средства и заведовал деньгами. Никто не имел ничего своего. Все распределялось апостолами и от давалось в руки нуждающимся.

Твердая и мужественная жена апостола Петра тоже приехала из Вифсаиды со своей высокой миловидной и самоотверженной дочерью. Приехали и жена Марка и жена Закхея, и прекрасный одиннадцатилетний Симон - младший сын Марии Клеоповой. Женщины не имели никакого общения со своими мужьями и видели апостолов только во время проповеди. Они плели циновки, вязали, шили.

Прибыли халдеи, приезжавшие к Господу в марте из стран Двуречья и отосланные Им в Капернаум к сотнику. Эти смуглые сильные люди успели уже побывать на родине и теперь вернулись в Иерусалим с семьями, скотом и

обозами. Их разместили в стенах какого-то древнего полуразрушенного здания. В эти дни апостолы приобрели еще одно помещение возле купели Вифезда. Это был длинный сарай со множеством боковых пристроек. Он послужил ученикам местом для собрания.

Симон-фарисей (прокаженный) тоже отдал свой богатый дом в распоряжение общины. В нем устроили нечто вроде синагоги или места для проповеди, ибо там имелся огромный зал с колоннадой и высокой кафедрой. Здесь и у гостиницы апостолы продолжали усердно проповедовать и наставлять новообращенных, которые еще не допускались в дом с горницей, служившей храмом для испытанных учеников Господа.

В Иерусалимский храм апостолы и ученики Господа после Его воскресения уже не ходили. Враги Господа замуровали все проходы, ведущие к горе храма от того района, где расположились христиане, и ученики оказавшись отрезанными от храма и центра города, могли пользоваться только обходными многолюдными дорогами вокруг города. В остальном иудеи в эти дни не мешали Христовой общине. Напуганные страшными событиями в дни Пасхи, многие семьи поспешили уехать из Иерусалима. Другие, под впечатлением землетрясения, мрака и явления умерших, не противились ничему происходящему, но стремились умалить или исказить значение происшедших событий.

Количество членов Христовой церкви росло с каждым днем. Апостолы все еще надеялись на устройство земного видимого царства воскресшего Спасителя. Однако все они предчувствовали приближение великого и важного события, ради которого Спаситель велел всем последователям Своим находиться в Иерусалиме.

Глава 20

Явления воскресшего Господа

В продолжение всех сорока дней перед вознесением Господь являлся многим.

В светлый день ученики и святые жены шли из Иерусалима в Вифанию мимо садов возле горы Элеонской. Спаситель невидимо находился среди них. Повсюду в садах трудились люди: ставили изгороди, снятые во время входа Господа в Иерусалим и для расширения дорог на дни праздника Пасхи. Для некоторых Спаситель делался вдруг видимым, и люди падали ниц в немом изумлении не смея проронить ни слова. Симон Кириянин, помогавший Иисусу

нести Крест, вдруг просиял от охватившей его радости. Он стащил с головы старую шляпу, преклонил колена и целовал землю у ног Спасителя. Господь делает ему знак рукой, повелевая старому садовнику молчать, и становится невидим.

Воскресший Спаситель является знающим Его, озаряя счастьем сердца простых и добрых людей. Господь являлся большей частью тем, с кем соприкасались Его Мать и Он Сам в годы Своей юности. Он являлся многим и в Вифлееме, принося всем Свое благословение миром. Он являлся неверующим в Него даже в Назарете, где люди особенно были настроены против Него. И видевшие воскресшего Господа становились горячо верующими. После Пятидесятницы они примкнули к апостолам и стали членами молодой Христовой церкви.

К ученикам и апостолам Господь приходил чаще всего, когда они собирались в горнице на молитву. Однажды Он явился им на всенощной, до рассвета, обещав прийти к ним в следующий раз в понедельник, и исчез, прежде чем кто-либо успел с Ним заговорить. Порядок ночных богослужений Господь установил Сам, наставив в этом апостолов во время Своих явлений.

Пресвятая Дева отныне всегда находится среди апостолов. Ее поселяют во дворе никодимовского дома, соединив Ее флигель со зданием горницы крытым коридором, так что Пресвятая Дева может в любой час приходить в горницу из Своей кельи и молиться у алтаря, где совершается таинство Евхаристии. Богоматерь теперь для всей общины как почтеннейшая Мать семьи, глава над апостолами новой Христовой церкви. Все ученики и верующие спрашивают Ее совета.

В мае месяце Господь являлся еще чаще. Он обходил с учениками окрестности Иерусалима, чтобы неверующие евреи были свидетелями Его воскресения. Увидев Господа среди учеников, враги Иисуса трепетали от ужаса и в страхе прятались по своим домам, запирая двери. Сами апостолы и ученики испытывали возле Спасителя некоторую робость, ибо в Нем все больше чувствовалось неземное. Но чем ближе подходило время вознесения Господа, тем проще и естественнее становилось Его общение с учениками. В несказанной любви Он повторял им Свое учение, наставлял их, руководил их деятельностью, указывал на их ошибки и предупреждал всех о Своем скором уходе к Отцу. Господь молился с учениками, вкушал с ними, а к ночи всегда покидал их.

Глава 21 Последний день перед Вознесением

Иисус присоединился к апостолам, когда те подходили к Вифании. Там в этот день собралось много народа. Ибо прошел слух, что Господь скоро покинет землю, и всем хотелось увидеть Его еще раз и проститься с Ним.

Пресвятая Дева со святыми женами поспешила прийти в Вифанию. Они встретились с Господом в доме Лазаря. Спаситель велел верным войти и запереть двери. Трогательным было прощание Господа с учениками. Никто не лежал, все стоя вкусили легкую трапезу. Обычно невозмутимые, спокойные и мужественные ученики плакали, как малые дети, горькие слезы ручьями струились по их щекам и кудрявым бородам. «Почему вы плачете, любезные братья Мои? - вопрошал Спаситель. Посмотрите на эту Жену. Она не плачет», - и Он указал на Свою Мать, стоящую у входа в комнату, где собрались Святые жены.

Как Господь благ! Чтобы показаться жаждущим увидеть Его, Он вышел на широкий двор, где вдоль длинного стола стояло множество прибывших издалека людей. Спаситель был непередаваемо добр со всеми, нежен и любвиобилен. Он благословил небольшие хлебцы, преломил их и оделил ими всех присутствующих. Затем Господь сделал знак рукой, и народ разошелся.

Пресвятая Дева смиренно подошла к Сыну высказать Ему какую-то просьбу. Он простер отстраняюще руку и сказал, что не может этого исполнить. Богоматерь кротко поблагодарила Его и отошла.

С Лазарем Господь прощался отдельно. Со дня своего воскресения Лазарь жил очень замкнуто. Он больше не бывал в Иерусалиме, где постановили его убить и не ходил с учениками по окрестностям города. Все дни скрывался в подвальных помещениях своего дома и выходил наверх лишь тогда, когда запирались ворота и двери. Прощаясь с Лазарем, Господь благословил для него хлеб (он стал светящимся) и подал его Своему другу. Затем благословил Лазаря и простился с ним за руку. Провожать Иисуса Лазарь не пошел.

Господь с апостолами, учениками и святыми женами пошел по направлению к Иерусалиму, но далекими обходными дорогами. Это напоминало прощальную прогулку. Господь часто останавливался, беседовал, наставлял.

Двигались медленно, в четыре группы: впереди Иисус с одиннадцатью апостолами, сзади всех - святые жены. Несколько раз Господь становился невидим, и тогда все стояли ошеломленные, но, прежде чем могли оправиться от смущения, снова видели Спасителя возле себя. Похоже, что так Он напоминал о Своем близком отшествии. Он был радостен и светел, поэтому некоторым не верилось, что Он уйдет. Они говорили друг другу: «Он часто исчезал, а потом опять приходил. Он нас не покинет». Иаков Зеведеев думал про себя: «Если Он уйдет, то кто же будет нашим вождем? И как тогда исполнится обетование о мессии?» Петр и Иоанн были спокойнее остальных: казалось, им открыто больше других. Иоанн, как ребенок, быстро переходил от грусти к радости. Многих охватил тайный страх за будущее. Некоторые не переставали плакать, другие казались совсем подавленными горем.

Спаситель остановился, обвел взглядом далекие, в цветущих садах, окрестности и сказал: «Дни печали настанут тогда, когда все здесь опустеет, придет в упадок. Ваши проповеди к тому времени обратят к вере все эти места (и Он показал вокруг). Тогда вас будут преследовать другие, настанет горькое

время... Сейчас вы Меня не понимаете, но начнете понимать после сегодняшней трапезы, когда будете вечерять со Мною в последний раз».

Божией Матери не было среди спутников Господа. Она пошла одна по прямой дороге к Иерусалиму. Там, в доме недалеко от храма, прямо против стены, Иосиф с Никодимом готовили большой ужин, и Богоматерь пришла им помочь.

Солнце садилось, темнело. Богоматерь с Иосифом и Никодимом вышли навстречу Господу. Он несколько опередил спутников и вошел в дом вместе со Своей Матерью. Ее святая душа чувствовала величие наступающего момента. Все остальные тоже несколько успокоились после беседы с Иисусом. Ученики возлегли у длинного стола, над которым горела люстра. Иоанн по-прежнему находился рядом с Господом, который остался стоять. В зал вошли многие из общины. Они взирали на Господа, стоя тут и там, у дверей и оконных проемов.

Господь благословил хлеб, рыбу, зелень и передал еду ученикам. Спаситель как обычно сопровождал Свои действия поучениями. Он говорил торжественно и значительно.

Я видела слова, исходящие из Его уст, как блистающие лучи, входящие в апостолов более или менее быстро, соответственно степени жажды Его наставления. Духовное желание, когда оно сильно, есть нечто вроде голода, который утоляется при его удовлетворении.

По окончании трапезы Господь благословил чашу с вином. Он отпил из нее Сам, а затем чаша обошла всех остальных. То не было Святым Причастием, но символом любви и агапического союза.

Члены Христовой общины, вкушавшие трапезу в боковых залах, собрались во дворе под деревьями. Спаситель вышел к ним, сказал и им слово и благословил их. Подойдя к группе жен, среди которых была Богоматерь, Он взял Ее руку и беседовал со святыми женами. Все были очень взволнованны, растроганны. Магдалина жаждала обнять ноги Спасителя, но не смела, ибо весь облик Его был настолько величественным и сверхъестественным, что удерживал всех на почтительном расстоянии.

Господь благословил жен и отошел. Их сердца обливались слезами, но они сдерживались и не выдавали своих чувств. Пресвятая Дева не плакала.

Я видела Деву Марию горько рыдающей только два раза: когда Она потеряла двенадцатилетнего Сына, и когда Он скончался на Кресте.

Была уже темная ночь, когда Спаситель с одиннадцатью апостолами и Богородицею отправился в Иерусалимскую горницу. Мария с несколькими святыми женами шла за апостолами. За ними на некотором расстоянии шла группа учеников в 20-30 человек. Они шли дорогой «Вербного Воскресения».

До ворот города к ним подходили группы людей, с которыми Господь беседовал, но при входе в город посторонние отошли, чтобы не привлекать внимания. Город спал, было тихо...

Глава 22 День Вознесения

Спаситель, апостолы и Пресвятая Дева вошли в горницу задолго до рассвета. Огни светильника освещали стол, на котором были только хлеб и небольшая чаша. Апостолы облеклись в одежду священнослужителей. Спаситель еще раз возложил на Петра особое расшитое облачение, повторяя, что дает ему власть над остальными апостолами. Все происходило так же, как и при установлении таинства Евхаристии в великий четверг, только теперь Богородица заняла место напротив Спасителя. Господь надрезал хлеб, принес его в жертву, вознес его, преломил, благословил и подал апостолам. Потом пили из общей чаши, не наполняя ее снова...

«Я видела Святое Причастие светящимся при словах Спасителя, оно входило в уста апостолов в виде светящихся маленьких тел. Слова Спасителя были как стекающие в чашку лучи из капель крови».

Эта трапеза была самой торжественной. Иисус поучал о крещении и об освящении вод. К утру, во время поучений и молитв, в горницу вошли еще семнадцать человек, пользовавшихся исключительным доверием. Они встали позади Богородицы. Перед тем как покинуть горницу, Господь еще раз представил им Пресвятую Деву, как центр верующих, их главу, их заступницу. Петр и другие апостолы склонились перед Богородицею, и Она благословила их.

В эти минуты мне было показано величие Богородицы: в широкой одежде небесно-голубого цвета Она была поднята высоко над землей, а над главой Ее сияла царская корона. С этого дня я постоянно видела, как в важных и

значительных делах апостолы и ученики просили благословение у Божией Матери.

Начинало светать. Христос вышел из горницы с одиннадцатью апостолами и Пресвятой Девой. Ученики следовали за ними на малом расстоянии. Кругом царила тишина. Город еще спал. Спаситель становился все более серьезным и порывистым в движениях, походке, словах. Накануне Он был как-то более мягок и сострадателен к апостолам.

Теперь они должны были пройти вместе с Господом Его Крестный путь, чтобы смогли, благодаря Его пояснениям, полнее прочувствовать и понять исполнение пророчеств.

Они шли по дорогам, отмеченным страданиями Господа, останавливаясь в знаменательных местах и наставляясь от Спасителя о значении мук в их мистическом смысле. Так как враги Иисуса постарались сделать непроходимыми многие дороги, то Господь посылал впереди Себя учеников, которые быстро очищали тропы, убирали камни и снимали изгороди перед Спасителем. У ворот, ведущих к Голгофе, Спаситель свернул в сторону к красивой полянке среди деревьев, куда часто ходили молиться. Господь воссел там с апостолами, поучая и утешая их с великой любовью.

Настало светлое утро. Сердца всех несколько успокоились. Снова забрезжила надежда, что Спаситель еще может остаться с ними на некоторое время. Тут к спутникам Господа присоединились группы людей, расставшихся со Спасителем накануне у ворот города. Господь шел сначала по направлению к Голгофе, но потом свернул к Масличной горе, куда вела далекая обходная дорога вдоль стен Иерусалима. Казалось, Он выбирает длинные дороги, чтобы подольше быть среди учеников, горячо любимых Им, чтобы лучше приготовить их к предстоящей разлуке, явить любовь Свою к ним.

Господь остановился в Масличном саду, где в приятной тени росла высокая нежная трава. Здесь присоединились к Нему и святые жены. Последний раз звучала ясная и громкая речь Спасителя, из которой каждому становилось понятно, что Он совершил Свое дело, и время разлуки настало. Однако никто не ожидал, что этот момент так близок. Он долго говорил с ними, а прекрасный большой сад с каждым мгновением наполнялся потоками людей, стекавших сюда со всех сторон.

Прошло около часа. Солнце поднялось высоко, и Иерусалим ожил. Весь город только и говорил о толпе, собравшейся к Иисусу на Масличной горе. Из ворот выходили все новые группы людей, стремившихся к Гефсиманскому саду различными дорогами. Тогда Спаситель стал подниматься на верх горы (но не той дорогой, на которой был схвачен). С каждой минутой Господь становился все более светлым и быстрым в движениях. Ученики напрягали все силы, но не могли за Ним поспеть. А дороги уже не вмещали народ, который поднимался вслед за Спасителем прямо через сады, кустарники и заборы. Господь взошел на

самую вершину, где лежал огромный широкий камень. Стоя на нем, Господь в последний раз благословил Своих близких, стоявших на некотором расстоянии от Него. Раздались Его прощальные слова: «Итак, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь!» Левая рука Господа была у Него на груди, а правой Он благословлял весь мир по всем направлениям (крестообразно, как христианские архиереи).

Господь казался уже белым солнцем, сияющим на вершине горы. С неба на Него сошел широкий ореол, переливающийся всеми цветами радуги. Но свет Спасителя, стоявшего в центре, был ярче. Все замерли в немом изумлении и были, как будто ослеплены. В этот момент вокруг Господа были те, кто провожал и встречал Его у стен города в Вербное воскресенье (*Я видела и Веронику с детьми*).

Господь исчез не как материальное тело, поднимающееся в небо и делающееся все меньше в глазах зрителей, а будто растворился в океане света, окружавшего Его. Свет Спасителя слился с сиянием, сошедшим с небес, как пламя смешивается с потоком огня. Можно сказать, что солнце входило в другое солнце. Однако этот свет небесный был чище и ярче солнечного, казавшегося тьмою в сравнении с ним.

Я увидела бесчисленное множество душ, со всех сторон, стремящихся в это море света и исчезающих в нем вместе со Спасителем. Небесный свет тихо поднимался в голубую высь, орошая всех присутствующих божественной благодатью. Апостолы и ученики, стоявшие ближе всех ко Господу, были совершенно ослеплены.

Все люди застыли в благоговейном трепете, толпа замерла. Гул поднимавшегося в гору народа смолк, весь сад замер. Пресвятая Дева стояла спокойно около апостолов и с умилением смотрела, как возносился к Отцу Ее возлюбленный Сын - туда, где был и будет вечно... Минута, другая, и свет начал меркнуть, удаляться в небесную даль. Все присутствующие подняли глаза и в глубоком молчании долго смотрели вслед восходящему сияющему облаку. Люди были потрясены, их сердца трепетали от самых разнообразных мыслей и чувств...

Но вот от восходящего облака света отделились фигуры двух ангелов, тихо спускающихся на землю. Высокие, в длинных белых одеждах, с посохами в руках, они были похожи на величественных пророков. Они обратились к народу. Голоса их звучали как трубы, и, казалось, были слышны даже в Иерусалиме: «Галилеяне, что вы стоите неподвижно, смотря на небо? Иисус, которого вы видите вознесшимся на небо, придет снова». Ангелы исчезли, божественный

свет растворился в небесной лазури. Всем стало ясно, что Господь отошел к Своему Небесному Отцу. Не помня себя от горя и волнения, ученики с плачем упали на землю. Петр, Иоанн и Богоматерь были спокойны и уравновешены. Вскоре успокоились и другие, встали, и народ окружил апостолов. Подошли и женщины. Никто не спешил уходить. Люди собрались в группы и долго еще обсуждали виденное и пережитое ими.

Наконец, все стали понемногу расходиться. Одни были погружены в глубокое раздумье, другие плакали безутешно, как дети. Однако неверующие и черствые сердцем продолжали сомневаться и возвращались нетронутые, спеша рассеять свои впечатления. Гранитный камень, с поверхности которого вознесся Господь, оказался более чувствительным, чем их грубые сердца. Ибо на камне отпечатались стопы Спасителя, а на другом, неподалеку - рука Пречистой.

Было уже за полдень, когда толпа совершенно рассеялась. Ученики с Богоматерью вернулись в горницу. Сначала смутное беспокойство овладело ими, они чувствовали себя как покинутые дети. Но когда они собрались вокруг Богоматери, то, видя Ее умиротворенность, быстро утешились. Присутствие Богоматери вселяло в сердца учеников мир и глубокую надежду. Они вспомнили слова Спасителя, сказанные утром, когда Он вверял их Пресвятой Деве, как их Матери, Заступнице и Главе Своей церкви.

Глава 23 После вознесения Господа

В последние дни перед вознесением (и особенно в этот день) на евреев, относящихся враждебно ко Христу, напал сверхъестественный страх. Они запирали лавки опускали ставни, закрывали окна и двери и в непонятном трепете собирались вместе. Многие к этому дню, повинувшись внутреннему чувству беспокойства, выехали из Иерусалима со своими семьями Злой дух, низвергнутый и связанный победою Христа, будто бежал от благодати, увлекая за собой своих лукавых последователей.

Но ко дню Пятидесятницы Иерусалим снова ожил, наполнился приехавшими на праздник. Храм убрали и украсили зеленью. В нем по-прежнему совершались религиозные церемонии, слышался шум и говор толпы. Приезжие ходили по улицам, останавливались группами и, обращая на себя внимание горожан внешностью, выговором и манерами, жестами указывали друг другу на места, где недавно произошло то или другое событие, связанное с Иисусом.

Святые апостолы в эти дни не общались с народом, но держались особняком. Находясь в горнице, они день и ночь предавались усиленной молитве. Их центром была Богоматерь. С ними было около ста двадцати учеников, разместившихся во флигелях никодимовского дома в ожидании исполнения обетования. Все духовно готовились к восприятию великого и чудного,

непостижимого умом, но ожидаемого всем сердцем. С каждым часом усердие и ревность их возрастали.

Во время богослужений перегородки между колоннами снимались, благодаря чему помещение расширялось, и ученики, стоящие в боковых галереях, могли видеть все происходящее в центре зала. Зал притвора, где были женщины, соединялся с горницей, и все помещение тогда представляло собой единый храм с алтарем впереди, где за завесой хранились сосуды для совершения таинства. Петр занимал место Спасителя у престола, покрытого красным, а сверху - белым ажурным шитьем. Напротив стояла Богоматерь, по сторонам - остальные апостолы, одетые в священнические ризы.

К ночи никто не уходил. Апостолы и ученики спали у стен, а вкушали за столом или просто сидя на полу. Внешнее мало их заботило, и питались в те дни хлебами с медом. По ночам многие из учеников совершали поклонение Крестному пути Спасителя.

В эти дни был брошен жребий, кому занять место несчастного Иуды. Кандидатов предложил апостол Петр. Жребий тянули в отсутствие учеников, и он пал на Матфея, который, как и Варсава, не мечтал о подобном, хотя многие из учеников желали бы занять это место.

Глава 24 Сошествие Святого Духа

К празднику Пятидесятницы горницу украсили длинными гирляндами зелени и вазами с цветами. Потолок раскрыли, светильники перевесили ближе к алтарю. С вечера наружные ворота дома заперли, а все остальные двери открыли, перегородки убрали и стали на молитву. Каждый находился на своем обычном месте Петр взял два пресных хлебца, приподнял, благословил и раздал доли присутствующим. Апостолы подходили к Петру, целовали его руку и низко кланялись, (я видела, что частицы хлеба были светящиеся).

С этого часа ученики стали гораздо спокойнее, чем прежде. До сих пор их порою охватывала тревога, и они с волнением спрашивали себя: «Как же все-таки сойдет на нас Утешитель - Дух Святой? Как это будет?» Теперь, к ночи, эти тревожные мысли отошли, их сменило чувство уверенности и умиротворения. В эти часы произошло какое-то благодатное изменение во всей природе, как будто она разделяла чувства святых. Невыразимая словами гармония наполнила всю окрестность. Небеса будто приблизились, и сквозь открытую кровлю горницы повеяло благодатной, прохладной тишиной. Все смолкло, дом затих. Апостолы отступили к колоннам, за которыми в немом молчании мирно молились ученики. Все замерло, не слышалось ни единого звука...

Пресвятая Дева занимала Свое обычное место перед входом в притвор, где стояли святые жены. Скрестив руки на груди, опустив очи долу, все погрузились

в смиренную сердечную молитву. Апостол Петр стоял перед алтарем. Так встретили святые великое утро сошествия Святого Духа.

На рассвете к Масличной горе с неба стало спускаться белое светящееся облако. Сначала маленькое, как сияющий шар, оно увеличивалось по мере своего приближения к земле и несло по направлению к Сионской горе, к дому с горницей. Движение сопровождалось теплым благодатным потоком воздуха. Над Иерусалимом разлился светлый туман, который стягивался воедино над домом тайной вечери. Прозрачная светящаяся масса, остановившаяся над горницей, казалась плотным солнцем, спускающимся с неба, со все усиливающимся дуновением ласкового ветра. Движение ветра напоминало приближающуюся бурю, и евреи, которые были в пути, спешили укрыться под своды храма. Но если в грозу быстрая туча несется над землею, то теперь облако спускалось с небесных высот.

Светлое облако с тихим нежным шелестом опустилось совсем низко над горницей, его дыхание разливалось теплотой, освежало и заполняло все кругом тихой благодатной радостью. Оно становилось все ярче, дуновение ветра усиливалось с каждым мгновением. Дом и все вокруг засияло неземным светом. Апостолы, ученики и святые жены застыли в сосредоточенной глубокой молитве. Все казалось прозрачным и утопающим в море божественного света. То было перед восходом солнца, около трех часов утра. Из шумящего облака вдруг полились потоки белого света. Лучи перекрещивались семь раз и создавали языки и капли огня, ниспадающие вниз на землю. Центр, в котором пересекались лучи света, был окружен радужным кругом, а в середине его парил сияющий крылатый силуэт Святого Духа.

Все люди, собранные в горнице, будто оцепенели от восхищения, забыв обо всем на свете. Повинуясь внутреннему порыву, они подняли взоры кверху и вдыхали, будто пили, благодать Божию, входящую потоками светлых огненных языков в открытые жаждущие уста. Эта жажда, это жгучее томительное ожидание, как бы обретя внешние формы, устремлялась пламенем навстречу, притягивая к себе небесный огонь. Он сошел и на учеников, и на святых жен, разливаясь повсюду потоками благодати, которая подавалась каждому различной степени силы и цвета, соответственно дарам Святого Духа. В этот же час он сошел и на многих друзей и последователей, находящихся в окрестностях Иерусалима. Порывы ветра разбудили и жителей города, ибо по всей природе прошло благодатное сильное движение.

Ученики же по сошествии на них Святого Духа исполнились радостной смелости и отваги. Все будто ожило. Okрепло доверие к Богу, необычайная энергия охватила всех и каждого в отдельности. Апостолы окружили Пресвятую Деву, которая, несмотря на преисполнившую Ее благодать, оставалась по-прежнему спокойной и тихой, как всегда свято-сосредоточенной в Боге. Апостолы обнимали друг друга и не могли молчать от охватившей их радости и отваги. «Что с нами случилось? - возглашали они - Что произошло с нами и в нас?» Святые жены тоже обнимались и сияли от счастья. Все приветствовали

друг друга и чувствовали в себе новые силы для жизни в Боге, для проповеди, для счастья истинного и вечного.

Наконец, переизбыток Божественной благодати излился в благодарственном песнопении. Встав на молитву, все возблагодарили Бога, восхваляя Его с величайшим радостным волнением. В это время небесный свет стал постепенно исчезать... Апостол Петр призвал принявших Божию благодать идти к друзьям-переселенцам, обитавшим в эти дни в окрестностях Иерусалима.

Глава 25 Крещение и праздник Пятидесятницы

Неподалеку от водоема Вифезда, в палатках и амбарах, проживало много паломников. Прибыв в Иерусалим на Пасху, они оставались тут до праздника Пятидесятницы, т.к. далекий путь до дома не давал им возможности ездить туда и обратно. Большинство из них слышали учение Спасителя, видели Его чудеса, были свидетелями последних событий жизни Господа Иисуса. Эти иногородцы были более других расположены к ученикам Спасителя и сочувствовали их делу. В день Пятидесятницы апостолы пришли к ним с рассветом - восторженные, будто опьяненные счастьем. Когда апостолы возвестили о сошествии на них Духа Святого, добрый народ понял причину своего утреннего озарения, ибо все они в это утро проснулись от необычайно радостного волнения и оживления во всей природе. По призыву апостолов народ массами двинулся к бассейну Вифезда. Злые люди в городе в этот день притихли, оробели и в ужасе скрывались, каменея сердцами.

В горнице апостол Петр возложил руки на пятерых апостолов, которых он благословил крестить и проповедовать. То были Иаков Алфеев, Варфоломей, Матфей, Фома и Иуда-Фаддей. (Последний имел чудное видение: Фаддею показалось, что Спаситель с ним, и он обнимает, прижимает к груди божественное тело Господа Своего.)

Перед уходом апостолы подошли к Богоматери и просили Ее благословения, впервые преклоняя пред Ней колена. С этого дня Пресвятая Дева в таких случаях одевалась в широкое белое облачение и благословляла учеников, когда они отправлялись на важные дела, и при их возвращении.

С главы Приснодевы, покрытой легкой желтоватой вуалью, струился вниз до самого пола широкий, расшитый голубой омофор, покрывая спереди стан Богоматери. На главе омофор удерживала белая шелковая корона.

День крещения народа в праздник Пятидесятницы был назначен заранее Самим Спасителем. Поэтому к купальне Вифезда с утра потянулись толпы народа (стекающиеся туда в основном от башни Давида и от многочисленных гостиниц для приезжих). Обширное здание синагоги, открытое раньше только по праздникам, было предварительно приготовлено учениками Господа для большого крещения. Стены увесили коврами, поставили шкафы, перегородки, устроили алтарь в центре зала, а к воде подвели длинный крытый коридор.

Торжественной процессией, парами, апостолы в длинных белых одеяниях двинулись из горницы к купальне Вифезда. Они несли все необходимое для крещения: святую воду, ветви для окропления, церковную утварь. Ученики и святые жены принесли белые одежды для окрещаемых. В последний день перед вознесением Спаситель уделил много времени обряду крещения, научая апостолов совершать это таинство, специально указав им на внешнюю сторону дела.

Народ радостно приветствовал апостолов. Пятеро из них по благословению Петра разошлись по пяти притворам бассейна. Они говорили слово к народу с большим вдохновением и радостной отвагой. Апостол Петр занял место на кафедре в центре амфитеатра, спускающего вниз тремя широкими ступенями. Эта терраса была самая большая. Народ заполнил все помещения и с изумлением внимал словам апостолов, ибо каждый человек слышал их речь на своем родном языке (см.: Деян. 2:14-41).

Желающих креститься было много. Петр с Иоанном и Иаковом Алфеевым освятили бассейн, кропя его струями святой воды. Пятеро апостолов начали крестить у входа в бассейн. Они зачерпывали из баков святую воду ковшами и троекратно возливали ее рукой на голову окрещаемого. Бака святой воды хватало на десять пар. Двое только что окрещенных ставили на свое место следующую пару и возлагали на нее руки как восприемники (крестные). Сначала крестили учеников и последователей Иисуса, получивших ранее Иоанново крещение, затем - всех желающих, в том числе и женщин, чего раньше не бывало. Крестили до самого вечера, и было окрещено пять тысяч человек. Все это происходило в Троицын День.

К ночи апостолы возвратились в горницу, где была трапеза и вкушение освященного хлеба. День закончился благодарственной молитвой.

Глава 26 После Троицына Дня

В последующие за Пятидесятницей дни апостолы были заняты преимущественно устройством церкви у бассейна Вифезда. Собралось много новоокрещенных, которые усердно помогали переоборудовать храм, ремонтировали бассейн и древнюю синагогу. Труд сопровождался горячей молитвой. По временам люди прерывали свою работу и, припадая лицом к земле,

испрашивали у Бога помощи. В те дни проповедовать продолжали только Петр, Иоанн, Андрей и Иаков Алфеев, занявшие центральную кафедру. Остальные апостолы воздвигали в середине зала первый христианский алтарь. Его сделали из дерева, украсили коврами; он был разборный и легкий для переноса. Стены завесили полотнами, спускающимися сверху пятью полосами. Вершину балдахина под тройным куполом поддерживала рука вышитого Старца в одежде первосвященника, с треугольным нимбом над головой (он напоминал наше изображение Бога Отца, благословляющего мир).

Когда было все готово, апостолы перенесли в новый храм святые сосуды, облачения и другую утварь. Прежний футляр дарохранительницы, отданный под благословенные хлебцы, был заменен белой стеклянной сенью, напоминающей колокол. Перед перенесением святыни Петр в окружении двадцати учеников обратился с пламенной речью к народу, собравшемуся во множестве во дворе горницы.

Процессия двинулась медленно и торжественно. Сосуд со Святыми Дарами находился в мешочке, который апостол Петр нес на груди. Ковры устилали дорогу, и навесы из пестрых тканей защищали от солнечного зноя. Шествие сопровождала толпа народа, среди которой были и святые жены. В те дни к принятию Святых Таинств апостолы допускали лишь избранных учеников. Остальным раздавался только освященный хлеб.

Глава 27

Исцеление хромого и арест апостолов

Исполненные Святого Духа Петр и Иоанн впервые осмелились в эти дни проповедовать с кафедры Иерусалимского храма.

Было около трех часов дня. Апостолы в сопровождении нескольких учеников вошли во внешний двор храма. Они несколько задержались около хромого калеки, принесенного на носилках и лежащего у входа. Сначала Петр говорил к народу во дворе храма, стоя спиной к святилищу и опираясь на каменную балюстраду. Он говорил с жаром, и его слушали очень внимательно. Священники же насторожились и поставили у дверей воинов.

Когда Петр окончил свое слово, упомянутый выше калека обратился к апостолам, прося милостыни. Несчастный лежал совсем скрюченный, опираясь на левый локоть, а правой рукой держа костыль, с помощью которого он тщетно пытался приподняться. Петр сказал больному: «Взгляни на нас! Серебра и золота нет у меня, что имею, даю тебе: во имя Иисуса Христа из Назарета - встань и

ходи!» Он взял калеку за правую руку, а Иоанн приподнял больного, ухватив подмышки. Человек встал на ноги, почувствовал в них силу и, радостно ликуя, начал бегать туда-сюда по залу храма. Двенадцать священников, сидящих на своих местах, вытянули шеи стараясь понять, что случилось, ибо народ, стекаясь отовсюду, окружил исцеленного и бурно разделял его радость. Узнав в чем дело, священники мрачно удалились. Петр же, пройдя в следующий зал, взошел на кафедру, с которой говорил Иисус в двенадцатилетнем возрасте. Он проповедовал долго и чрезвычайно вдохновенно. Его слушало множество народа, среди которого стоял и исцелившийся человек. Вечером некоторые апостолы проповедовали и в других залах храма.

Стемнело. Апостолы уже собирались идти к себе, как подошла стража и арестовала Петра, Иоанна и исцеленного ими человека. Их повели в тюрьму через двор, где некогда допрашивали Иисуса. Перед мысленным взором Петра живо промелькнула картина, как он всего около двух месяцев назад отрекался тут от своего Господа...Теперь они пламенели любовью к Спасителю, были бесстрашны и с радостью вошли в камеру, которая находилась рядом с той, где в ночь под великую пятницу Господь встретил рассвет Своего последнего дня. Прочие апостолы с учениками всю ночь провели в усердной, горячей молитве за заключенных.

Утром Каиафа, Анна и другие священники собрались в то судилище, где так недавно они допрашивали Самого Спасителя. Теперь их окружали толпы, которые слушали накануне Петра и уверовали по его слову. Послали за арестованными. Апостолов с исцеленным хромым вели через подземелье, где некогда был поругаем Спаситель, и воины толкали их и гнали вперед ударами палок. Их поставили на те самые подмости, на которых во время ночного допроса стоял Христос. Теперь Каиафа подверг здесь допросу апостолов, и Петр отвечал за троих с великой силой и мужеством. Зал был полон народом, который горячо сочувствовал апостолам, и священники были вынуждены отпустить узников на свободу.

Когда Петр с Иоанном вернулись в горницу и рассказали обо всем происшедшем, все выразили свою радость громкой благодарственной молитвой. В то мгновение поколебалось место, где они были собраны, словно Господь давал знать, что Он среди Своих возлюбленных чад и слышит их молитву.

Глава 28

Первая суббота и воскресение после Троицына Дня

Когда улеглось волнение и утихло ликование по поводу возвращения Петра и Иоанна, апостол Иаков Алфеев сообщил присутствующим, что Спаситель, явившийся всем на горе в Галилее, в тот день предупреждал одного Иакова о случившемся теперь и велел ему сказать апостолам: «Когда Петр и Иоанн будут

схвачены и снова отпущены, всем следует некоторое время держаться в стороне, быть осторожнее». Выслушав это повеление Спасителя, апостолы порешили удалиться до субботы в Вифанию, взяв с собою и Святые Дары. Богоматерь и святые жены отправились к Марфе. Церковь при купели Вифезда временно закрыли, а верующие разошлись по домам.

Однако в Вифании жизнь продолжала бить ключом. Апостолы усердно проповедовали и в гостинице, и в доме Симона, и у Лазаря, где питались все вместе во дворе, в доме или в подземных залах.

Здесь же со дня воскресения Господа постоянно находились Иосиф с Никодимом, скрывающиеся от преследования иудеев. В субботу в доме Лазаря ученики причащались Святыми Дарами, а у Симона и в гостинице раздавали освященный хлеб. Вечером апостолы возвратились в Иерусалимскую горницу.

Там, а также при купели Вифезда, собралось много уверовавших. Апостол Петр обратился к ним со следующими словами: «Настало время действовать, время разделить со всеми свое имущество и не бояться преследования. Те, кто не чувствует в себе на это достаточно сил, могут удалиться». После этих слов около сотни человек, присоединившихся недавно, вышли из общины. Из тех, кто проживал в доме с горницей, не отошел ни один.

Ночь накануне воскресного дня прошла в кипучей деятельности, сопровождавшейся молитвой. С рассветом все, вместе с Богоматерью и святыми женами, отправились в Иерусалимский храм. Был какой-то праздник, ибо у входа поставили нарядную триумфальную арку, над которой возвышалась фигура с поднятым мечом. Петр снова взошел на кафедру и вдохновенно и смело говорил народу. Он сказал, что ни преследования, ни побои, ни крест - ничто не сможет воспрепятствовать проповеди о Христе Иисусе. Тогда по залу храма прогремело единогласное «Да», вырвавшееся в единодушном порыве из груди уверовавших. Во время последующей чудесной молитвы над храмом появилось лучезарное облако, и божественный свет осиял всех собравшихся.

В восемь часов утра апостолы впервые повели всех уверовавших в Иерусалимскую горницу. Шли парами: впереди апостолы, за ними - ученики, потом недавно окрещенные и новообращенные. Процессия торжественно двинулась со двора храма через рынок к Овчим воротам, прошла на восток в Иерусалимскую долину, повернула к югу, а затем к западу, на гору Сион, к Иерусалимской горнице. Святые жены с Богоматерью пришли туда много раньше. Склонив колена пред престолом, Пресвятая Дева вознесла к Богу горячую молитву.

Выстроив верующих во дворе дома, апостолы пошли за Богоматерью. Она торжественно вышла к ним встала между Петром и Иоанном. Длинные полосы омофора, укрепленного на главе Богоматери блистающим венцом, спускались поверх голубой мантии до самой земли. Петр обратился к новообращенным, представив им Деву Марию как их общую Мать и Предстательницу пред Богом. Подходили к Ней небольшими группами, человек по двадцать, и Богоматерь давала всем Свое благословение, сопровождая его словами любви и назидания.

Глава 29

Рукоположение во священство.

В это же воскресенье, первое после Троицына дня, новоокрещенные впервые присутствовали на божественной литургии. Служили в горнице, стены которой были открыты. Алтарь был украшен венцом из цветов, по обе стороны алтаря и пред престолом горели светильники. Чаша и хлеб были покрыты, рядом стояли сосуды с водой и вином.

Петр был облачен в епископскую мантию. Иоанн и Иаков Алфеев ему сослужили. Все происходило так, как установил Спаситель на тайной вечери. Петр, совершив таинство, подал сослужащим ему Святые Дары и Чашу. Иоанн подал Святые Дары другим апостолам, причастив первой Пресвятую Деву. Затем причастили тех шестерых учеников, которых в этот день должны были рукополагать во священники, после чего причащали и других. Подходя к Святому Причастию, каждый вставал на колени, и пред ним двое простирали узкий и длинный плат.

Нафанаил и Иуст (он же Варнава), Варсава, Иоанн-Марк, Элиуд (потомок Симона) и Закхей были поставлены впереди остальных учеников. Они встали на колени, и Петр говорил им слово и читал над ними молитву. Иоанн и Иаков со свечами возложили руки на плечи посвящаемых, а Петр - на голову их. Посвященным постригали волосы, помазывали елеем голову и руки. Богоматерь принесла священнические одежды, и рукоположенные во священство ученики, были облачены в рясы и орари. По окончании службы Петр благословил всех Чашей со Святыми Дарами.

В этот же день все посетили купальню Вифезда. Снова шли торжественной процессией с зелеными ветвями в руках, с пением благодарственных гимнов. Пресвятая Дева взошла на хоры и, преклонив колени, молилась. Петр говорил народу с кафедры. Он описывал распорядок общины, указывал на то, что никто не должен что-либо иметь более другого, что надо все делить поровну и заботиться о бедных. Петр благодарил Бога за все Его милости и испрашивал благословение Спасителя для рождающейся церкви.

Глава 30

Первая христианская община

Апостолы и ученики принимали приносимое в общину, описывали, делили, раздавали индюшек и другую домашнюю птицу. Все делалось с неизменной любовью. Апостолы понимали язык каждого, хотя среди приезжих, было много иноплеменников.

Коренные жители Иерусалима воспротивились заселению города приезжими, поэтому апостолам пришлось послать своих представителей к городским властям, что бы уладить этот вопрос. От христиан говорили Иосиф Аримафейский, Никодим, Нафанаил, Элиуд - потомок Симона. Договорились освободить для приезжих некоторые городские гостиницы и предоставить переселенцам пустые земли между Вифанией и Вифагией. Там не было воды, но когда верующие начали рыть колодец, сразу забил мощный ключ, в чем христиане усмотрели Божие благословение.

Было основано три поселения: первое - для иудеев, второе для галилеян, третье - для пришельцев из стран волхвов. Палатки ставили кругом. В середине находился большой шатер с общественным имуществом, использованием которого заведовал выделенный ученик. У пришельцев из Азии всем распоряжался молодой Элиуд, путешествовавший со Спасителем в страну волхвов. Жилища для женщин ставили отдельно.

Апостолы продолжали беспрепятственно учить народ и проповедовали даже в залах храма. Им уже не мешали ибо большинство горожан поддерживало их. У купели Вифезда продолжалось массовое крещение, после чего новоокрещенных тщательно и долго готовили к первому причастию. Всех приводили к Богоматери. Она благословляла обратившихся к вере и брала их под Свое покровительство.

В те дни служили литургию и причащали верующих только по ночам. Это делали не из-за боязни врагов, но потому, что причастие было символом света: люди находятся во тьме и Святые Таины должны освящать их жизненный путь. К дорогам, по которым проходили апостолы, день ото дня все больше и больше приносили больных, устраивая над ними легкие шатры от солнца и непогоды. Больные располагались вдоль дороги от самой Иосафатской долины до врат храма.

Петр исцелял больше всех, но не подряд, а только тех, кто верил в Иисуса Христа и хотел примкнуть к Его стаду. Когда он желал вернуть здоровье больным (а их было много), то исцеляла даже тень апостола. Но весьма часто Петр отсылал и прочь. Если больные приходили к горнице, он посылал их в Иерусалимский храм, ибо творил чудеса всенародно и лишь во славу Христа Спасителя.

27-го мая произошла поучительная смерть Анании и жены его Сапфиры. Анания пригнал в дом с горницей овец и ослов, принес различные ткани, как дар для общины и просил допустить его к крещению. За хозяином следовал слуга, несший сумку с вырученными деньгами от продажи имения. Однако Анания с согласия жены оставил при себе некоторую сумму денег (см. Деян. 5:1 -11) (Эммерих очень жалела души этих супругов, и ей было сказано, что они не погибли, ибо смерть этих людей была вразумлением для других).

Я видела кипучую деятельность первой христианской общины ежедневно до 27-го мая.

Апостол Варнава продал свою часть имения на Кипре и отдал деньги в распоряжение апостолов. То же самое сделал Лови из Капернаума и вступил в общину со всеми своими родными, домочадцами и слугами. Это был тот человек, который предоставлял в течение трех лет обширный дом с пристройками и садом в пользование Деве Марии и Ее божественному Сыну.

Глава 31 Назначение диаконов

В конце мая Петр и другие апостолы ненадолго разошлись для проповеди по Иудее. Дом с горницей заперли. Пресвятая Дева переселилась в Вифанию. В Иерусалиме неизменно оставался Иаков Алфеев, стоящий во главе церкви. Хозяйство общины перешло в руки других, отчего тотчас возникли недоразумения. Тогда ученики призвали обратно апостола Петра и, торжественно облачив его в епископское одеяние, просили разрешить разногласия.

Избрание диаконов, описанное в Деяниях (гл.6), произошло 13-го июня. Высокий и прекрасный собою Стефан выступил вперед и сам предложил свои услуги. Пармен был другом юных лет Спасителя и считался старейшим учеником. Но в числе других избранных диаконов было несколько очень молодых мавров, еще не принявших Святого Духа, хотя и крещеных. Петр возложил на них руки, препоясал их орарем и благодать Божия потоками света излилась на избранников церкви. Им было поручено имущество и запасы церкви, хранимые в доме Иосифа Аримафейского. (К тому времени Иосиф Аримафейский, Никодим и Лазарь тоже были рукоположены во священники).

Передав внешнее управление общины новым диаконам, апостолы на следующий же день снова разошлись на проповеди по различным городам. Однако первой Христовой церкви не пришлось наслаждаться тишиной и миром. Во главе ее гонителей стал энергичный и горячий человек - молодой фарисей из Тарса Савл (будущий первоверховный апостол). Его деятельность была направлена на разжигание ненависти евреев против христиан. С яростью и твердой убежденностью в правоте своего дела Савл разыскивал учеников Господа, многих из которых он знал и раньше, спорил с ними и не пренебрегал ничем, чтобы помешать их делу. Он устраивал препятствия, где только было возможно. Отыскивал поселения верующих и старался сделать их жизнь невыносимой. Он обращался за помощью и к саддукеям и к синедриону, посылая от их имени требования к переселенцам, весьма ухудшающие положение христиан. Тогда верующие снова послали за апостолами.

Первого июня из Иоппии вернулись Петр и Андрей, а из Самарии - Фома и Филипп. Юный Стефан просил их разрешить недоразумение происшедшее из-за раздачи хлеба, и снова водворить мир. Диаконы поступали добросовестно, но Савл, старавшийся посеять раздор среди христиан, возбуждал в них

недовольство и жалобы. Они обвинили диаконов перед Никодимом и прежним начальством их общины, но диаконов оправдали, и недовольные, по совету Савла, обратились к Гамалиилу и священникам храма. Переселенцы заявили, что были обмануты, введены в заблуждение и просили помощи и защиты. Стефан был вызван в синедрион. Юноша один защищался против разъяренных иудеев, да так веско и мужественно, что был на сей раз отпущен на свободу. Его мученическая кончина последовала позже, через год, когда к Савлу присоединился Симон-волхв из Самарии (Деян.8-9:35), и они подняли весь Иерусалим против христиан. Тогда и произошли первые гонения.

Приложение

Описание некоторых мест древнего Иерусалима, а также сада Иосифа Аримафейского.

Первые ворота Иерусалима по направлению с востока ведут в предместье Опель. Ворота эти - на юг от юго-восточной части храма. За ними следуют ворота Пробатичные, идущие от северо-восточной части храма.

Однако с некоторых пор между этими двумя воротами есть еще новые ворота. И эти новые ворота ведут к двум улицам к востоку от храма и горы Синайской - улицам, населенным главным образом каменщиками и другими рабочими. Улицы эти начинаются с домов, прилежавших к храму, и дома эти, ближайšie к храму, почти все принадлежат Никодиму, т.к. он их построил. Рабочие живущие в этих домах, либо платят ему за помещение, либо работают у него. Я их часто видела с ним или его другом. Иосиф из Аримафеи, как известно, обрабатывал большие каменоломни, принадлежащие ему на его родине.

Эти ворота построены совсем недавно и очень красивы и величественны. Они называются воротами Мория. Как только была окончена их постройка, Спаситель торжественно вошел этими воротами в Иерусалим в Вербное Воскресение.

Итак, Спаситель вошел в святой город воротами Никодимовыми, через которые до него еще никто не входил. И Спаситель был положен во гроб в саду Иосифа Аримафейского в гробницу, куда никто до Него не был положен. Ворота эти были впоследствии замурованы и есть предание в народе, что этими воротами христиане должны еще войти в святой город. И сейчас есть еще в Иерусалиме замурованные ворота, которые называются у турок золотыми воротами.

Прямой путь от Пробатичных ворот на запад, перейдя сквозь стены, прошел бы от северо-западной части храма к Голгофе. От этих ворот до Голгофы по прямой линии приблизительно три четверти часа ходу. От дворца Пилата до Голгофы ходу около сорока минут. Башня Антония примыкает с северо-запада к

горе храма. Она на скале и остается налево, если идти на запад от дворца Пилата. Над одной из стен этой башни-крепости есть терраса, которая выходит на форум. Отсюда римский правитель обращается к народу, когда объявляет свои декреты и полицейские приказы.

Пока Спаситель шел Крестным путем по городу, Голгофа была слева, т.к. путь шел на юго-запад. Ему пришлось пройти ворота, сделанные во внутренней стене, ведущей к Сиону, самой высокой части города. Над этой стеной к западу идет квартал, где больше садов, чем домов. Еще дальше у этой стены по направлению выхода из города видны богатые гробницы, очень нарядно и изящно построенные и окруженные садами. В этом квартале находится дом Лазаря, по соседству с воротами Ангель. От этих ворот городская стена направлена к югу. Сады Лазаря доходили до окраин города. Небольшие ворота поблизости от ворот Пробатичных сделаны во внешней части сада. С разрешения Лазаря Спаситель со Своими учениками часто входил и выходил из города этими воротами.

Эти ворота в северо-западной части города ведут к дороге в Бетзур, городок к северу от Эммауса. Спаситель на Своем Крестном пути не проходил по этой части Иерусалима, покрытой садами. Этот квартал находился справа, к северу от Крестного пути. От него шел Симон Кириянин, когда вышел навстречу Спасителю. Те ворота, из которых вывели Спасителя мира к Голгофе, не совсем на западе (они по направлению солнца, когда оно стоит там в четыре часа дня). Возле этих ворот городская стена поворачивает дважды по направлению к горе Сионской. Налево от стены, против ворот - башня, уже вне города, похожая на крепость.

Тут есть еще другие ворота. Дорога, идущая от них на юг, ведет в долину по направлению к Вифлеему и почти против Лобного места она поворачивает. Гора Голгофская очень крутая в восточной части своей, противоположной городу. Другая сторона, противоположный спуск, много легче. С западной стороны дорога ведет в Эммаус и недалеко от дороги есть дуга.

Тут я видела, как апостол Лука собирал травы, когда шел с Клеопой - в день, когда они встретили воскресшего Спасителя, которого узнали при преломлении хлеба. Спаситель наш на Кресте был обращен лицом к северо-западу. Он мог видеть башню Антония. На восток и на север от Голгофы видны сады, гробницы, виноградники. Водружен был Крест Спасителя у подножия горы на северо-востоке.

С горы Голгофы, глядя на юг, виден дворец Каиафы и разрушенная крепость Давида. Сад Иосифа Аримафейского совсем близко - менее, чем в четверти часа ходьбы от Голгофы.

Сестра Эммерих в своих видениях в течение четырех лет постоянно видела святые места то заброшенными, то снова в почитании. Она говорила, что святая Елена собирала капли Плоты и Крови, изошедшие при страданиях Господа, и велела их перенести в церковь, основанную ею у гроба Господня недалеко от Голгофы.

Сад Иосифа Аримафейского находится на возвышенности недалеко от ворот, ведущих в Вифлеем. Это прекрасный сад с большими деревьями, скамейками для сидения, с тенистыми аллеями. Самая высокая часть сада подходит к городским стенам, и если идти с севера через равнину к саду, то незаметно подъем идет по направлению к стенам города. Направо на краю сада видна уединенная скала и в ней гробница. Вход в нее с востока, наружная дверь простая. В юго-западной и северо-западной части этой скалы есть еще две гробницы. К западу идет тропинка вокруг всей скалы.

Против входа в гробницу земля выше, чем вход, и надо спуститься по нескольким ступеням, чтобы подойти к двери гробницы. Она довольно просторная, так что четыре человека могут встать справа и четыре слева, не мешая движениям тех, кто пронесет тело, чтобы опустить в гроб. Закругляясь против двери, в западной части своей гробница как бы образует широкую, на два локтя выше земли, нишу. Скала в этом изгибе как бы покрывает пространство, которое должно принять тело. Камень, который должен служить телу смертным ложем под скалой, находится в западной части. Он имеет форму алтаря. Два человека могут свободно встать возле этого камня: один справа, другой слева, и еще останется свободное место перед камнем, даже если дверь в гробницу закрыта. Она вделана в стену и открывается на две половины. Дверь не вполне перпендикулярна, а имеет наклон в сторону гроба.

Камень, который приваливают снаружи двери, может мешать открыванию двери. Обычно он лежит при входе в гробницу. Когда Спасителя положили во гроб и закрыли дверь, камень этот был придвинут к двери. Он очень велик и выточен таким образом что, несмотря на наклон двери и стены гробницы, пригнан точно и плотно к дверям. Когда надо открыть двери, камень не отталкивают из-за недостатка места, а приподнимают его при помощи железной цепи, проделанной в стене; цепь эту продевают в кольца, вделанные в камне.

Против гробницы есть сидение из камня. Можно взойти на скалу, внутри которой находится гробница. Отсюда, над стенами города, видны гора Сионская и некоторые башни города, Вифлеемские ворота, акведук и колодезь Гюон. Во внутренней части своей скала белая, с красными и черными прожилками в камне. Гробница сделана с большим старанием и искусством.

Содержание

Предисловие. Евангелие от Анны-Екатерины

Тайная Вечеря

Глава 1. Накануне Тайной Вечери

- Глава 2. Прощание Господа с учениками
- Глава 3. Пасхальная Трапеза. Омовение ног
- Глава 4. Предупреждение Иуде
- Глава 5. Таинство веры. Причастие
- Глава 6. Гефсиманское борение
- Глава 7. Моление о Чаше
- Глава 8. Предательство Иуды
- Глава 9. Поцелуй Иуды
- Глава 10. Накануне суда
- Глава 11. Суд синедриона
- Глава 12. Отречение Петра
- Глава 13. Иисус в темнице
- Глава 14. Начало Крестного Пути

Распятие Господа

- Глава 1. Царь Иудейский
- Глава 2. Сомнения Пилата
- Глава 3. Иисус у Ирода
- Глава 4. Бичевание Спасителя
- Глава 5. Увенчание Терновым Венцом
- Глава 6. Смертный приговор
- Глава 7. Несение Креста
- Глава 8. Падения Спасителя
- Глава 9. Лобное место
- Глава 10. Распятие Господа
- Глава 11. Усыновление Иоанна
- Глава 12. Последние слова Спасителя
- Глава 13. Явления умерших
- Глава 14. Снятие Господа с Креста
- Глава 15. Положение во Гроб
- Глава 16. После Погребения

Воскресение

- Глава 1. Ожидание Воскресения
- Глава 2. Сошествие во ад
- Глава 3. Воскресение
- Глава 4. Явления Спасителя у гроба
- Глава 5. В день воскресения Христова
- Глава 6. Явление Господа Луке и Клеопе
- Глава 7. Явление Господа апостолам
- Глава 8. Первая Евхаристия
- Глава 9. Апостолы собираются вместе
- Глава 10. Проповедь Петра в Тенаф-Силоме

- Глава 11 Святые жены в Вифании
- Глава 12. Второе явление Спасителя в горнице
- Глава 13. Явление Господа на озере в Галилее
- Глава 14. Господь с душами праотцов
- Глава 15. Господь является пятистам
- Глава 16. Апостолы исцеляют и проповедуют
- Глава 17. Апостолов призывают к ответу
- Глава 18. Прославление Богоматери
- Глава 19. Рост церкви Христовой
- Глава 20. Явления воскресшего Господа
- Глава 21. Последний день перед Вознесением
- Глава 22. День Вознесения
- Глава 23. После вознесения Господа
- Глава 24. Сошествие Святого Духа
- Глава 25. Крещение и праздник Пятидесятницы
- Глава 26. После Троицына Дня
- Глава 27. Исцеление хромого и арест апостолов
- Глава 28. Первая суббота после Троицына Дня
- Глава 29. Рукоположение во священство
- Глава 30. Первая христианская община
- Глава 31. Назначение диаконов

Приложение

Анна – Екатерина Эммерих

ЕВАНГЕЛИЕ
ДЕНЬ ЗА ДНЕМ
Ангельское Откровение
о земных днях Господа

Тайная Вечеря
Распятие
Воскресение

Редакторы Тамара Мишуткина,
Ирина Лисина, Мария Брейдина;
Технический редактор Лев Мухамеджанов;
Художник д.Нифонт Дмитриев;

Перевод с немецкого.

EM5 Анна-Екатерина Эммерих. Тайная Вечеря Распятие Воскресение.
Издание второе, дополненное. Пер. с нем – М.: Новая Святая Русь, 1997. — 304с.
ISBN 5-7653-0093-6

Подписано в печать 27.02.97.

Формат 60*84/16 Бумага офсетная Гарнитура Кудряшевская.

Усл. печ. 19 Тираж 5000 Зак. 137.

Отпечатано с готового оригинал макета в типографии ИПО Профиздат.
109044, Москва. Крутицкий вал, 18.

Лицензия ЛР № 030564 от 29 07 93
Издательство «Новая Святая Русь»
103045, Москва, Пушкарев пер , 18,
Дом Божией Матери, тел 924-15-55.